This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

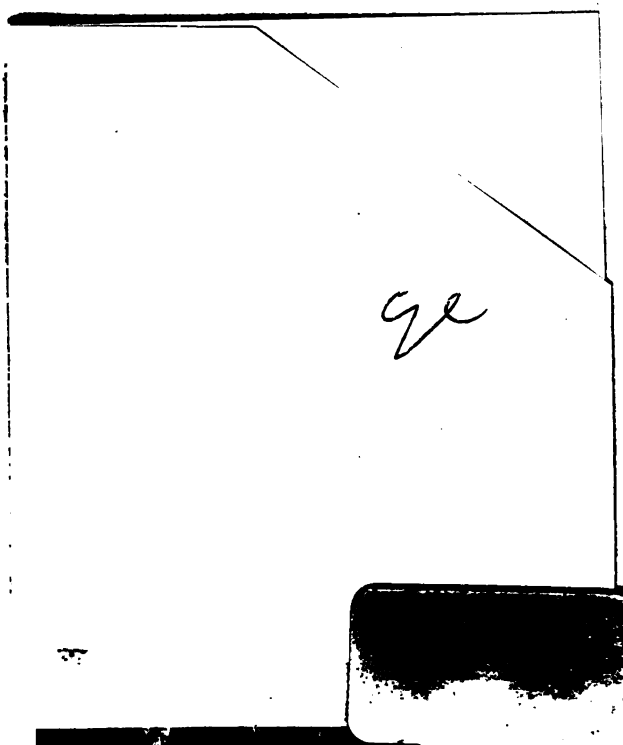
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

UC-NRLF
B 3 463 836

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA



ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ

СТИХИ 1887—1890

Я. П. ПОЛОНСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типог рафія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1890

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

NOV 2 2 1995

XM81
29799
MAIN

PG 3337
P72 V4
1890
MAIN

Все написанное мною, какими бы то ни было стихами, съ 10-го Апрѣля 1887 г.—съ чувствомъ признательности посвящаю всѣмъ принимавшимъ участіе въ празднованіи 50-ти-лѣтняго юбилея моей литературной дѣятельности.

Я. Полонскій.

117867

Дѣтство нѣжное, пугливое,
Безмятежно-шаловливое —
Въ самый холодъ вешнихъ дней
Лаской матери пригрѣтое,
И навѣки мной отпѣтое
Въ дни безумства и страстей,
Нынѣ всѣми позабытое,
Подъ морщинами сокрытое
Въ нѣдрахъ старости моей —
Для чего ты вновь встревожило
Зимній сонъ мой — словно ожило
И повѣяло весной?—
Оттого, что вновь мнѣ слышится
Голосокъ твой, легче-ль дышется
Мнѣ съ поникшей головой!..
Не безъ думы, не безъ трепета,
Слышу я наивность лепета:
— Старче! развѣ ты—не я?!
Я съ тобой навѣки связано,
Мной вся жизнь тебѣ подсказана,
Въ ней сквозитъ мечта моя;—
Не напрасно вновь являюсь я,—
Твоей смерти дожидаюсь я,

Чтобъ припомнило и я
То, что въ дни моей безпечности,
Я забыло въ нѣдрахъ вѣчности—
То, что было до меня.

ОРЕЛЪ И ГОЛУБКА.

(Посвящается Я. К. Гроту).

Вздымая волны, надъ заливомъ
Шла къ ночи буря,—громъ гудѣлъ...
За облака, навстрѣчу ливня,
Орелъ съ добычею летѣлъ:
Въ свое гнѣздо, не внемля грому,
Крылами разсѣкая мглу,
Онъ несъ въ когтяхъ своихъ голубку
И опустился на скалу.

За нимъ мерцали на закатѣ
Вершинъ незыблемыхъ снѣга,
Подъ нимъ клубились тучи—пѣна
Посеребряла берега.
Ручьи скакали по каменьямъ,
Орлы кричали... Никому
Не откликался онъ и слушалъ,
Какъ жертва плакалась ему...

Въ его когтяхъ, дрожа и жмурясь,
Она молила: «отпусти...»

И внялъ мольбамъ великодушный
Орелъ и молвилъ ей: «лети!»
И радостно, своей свободы
Почуя мигъ, какъ снѣжный комъ,
Съ размаху брошенный, голубка
Рванулась вдаль, мелькнувъ крыломъ,

И полетѣла;—закружилась,
Ища родныхъ ей береговъ,
И погрузилась въ водяную
Пыль между волнъ и облаковъ,
И сдѣлалась добычей бури—
Добыча мощнаго орла...
Увы, бездушная стихія
Ея молитвъ не приняла...

Какъ мотылекъ, дождемъ прибитый,
Едва мелькая въ бурной мглѣ,
Она исчезла въ сѣрой пѣнѣ
Валовъ, несущихся къ скалѣ;
На той скалѣ, все тотъ же мощный
Орелъ державно отдыхалъ,
Порой свой клювъ точилъ, порою
Лѣниво крылья расправлялъ.

И думалъ онъ: авось подъ утро
Стихій угомонится вой,
И выпрыгнетъ на солнце серна,
И гуси взмоютъ надъ водой...
А тамъ, гдѣ конь пылитъ дорогу,
Стада потянутся въ кусты...
И мнѣ потребную добычу
Господь укажетъ съ высоты...

1887.

Н. И. ЛОРАНУ.

Другъ! По слякоти дорожной
Я бреду на склонѣ лѣтъ,
Какъ бѣглецъ съ душой тревожной,
Какъ носильщикъ осторожный,
Какъ измученный поэтъ.

Плохо вижу я дорогу;
Но, шагая рядомъ, въ ногу,
Съ неотзывчивой толпой,—
Страсти жаръ неутоленной,
Холодъ мысли непреклонной,
Жажду правды роковой
Я несу еще съ собой.

Разливается по жиламъ
Жаръ и жуткій холодокъ.
Или ношу не по-силамъ
Взялъ я на душу—ходокъ?
Или ноша эта стала
Тяжелѣе и гнететъ
Отъ осеннихъ непогодъ?
Умъ тупѣетъ, грудь устала,

Чувство стынетъ въ этой мглѣ,
Что зари сіянье прячетъ,
И дождитъ, какъ будто плачетъ,
Разстилаясь по землѣ.

Но повѣрь мнѣ, ноша эта
Мнѣ была бы нипочемъ,
Еслибъ только было лѣто
И дышалось бы тепломъ.
Мнѣ-бъ казался путь не дологъ,
Еслибъ солнечныхъ небесъ
Голубой, прозрачный пологъ
Окаймлялъ зеленый лѣсъ;
Еслибъ въ полѣ пѣли птицы,
А за пашней, на юру,
Полоса густой пшеницы
Колыхалась на вѣтру.
Не простылъ бы жаръ сердечный,
Я-бъ надеждою безпечной
Духъ мой втайнѣ веселилъ,
И меня-бъ, съ утратой силъ,
По дорогѣ къ правдѣ вѣчной
Холодъ мысли не знобилъ.

1887.

Любви не боялась ты, сердцемъ созрѣвшая рано:
Повѣрила ей, отдалась — и грустишь одиноко...
О, бѣдная жертва неволи, страстей и обмана,
Порви ты ихъ грязную сѣть и не бойся упрека!

Людскіе упрёки — фальшивая совѣсть людская...
Не плачь, не горюй, проясни отуманенный взоръ твой!
Вѣдь я не судья, не палачъ,— хотъ и знаю, что злая
Молва подписала — заочно смѣясь — приговоръ твой.

Но каждый изъ насъ развѣ не былъ страстями обманутъ?
Но развѣ враги твои могутъ смѣяться до гроба?
И развѣ друзья твою душу терзать не устанутъ?..
Безъ повода къ злу у людей выдыхается злоба...

И все, что въ тебѣ было дорого, чисто и свято,
Для любящихъ будетъ такимъ же священнымъ казаться;
И щедрое сердце твое будетъ такъ же богато —
И такъ же ты будешь любить и, любя, улыбаться.

А. А. ФЕТЪ.

Нѣтъ, не забуду я тотъ ранній огонекъ,
Который мы зажгли на первомъ перевалѣ,
Въ лѣсу, гдѣ соловьи и пѣли, и рыдали.
Но миновалъ нашъ май — и миновалъ ихъ срокъ.
О, эти соловьи!.. Благословенный рокъ
Умчалъ ихъ изъ страны калинника и елей
Въ тотъ теплый край, гдѣ нѣтъ простора для мятелей.
И тамъ, гдѣ жарче югъ и гдѣ свѣтлѣй востокъ,
Гдѣ съ рѣзвой пѣною и съ сладостнымъ журчаньемъ
По камушкамъ ручьи текутъ, а вѣтерокъ
Разноситъ вздохи розъ, дыша благоуханьемъ,
Пока у насъ въ снѣгахъ весны простылъ и слѣдъ,
Тамъ — тѣ же соловьи и съ ними тотъ же Фетъ...
Постигъ онъ какъ мудрецъ, что, если насъ съ годами
Влечетъ къ зимѣ, то — намъ къ веснѣ возврата нѣтъ,
И — улетѣлъ за соловьями.
И вотъ, мнѣ чудится, нашъ соловей-поэтъ,
Любимецъ розъ, пахучими листами
Прикрытъ, и — вѣчной той веснѣ поетъ привѣтъ.
Онъ славитъ красоту и чары, какъ влюбленный,
И въ звѣзды, и въ грозу, что будитъ воздухъ сонный.
И въ тучки сизыя, и въ ту нѣмую даль,

Куда уносятся и грезы, и печаль,
И стаи призраковъ причудливыхъ и странныхъ,
И вздохи розъ благоуханныхъ.
Волшебныя мечты не знаютъ нашихъ бѣдъ:
Ни злобы дня, ни думы омраченной,
Ни ропота, ни лжи, на все ожесточенной,
Ни пораженій, ни побѣдъ.
Все тотъ же огонекъ, что мы зажгли когда-то,
Не гаснетъ для него и въ сумеркахъ заката,
Онъ видитъ призраки ночные, что ведутъ
Свой шепотливый споръ въ лѣсу у перевала.
Тамъ миріады звѣздъ плывутъ безъ покрывала
И тѣ же соловьи рыдаютъ и поютъ.

1888 г. 1 февраля.

ВЪ ЗАСУХУ.

Все жаждетъ, истомясь отъ зною;
Все вопіетъ: дождя, дождя!
И рады всѣ, что солнце мглою
Покрылось, сумракъ наводя.

Влачится тучъ густыхъ завѣса,
Грозя намъ ливнемъ,—и пыля,
Изъ-за синѣющаго лѣса,
Прохладой вѣетъ на поля.

Шуршитъ соломой рожь сухая,
Пыль зарывается въ кусты,—
И только капля дождевая
Одна спадаетъ съ высоты.

Дождя, дождя!.. Ужель обманутъ
Насъ громовые голоса,
Съ земли колосья не привстанутъ
И не омоются лѣса?

Увы! Грозы насмѣшка злая—
Громовый хохотъ надъ землей!..

II

Къ чему намъ капля дождевая!
Что значитъ капля въ этотъ зной!..

Молніеносной тучи глыба
Перевалила за лѣса—
Никто не скажетъ ей спасибо,
Съ упрекомъ глядя въ небеса.

Ушла!.. Но гдѣ надъ зломъ побѣда?
Въ чемъ торжество? Все тотъ же зной—
И не осталось даже слѣда
Отъ бѣдной капли дождевой...

1888.

ЭРОТЪ.

Разъ, на помостѣ Олимпа, баловень Зевса лукавый,
Рѣзвый Эротъ, увидалъ Аполлона священную лиру;
Мигомъ подкрался и съ важною миной бойкой рученкой
Сталъ ударять по струнамъ ея, туго-натянутымъ. Глухо
Звякнувъ, заныли ему непослушныя гулкія струны.
Гнѣвно очами сверкнувъ, оглянулась Минерва; Музы
Молча потупились; у Афродиты мгновенный румянецъ
Скрасилъ тревогу лица ея; лишь Аполлонъ, усмѣхнувшись,
Молвилъ: Какъ милъ онъ!.. не будемъ мѣшать ему — пусть онъ
Потѣшится, вѣчный ребенокъ! — Дочери смертныхъ и нимфы,
Тѣ, что поранены имъ и взаимности жаждой томятся
И за такое брянчанье его увѣнчаютъ, какъ Бога
Пѣсенъ, и назовутъ его вѣщимъ, такимъ-же какъ я.

1888 г. 6 мая.

У ДВЕРИ.

(Посвящается А. П. Чехову).

Однажды въ ночь осеннюю,
Пройдя пустынный дворъ,
Я на крутую лѣстницу
Вскарабкался какъ воръ.

Тамъ дверь одну завѣтную
Впотьмахъ нащупалъ я,
И постучался.— Милая!
Не бойся... это я...

А мгла въ окно разбитое
Сползала на чердакъ,
И смрадъ стоялъ на лѣстницѣ
И шевелился мракъ.

— Вотъ-вотъ она откликнется,
И блѣдная рука
Меня обниметъ трепетно
При свѣтѣ ночника.

Попрежнему, на грудь ко мнѣ
Склонясь, она вздохнетъ,
И страстный голосокъ ея
Порвется и замретъ...

Она — мой другъ единственный,
Она — мой идеалъ!
И снова въ дверь досчатую
Я тихо постучалъ.

— Прости меня, пусти меня,
Я дрогну, ангелъ мой!
Измученъ я, истерзанъ я
Сомнѣньемъ и тоской.

И долго я стучался къ ней —
Стучался, звалъ и — вдругъ
За дверью подозрительный
Почудился мнѣ стукъ.

Я дрогнулъ и весь замеръ я,
Дыханье затая
— Такъ вотъ ты какъ,— измѣнница!
Лукавая змѣя!

Вдвоемъ ты... но... безумецъ я!
Очнуться мнѣ пора...
Здѣсь буду ждать соперника
До поздняго утра.

Все, все, чему такъ вѣрилъ я —
Ничтожество и ложь!

Улика будетъ явная —
Меня не проведешь...

Но, притаивъ дыханіе,
Какъ сыщикъ у дверей,
Я не слыхалъ ни шороха,
Ни скрипа, ни рѣчей...

— О гнусность подозрѣнія!
Искупитъ ли вину
Отрадная увѣренность
Застать ее одну.

И, сердцемъ успокоенный,
Я понялъ, что она
Моимъ же поведеніемъ
Была оскорблена.

Недаромъ въ часъ свиданія
У лѣстницы, внизу,
Подмѣтилъ я въ глазахъ ея
Обидную слезу.

Не я-ль,— гордецъ безчувственный!
Сознался ей, какъ трусъ,
Что я стыжусь любви моей,
Что бѣдности стыжусь...

Проснулась страсть мятежная.
Тоской изныла грудь;
Прости меня, пусти меня,
Слова мои забудь.

Но чу!.. Опять сомнѣніе!..
Не вѣтеръ ли пахнулъ?
Не мышь ли? — не сосѣди ли?
Нѣтъ! — Кто же такъ вздохнулъ?

Такъ тяжко, такъ мучительно
Вздыхаетъ смерть одна —
Что̀ если... счеты съ жизнію
Покончила она?

Увы! никто не учитъ насъ
Любить и уповать;
А ядъ и дѣти малыя
Умѣютъ добывать.

Мерещился мнѣ трупъ ея,
Потухшіе глаза,
И съ горькой укоризною
Застывшая слеза.

Я плакалъ, я съ ума сходилъ,
Я милой видѣлъ тѣнь,
Холодную и блѣдную
Какъ этотъ сѣрый день.

Уже въ окно разбитое
На сумрачный чердакъ
Глядѣло небо тусклое,
Разсѣевая мракъ.

И дождь урчалъ по жолобу,
И вѣтеръ выл, какъ звѣрь...

Меня застали дворники
Ломившагося въ дверь.

Они узнали прежняго
Жильца и, не спроста
Хихикая, сказали мнѣ,
Что комната пуста...

Съ тѣхъ поръ я, какъ потерянный,
Куда ни заходилъ,
Все было пусто, холодно...
Чего-то — слѣдъ простылъ...

1888.

ЛЕБЕДЬ.

Пѣлъ смычекъ,—въ садахъ горѣли
Огоньки,— сновалъ народъ,
Только вѣтеръ спалъ да тёменъ
Былъ ночной небесный сводъ,

Тёменъ былъ и прудъ зеленый
И густые камыши,
Гдѣ томился бѣдный лебедь,
Притаясь въ ночной тиши.

Умирая, не видалъ онъ,—
Прирученный нелюдимъ,—
Какъ надъ нимъ взвилась ракета
И разсыпалась надъ нимъ;

Не слыхалъ, какъ струйка билась,
Какъ журчалъ прибрежный ключъ,—
Онъ глаза смыкалъ и грезилъ
О полетѣ выше тучъ:

Какъ въ просторъ небесъ высоко
Унесетъ его полетъ,—

И какую тамъ онъ пѣсню
Вдохновенную споетъ!

Какъ на все, на все святое,
Что таилъ онъ отъ людей,
Тамъ откликнутся родныя
Стаи бѣлыхъ лебедей.

И ужъ грезилъ онъ: минута —
Вздохъ — и крылья зашумятъ,
И его свободной пѣсни
Звуки утро возвѣстятъ.—

Но крыло не шевелилось,
Пѣсня путалась въ умѣ:
Безъ полета и безъ пѣнья
Умиралъ онъ въ полутьмѣ.

Сквозь камышь, шурша по листьямъ,
Пробирался вѣтерокъ...
А кругомъ въ садахъ горѣли
Огоньки и пѣлъ смычекъ.

1888 г. 12 мая.

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦЪ.

Не сотвори себѣ кумира.
(Заповѣдь).

. . . . . .

На громоносныхъ высотахъ
Синая, въ свѣтлыхъ облакахъ,
Свершалось чудо. Былъ отверстъ
Край неба, и небесный перстъ
Писалъ на каменныхъ доскахъ:
«Азъ есмь Господь—иного нѣтъ».
Такъ началъ Богъ святой завѣтъ.

Они же, позабывъ Творца,
Изъ злата отлили тельца;
Въ немъ видя Бога своего,
Толпы скакали вкругъ него,
Взывая и рукоплеща;
И жертвенникъ пылалъ треща,
И новый богъ, сквозь сѣрый дымъ,
Мелькалъ имъ рогомъ золотымъ.

Но вотъ, съ высотъ сошелъ пророкъ,—
Спустился съ камня на песокъ,

И увидалъ ихъ, и разбилъ
Свои скрижали и смутилъ
Ихъ появленіемъ своимъ.
Нетерпѣливъ, неукротимъ,
Онъ въ гнѣвѣ сильною рукой
Кумиръ съ подножья своротилъ,
И придавилъ его пятой...

Завылъ народъ и передъ нимъ,
Освободителемъ своимъ,
Палъ ницъ — покаялся, а онъ
Напомнилъ имъ о Богѣ силъ —
Единомъ Богѣ, и законъ
Поруганный возстановилъ.

Но въ оны дни, и не высокъ,
И малъ былъ золотой божокъ;
И не оставили его
Лежать въ пустынѣ одного,
Чтобъ вихри вьющимся столбомъ
Не замели его пескомъ;
Тайкомъ Израиля сыны,
Лелѣя золотые сны,
Въ обѣтованный край земли
Его съ собою унесли.

Тысячелѣтія прошли
Съ тѣхъ поръ — божокъ ихъ росъ, все росъ
И выросъ въ міровой колоссъ.
Всевластнымъ богомъ сталъ кумиръ, —
Сталъ золоту послушенъ міръ...
И жертвенный нашъ фиміамъ

Ужъ не восходитъ къ небесамъ,
А стелется у ногъ его;
И нѣтъ намъ славы безъ него,
Ни власти, ни труда, ни зла,
Ни блага... Безъ его жезла
Волшебнаго—конецъ уму,
Наукѣ, творчеству,—всему,
Что слышитъ ухо, видитъ глазъ.
Онъ крылья намъ даетъ, и насъ
Онъ давитъ; пылью кроетъ потъ
Того, кто вслѣдъ за нимъ ползетъ,
И грязью брызжетъ на того,
Кто проситъ милости его.
Войдите въ храмъ царя-царей,
И тамъ, у пышныхъ алтарей,
Кумира вашего дары
Въ глаза вамъ мечутся, и тамъ,
Въ часы молитвы снятся вамъ
Его роскошные пиры,
Гдѣ блескъ, и зависть, и мечты
Сластолюбивой красоты,
И нѣга, и любовью торгъ
Въ одинъ сливаются восторгъ...

Обожествленный прахъ земной
Сталъ выше духа—онъ толпой
Такъ высоко превознесенъ,
Что геній имъ порабощенъ,
И праведникъ ему не святъ.
Недаромъ всѣ ему кадятъ:
Захочетъ онъ—тряхнетъ казной,
И кровь польется, и войной

И ужасами родъ людской
Охваченъ будетъ какъ огнемъ.
Ему проклятья нипочемъ;
Онъ намъ не братъ и не отецъ,—
Онъ богъ нашъ—золотой телецъ!..

Скажите же, съ какихъ высотъ
Къ намъ новый Моисей сойдетъ?
Какой предъявитъ намъ законъ?
Какою гнѣвной силой онъ
Громаду эту пошатнетъ?
Вѣдь, еслибъ вдругъ упалъ такой
Кумиръ всесвѣтный, роковой,
Языческій, землѣ родной,—
Какой бы вдругъ раздался стонъ!—
Вѣдь помрачился-бъ небосклонъ
И дрогнула бы ось земли!..

Не бойтесь, не пророки къ намъ
Сойдутъ съ высотъ, а развѣ самъ
Вочеловѣчившійся Богъ...

1888 г.

СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

(Для дѣтскаго журнала).

Вѣсть, что люди стали мучить Бога,
Къ намъ на сѣверъ принесли грачи;
Потемнѣли хвойныя трущобы,
Тихіе заплакали ключи...
На буграхъ каменья обнажили
Лысины, прикрытыя въ морозъ,
И на камни стали капать слезы
Злой зимой ощипанныхъ березъ.

* * *

И другія вѣсти, горше первой,
Принесли скворцы въ лѣсную глушь:
На крестѣ распятый, всѣхъ прощая,
Умеръ Богъ, Спаситель нашихъ душъ.
Отъ такихъ вѣстей сгустились тучи,
Воздухъ бурнымъ зашумѣлъ дождемъ;
Поднялись — морями стали рѣки,
И въ горахъ пронесся первый громъ.

* * *

Третья вѣсть была необычайна:
Богъ воскресъ, и смерть побѣждена!

Эту вѣсть побѣдную примчала
Богомъ воскрешенная весна.
И кругомъ луга зазеленѣли,
И тепломъ дохнула грудь земли,
И, внимая трелямъ соловьинымъ,
Ландыши и розы зацвѣли.

ПАМЯТИ В. М. ГАРШИНА.

Вотъ здѣсь сидѣлъ онъ у окна,
Безмолвный, сумрачный:—больна
Была душа его,—онъ жался
Какъ бы отъ холода, глядѣлъ
Разсѣянно и не хотѣлъ
Мнѣ возражать,—а я старался
Утѣшить гостя и не могъ.

Быть можетъ, вѣры въ исцѣленьс
Онъ жаждалъ, а не утѣшенья;
Но гдѣ взять вѣры!?—Слово «Богъ»
Мнѣ на уста не приходило;
Молитвъ цѣлительная сила
Была чужда обоимъ намъ,
И онъ ко всѣмъ моимъ рѣчамъ
Былъ равнодушенъ, какъ могила.

Какъ птица раненная, онъ
Приникъ—и ужъ не ждалъ полета;
А я сказалъ ему, чтобъ онъ
Житейскихъ дрязгъ порвалъ тенета,
Чтобъ онъ рванулся на просторъ—

Бѣжалъ въ прохладу дальнихъ горъ,—
Въ глушь деревень, къ полямъ иль къ морю,
Туда, гдѣ человѣкъ въ борьбѣ
Съ природой смѣло смотритъ горю
Въ лицо, не мысля о себѣ...

Онъ воспаленными глазами
Мнѣ заглянулъ въ глаза, руками
Закрылъ лицо и, не шутя,
Заплакалъ горько, какъ дитя.
То были слезы безъ рыданья,
То было горе безъ названья,
То были вздохи безъ мечты—

Въ сѣтяхъ любви и пустоты,
Въ когтяхъ завистливаго рока,
Онъ былъ не властенъ надъ собой;
Ни жить не могъ онъ одиноко,
Ни за одно брести съ толпой...
И думалъ я: — «поэтъ! — больное
Дитя! Ужель въ судьбѣ твоей
Есть что-то злое, роковое,
Неодолимое!..»

Съ тѣхъ поръ прошло не мало дней;
Я слышалъ отъ его друзей,
Что онъ въ далекій путь собрался
И сталъ замѣтно веселѣй;
Но безпощадный рокъ дождался
Его на лѣстницѣ крутой
И сбросилъ...
Странный стукъ раздался...

Онъ грохнулся и разметался,
Изломанный, полуживой...

И огненныя сновидѣнья
Его умчали въ край иной.
Безъ крика и безъ сожалѣнья
Покинулъ онъ больной нашъ свѣтъ;
Его не восторгалъ онъ — нѣтъ!..
Въ его глазахъ онъ былъ теплицей,
Гдѣ гордой пальмѣ мѣста нѣтъ,
Гдѣ такъ роскошенъ пустоцвѣтъ,
Гдѣ пойманной, помятой птицей,
Не вѣря собственнымъ крыламъ,
Сквозь стекла потемнѣвшихъ рамъ,
Сквозь дымку чадныхъ испареній
Напрасно къ свѣту рвется геній,
Къ полямъ, къ дубровамъ, къ небесамъ...

28 марта 1888 г.

ОНИ.

Какъ они наивны
И какъ робки были
Въ дни, когда другъ друга
Пламенно любили!
Плакали въ разлукѣ,
Отъ свиданья млѣли...
Обрывались рѣчи...
Руки холодѣли;
Говорили взгляды,
Самое молчанье
Устъ ихъ было громче
Всякаго признанья.
Голосъ, шорохъ платья,
Рукъ прикосновенье
Въ сердце ихъ вливали
Сладкое смятенье.
Разъ, когда надъ ними
Золотыя звѣзды,
Искрами живыми,
Чуть дрожа, мигали,
И когда надъ ними
Вѣтви помавали,

И благоухала
Пыль цвѣтовъ, и легкій
Вѣтерокъ въ куртинѣ
Сдерживалъ дыханье...

Полночь имъ открыла
Въ трепетѣ лобзанья,
Въ тайнѣ поцѣлуевъ —
Тайну мирозданья...

И осталось это
Чудное свиданье
Въ памяти навѣки
Разлученныхъ рокомъ,
Какъ воспоминанье
О какомъ-то счастьѣ
Глупомъ и далекомъ.

На снѣжной равнинѣ, въ зеленомъ уборѣ
Темнѣла угрюмая ель;
И, какъ горностаями, снѣгомъ пушистымъ
Ей плечи прикрыла мятель,—

Съ ней рядомъ березку сухую, нагую
Отъ стужи бросало въ ознобъ,
И ель ей скрипѣла: — Бѣдняжка, попробуй
Прикрыться,— заройся въ сугробъ...

Надъ снѣжной равниной апрѣльское солнце
Затеплилось вешнимъ огнемъ —
Сугробы сбѣжали ручьями,— лощины
Зеленымъ покрылись ковромъ;—

Очнулась березка, и въ свѣжемъ нарядѣ,
Слегка колыхаясь, шумитъ;
И вѣтеръ несетъ ей веселыя вѣсти,
И птичка ей сны говоритъ.

А темная ель, въ старомъ кружевѣ сучьевъ,
Съ вѣтвями до самыхъ корней,

Въ своей жосткой зелени, стоя, скрипитъ имъ:
— Не вѣрьте, не вѣрьте вы ей!..

Всю зиму она наготой щеголяла...
Жалѣть ее надо — жалѣть!
И какъ вамъ не стыдно ласкать ее, право!
И какъ она смѣетъ шумѣть!..

1888 г.

ВЪ ХВОЙНОМЪ ЛѢСУ.

I.

Лѣсъ, какъ бы кадильнымъ дымомъ,
Весь пропахнувшій смолой,
Дышетъ гнилью вѣковою
И весною молодой.

А смолу, какъ слезы, точитъ
Сосенъ старая кора,
Вся въ царапинахъ и ранахъ
Отъ ножа и топора.

Смолянистымъ и цѣлебнымъ
Ароматомъ этихъ ранъ
Я люблю дышать всей грудью
Въ теплый утренній туманъ.

Вѣдь и я былъ также раненъ —
Раненъ сердцемъ и душой,
И дышу такой же гнилью
И такою же весной...

II.

Какъ загадочны и темны
Откровенья Божества! —
Отягчаемая снами,
Съ грустью никнетъ голова.

Свищутъ ли, поютъ ли птицы:
Соловьи, чижи, скворцы...
— Для чего имъ нужны гнѣзда
И безкрылые птенцы!?

Или вѣчно будетъ лѣто?
Иль суровая зима
Не зароетъ въ комья снѣга
Ихъ воздушные дома!?

Муравьи-ль у ногъ подъ елью
Копошатся и снуютъ —
Геніальная постройка!
— Но къ чему весь этотъ трудъ!?

Или я надъ этой кучей
Не властитель? Захочу —
И плоды труда ихъ мигомъ
Запалю иль размечу...

Иль осенній поздній ливень
Этой кучи не зальетъ,
Чтобъ подъ солнцемъ, на морозѣ,
Засверкалъ надъ нею ледъ?

Но къ чему такія рѣчи!
Все, что любитъ и живетъ,
Безъ конца творитъ и любитъ;
Все безплодно, что гнететъ...

Цѣль темна — люби безъ цѣли,
Защищайся безъ вражды,
И не жди въ минуту счастья
Ни разгрома, ни нужды.

III.

Снизойди я въ муравейникъ —
Превратись я въ муравья,
Я бы сталъ у нихъ пророкомъ —
Все бы имъ повѣдалъ я:

Что въ лѣсу и что за лѣсомъ,
Что творится въ городахъ
И какія пышутъ звѣзды
Въ необъятныхъ небесахъ...

Какъ желѣзными путями
Опоясанъ шаръ земли,
И какіе въ синемъ морѣ
Дымъ пускаютъ корабли...

Я бы могъ развить умы ихъ...
Но, мозгами шевеля,
Муравьи глаголъ мой примутъ
За фантазію враля.

Отъ неслыханныхъ вѣщаній
Взбудоражится ихъ рой,
Въ муравьиномъ государствѣ
На меня поднимутъ вой.

Нѣтъ, ужъ лучше невидимкой
Быть для нихъ и не желать
Человѣческою правдой
Ихъ мутить и раздражать.

Вѣдь и я-бъ не понялъ явныхъ
Откровеній Божества...
Отягчаемая снами
Съ грустью никнетъ голова.

1888.

ЗАВѢТЪ.

(Посвящается А. Я. П — му).

Усовершенствуй то что есть —
Себя, свой даръ, свой трудъ, и вотъ,
Живой предметъ твоихъ заботъ,
Твоя единственная честь.

Люби науку — это плодъ
Усовершенствованныхъ думъ,
Надъ ней пытай свой шаткій умъ
И свѣтъ ея неси впередъ.

За вѣкомъ, не спѣша, слѣди,
Къ его-жъ мольбамъ склоня свой слухъ,
Не къ разрушенію свой духъ,
А къ созиданію веди.

Умѣя пламенно любить —
Восторженно благоговѣть —
Ты поневолѣ будешь пѣть
И красоту въ душѣ носить.

Усовершенствуй свой языкъ:
Пойми, что, можетъ быть, и онъ
Подчасъ, какъ благовѣстный звонъ,
Уйметъ страстей безумный крикъ.

Къ неправдамъ вѣковой судьбы
Негодованья не скрывай.
Стремясь къ добру, не избѣгай
Самоотверженной борьбы.

Будь вѣренъ родинѣ своей;—
Да просіяетъ и она,
Коль богомъ сила ей дана
Усовершенствовать людей...

1888 г. февраль.

СТАНСЫ.

Не нужны Божьимъ небесамъ
Явленья призрачныя... Вѣчность —
Одна спасетъ и сохранитъ
Божественную человѣчность.

Земля земную втянетъ плоть —
Въ мракъ унесетъ ея химеры,
Одна безсмертная любовь
Намъ оправдаетъ силу вѣры.

Но вѣра скудная моя
Могучихъ крылъ не отростила:
Страшна ей вѣчность впереди
И омерзительна могила.

Быть человѣкомъ не легко,—
Труднѣе, чѣмъ создать поэму,
Сломить врага, воздвигнуть храмъ,
Надѣть въ алмазахъ діадему!..

Для сердца нѣжнаго и любящаго страстно
Тѣ поцѣлуи слаще всѣхъ наградъ,
Что съ милыхъ робкихъ устъ похищены украдкой
И потихоньку отданы назадъ.

Но къ обладанью насъ влечетъ слѣпая сила,
Нашъ умъ мутитъ блаженства сладкій ядъ:
Слезами и тоской отравленная чаша
Изъ милыхъ рукъ приходитъ къ намъ назадъ.

Не всякому дано любви хмѣльной напитокъ
Разбавить дружбы трезвою водой,
И дотянуть его до старости глубокой
Съ наперстницей, когда-то молодой.

1888.

ВЪ ДЕНЬ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ А. А. ФЕТА.

(1889 г. 28-го января).

Ночи текли — звѣзды трепетно въ бездну лучи свои
сѣяли...
Капали слезы,—рыдала любовь,—и алѣлъ
Жаркій разсвѣтъ,—и тѣ грезы, что въ сердцѣ мы тайно
лелѣяли,
Трель соловья разносила, и—бурей шумѣлъ
Моря сердитаго валъ, — думы зрѣли, и—рѣяли
Сѣрыя чайки...
Игру эту боги затѣяли,
Въ ихъ міровую игру Фетъ замѣшался и пѣлъ...

Пѣсни его были чужды суетъ и минутъ увлеченія,
Чужды теченью излюбленныхъ нами идей:
Пѣсни его вѣковыя—въ нихъ вѣчный законъ тяготѣнія
Къ жизни—и нѣга вакханки, и жалоба фей...
Въ нихъ находила природа свои отраженія...
Были невнятны и дики его вдохновенія
Многимъ,—но тайна боговъ требуетъ чуткихъ людей:

Музыки выспренній геній не даромъ любилъ сочетанія
Словъ его, спаянныхъ въ «нѣчто» душевнымъ огнемъ;
Геній поэзіи видѣлъ въ стихахъ его правды мерцаніе,—
Капли, гдѣ солнце своимъ отраженнымъ лучемъ
Намъ говорило: «я солнце!» И пусть геній знанія
Съ вѣчно пытливымъ умомъ, уходя въ отрицаніе,
Мимо проходитъ,—нашъ Фетъ русскому сердцу знакомъ.

ЗИМОЙ, ВЪ КАРЕТѢ.

Вотъ, на каретныхъ стеклахъ, въ блескѣ
Огней и въ заревѣ костровъ,
Изъ блѣдныхъ линій и цвѣтовъ
Морозъ рисуетъ арабески;
Бѣгутъ на смѣну темноты
Не фонари, а пятна свѣта,
И катится моя карета
Средь этой мглы и суеты.

Огни, дворцы, базары, лица
И небо — все заслонено...
Миражемъ кажется столица,—
Тѣнь сквозь узорное окно
Проносится узорной дымкой;
Клубится паръ, и — мнится мнѣ,
Я самъ, какъ призракъ, невидимкой
Усѣлся въ тряской тишинѣ.

Скрипятъ тяжелыя колеса,
Теряя въ мглѣ слѣды свои;
Меня везутъ, и нѣтъ вопроса:
Бѣгутъ ли лошади мои.

Я самъ не знаю, гдѣ я ѣду,—
Заботливый слуга страстей,—
Я словно радъ ночному бреду,
Воспоминанью давнихъ дней.

И снится мнѣ — въ холодномъ свѣтѣ
Еще есть теплый уголокъ...
Я не одинъ въ моей каретѣ...
Вотъ-вотъ сверкнулъ ея зрачекъ...
Я весь въ пару ея дыханья —
Какъ мнѣ тепло на зло зимѣ!
Какъ сладостно благоуханье
Весны въ морозной полутьмѣ!

Очнулся — и мечта поблёкла —
Опять, румяный отъ огней,
Морозъ забрасываетъ стекла
И вѣетъ холодомъ. Злодѣй!
Онъ подглядѣлъ, какъ сердце билось,
Любовь и страсти, и мечты,
И вздохъ мой — все преобразилось
Въ кристаллы, звѣзды и цвѣты.

Ткань ледяного ихъ узора
Вросла въ края звенящихъ рамъ,
И нѣтъ глазамъ моимъ простора,
И нѣтъ конца слѣпымъ мечтамъ!
Мечтать и дрогнуть не хочу я,
Но — каждый путь ведетъ къ концу,
И скоро, скоро подкачу я
Къ гостепріимному крыльцу.

Январь. 1889 г.

Пугливъ и чутокъ зайка сѣрый —
Подумаешь, — куда хитеръ!
Во всѣ концы по первоснѣжью
Идетъ слѣдовъ его узоръ.
Его пугаетъ каждый шорохъ:
Вотъ онъ ушами шевелитъ,
Присѣлъ, вскочилъ, метнулся вправо,
Метнулся влѣво и кружитъ.

Такъ и она, бѣдна, пуглива...
Нѣтъ ни покоя, ни труда...
Того гляди — стрѣлки, собаки...
Со всѣхъ сторонъ грозитъ бѣда,—
И отъ судебъ не жди защиты,
И отъ людей не жди добра,
И мечется она... и даже
По заячьи — куда хитра!!..

1889 г. Апрѣль.

Я врагами богатъ и друзьями,
Стало быть, и вражда — не бѣда,
Но бѣда, что сильна, и криклива,
И смѣла боевая вражда.
А наивная дружба готова
Мнѣ и денегъ, и славы желать,
Но робка, щекотлива и любитъ,
Молча мнѣ сострадая, вздыхать.
И я, право, не знаю, что лучше —
Эта дружба иль эта вражда?
Поневолѣ, завидуя силѣ,
Я врагами горжусь иногда.

1889 г.

*
* *

Люблю, цѣню твои сомнѣнья,
И жажду сердца вѣрить вновь,
И тщетныя поползновенья
На безкорыстную любовь...
Я радъ, сочувствуя страданьямъ,
Веселый смѣхъ твой вызывать —
Я поэтическимъ созданьемъ
Не отрекусь тебя назвать...

Но — умоляю, Бога ради,
Прячь отъ меня свои тетради...
Напрасно Музу не зови: —
Ей доли нѣтъ въ твоей любви,
Ей мало скорбныхъ изліяній
Младой души, несущей крестъ
Наивныхъ чувствъ и школьныхъ знаній;—
Она не терпитъ общихъ мѣстъ.
Казни меня негодованьемъ,
Пренебреженьемъ, невниманьемъ,—
Брани во снѣ и на яву,
Я поэтическимъ созданьемъ
Твоихъ поэмъ не назову.

Нѣтъ, вся — порывъ, вся — нетерпѣнье,
Ты далека отъ разумѣнья
Того, что не дается вдругъ,—
И молодое вдохновенье
Твое — не творческій недугъ...

Уединясь отъ поминутныхъ
Запросовъ мелкой суеты,
Ихъ пустоты пугаясь, ты
Не отразишь своей мечты
Въ стихахъ и риѳмахъ имъ попутныхъ,
Какъ радуга — въ потокахъ мутныхъ
Своей воздушной красоты.

Игры алмаза не усвоитъ
Стеклянный блескъ дешевыхъ бусъ,
И твой дешевый стихъ, клянусь,
Одной слезы твоей не стоитъ.
. . . . . .

НА МОТИВЪ ОДНОЙ СТАРОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛЕГЕНДЫ.

На землѣ сидѣлъ голодный
Безпріютный, бѣдный мальчикъ,
И просилъ онъ Христа ради
Дать ему краюшку хлѣба.

Но толпа людей за счастьемъ
Погналась и одичала,
И никто, никто не подалъ
Бѣдняку краюшки хлѣба.

Ахъ! когда-бъ я былъ съ крылами,
Думалъ онъ,—я все бы небо
Облетѣлъ и ужъ досталъ бы
Я себѣ краюшку хлѣба!

Услыхалъ его злой демонъ
И сказалъ: лети какъ вѣтеръ!
И попробуй въ Божьемъ небѣ
Отыскать краюшку хлѣба.

И, невидимыя крылья
Ощутивъ, поднялся мальчикъ
И, какъ рыбка въ океанѣ,
Очутился въ темномъ небѣ.

Прилетѣлъ къ лунѣ и видитъ:
Вся луна ничто иное,
Какъ потрескавшейся лавы
Холодѣющая глыба.

Къ солнцу онъ свой путь направилъ,
Прилетѣлъ—и что же видитъ?—
Догорающаго газа
Шевелящееся пламя.

Онъ къ звѣздамъ—горятъ и жгутся
Эти искорки вселенной.
Такъ нигдѣ онъ въ цѣломъ свѣтѣ
Не нашелъ краюшки хлѣба.

Черезъ тысячу столѣтій
Онъ опять слетѣлъ на землю,
И увидѣлъ шаръ пустынный,
Затерявшійся въ пространствѣ.

Исполинскія постройки,
Города, дороги, флоты —
Все исчезло;—прошлой славы
Ни слѣда,—ни даже тѣни...

И на холмъ, у ледяного
Моря сѣлъ голодный мальчикъ,

И, забывъ свои страданья,
Сталъ о людяхъ горько плакать.

Увидалъ его тутъ ангелъ
И сказалъ: «лети со мною,
И найдешь ты человѣка»...
Но куда его помчалъ онъ?..

Тайны этой не постигнетъ
Міръ, возникнувшій изъ праха,
Только демонъ ею бредитъ,
Но—земля его не слышитъ.

26 мая 1889 г.

ПОДРОСЛА.

I.

Моя мать отъ нужды и печали
Вся изныла, тая
Свое горе; а я
Подросла, и не знаю, мила ли
Мнѣ семья?..

Какъ вечóръ, я ушла за грибами...
Ничего не видать...
И я стала плутать,
И пришлось мнѣ въ слезахъ за скирдами
Ночевать...

Жарко пышетъ заря золотая;
Выползаютъ ужи...
Никого вдоль межи...
А я пѣсни пою, утопая
Вся во ржи...

И въ прохладный потокъ я бросаюсь,
И ныряю, и рву

Водяную траву,
И пугливо въ тростникъ забираюсь
И—ау!..

Только эхо какъ звонкая нота
Замираетъ вдали,
И, спугнувъ на мели
Куличка, въ камышахъ шепчетъ кто-то:
— Не шали!

Ахъ, не скоро, усталая, злая,
Ворочусь я домой.
Что мнѣ дѣлать съ родной!?
Какъ сказать ей: не знаю, родная,
Что со мной!

II.

О, вы, лѣтніе дни, золотые!
Я люблю солнца жаръ...
Полюби мой загаръ,
Полюби мои кудри густые
— Божій даръ...

Не гроза ли идетъ мнѣ на встрѣчу?
За лѣсистымъ холмомъ
Глухо катится громъ,—
Но и въ бурю тебя я замѣчу
Подъ дождемъ.

Не дразни только ты ретивое
Мое сердце—оно
И досады полно,
И тревоги, и лѣтняго зноя...
И смѣшно!..

«Угорѣлъ!» на тебя намекая,
Мнѣ шепнула сестра:
И ушла я вчера,
И бродила всю ночь, какъ шальная,
До утра.

И сама я не знаю, родная,
Для чего я ушла...
Не съ ума ль я сошла —
Отъ того, что, тебя огорчая,
Подросла!..

Но, скажи, развѣ легче мнѣ будетъ,
Если вдругъ мой загаръ
Поблѣднѣетъ отъ чаръ,
А онъ вдаль улетитъ и забудетъ
Свой угаръ?!..

ПОВѢСТЬ О ПРАВДѢ ИСТИННОЙ И О КРИВДѢ ЛУКАВОЙ.

Нѣтъ пути къ истинѣ и благу безъ борьбы съ ложью и зломъ. Еслибы сила народнаго духа не боролась съ силою Кривды, государству и дышать было бы нѣчѣмъ,—оно бы не могло и существовать...

Изъ разговора.

I.

Протрубила труба въ Старомъ городѣ—
Зазвонили у Спаса на Трубежѣ;
На высокомъ валу, надъ бойницами,
Сторожа стоятъ, молча глядючи,
Какъ въ пыли блестятъ копья острыя,
И какъ по-вѣтру стягъ развивается...
То проѣхалъ домой съ поля ратнаго,
Богатырь Иванъ Богуслаевичъ;
И дрожала земля подъ копытами,
Какъ въѣзжалъ онъ въ ворота тесовыя
На широкій дворъ, на муравчатый,
Какъ слѣзалъ онъ съ коня богатырскаго

У столба, у крылечка узорчатаго;
Посылалъ онъ сказать своей матушкѣ,
Мать честной вдовѣ, Марѳѣ Савишнѣ,
Что вернулся-де съ поля ратнаго
Къ ней и цѣлъ, и здравъ сынъ Иванушка.
И вернулся съ великою славою,
И привезъ ей добычу не малую.

Выбѣгала тутъ его матушка,
Мать честна вдова, Марѳа Савишна,
Обнимала его, цѣловала его,
Повела его въ сѣни кленовыя,
Во палаты свои, новобранныя,
Говорила ему рѣчи сладкія:
«Поживи у меня ненаглядный мой,
Ѣшь и пей на здоровьеце,
Задавай пиры на полгорода,
Чтобы я на тебя, свѣтъ мой, глядючи,
Молодые года свои вспомнила.
А соскучишься,—я женю тебя...
Будемъ жить поживать—малыхъ дѣтокъ качать»...

Годъ прошелъ, два прошло—богатырь Иванъ
Поникъ, захирѣлъ, сталъ кручиниться;
То по гриднѣ столовой похаживаетъ,
То на мягкихъ коврахъ отъ зари до зари
Въ одиночной свѣтелкѣ полеживаетъ.
Тамъ, въ простѣнкѣ виситъ на желѣзномъ крюкѣ
Его мечъ кладенецъ, старый, дѣдовскій,
Окропленный водою крещенскою
Изъ того ли Днѣпра, что подъ Кіевомъ
Былъ великой купелью народною;

На булатѣ его отчеканенъ былъ
Краснымъ золотомъ православный крестъ,
Желтымъ золотомъ вязью писаны
Не простыя слова,—чудодѣйныя...

И лежитъ Иванъ Богуслаевичъ,
И угрюмо на мечъ свой поглядываетъ,
Иногда головою покачиваетъ,
Спитъ не спитъ, а не слушаетъ,
Какъ неволитъ его мать родимая,
Какъ невѣсту ему сваха сватаетъ,
Не простую невѣсту—богатую...
Мало ѣстъ, мало пьетъ, думу думаетъ.

И вотъ снится Ивану недобрый сонъ:
Будто вышелъ онъ во чисто поле,
А на встрѣчу ему по межѣ идетъ
Въ золотомъ вѣнцѣ красна-дѣвица
Красоты непостижной, невиданной...
Увидала его, встрепенулася,
Подняла на него очи ясныя
И сквозь слезы ему улыбнулася.
И дивится Иванъ Богуслаевичъ,
Что на солнцѣ сквозитъ, словно свѣтится,
Ея голое тѣло; и видитъ онъ,
Что прикрыта она ветхимъ вретищемъ
И идетъ босикомъ, словно нищая.
— Ты куда идешь, красна-дѣвица?
— А иду, сударь, я ко Господу,
Къ самому Христу, Царю небесному,
Въ путь далекій иду, въ царство Божіе.
Не жилица я, знать, на святой Руси:

Прогнала меня Кривда лукавая...
— А какъ звать тебя, красна дѣвица?
— А зовутъ меня Правдой—Истиной.
И пошла, пошла Правда истинная,
Не межой пошла, а по воздуху,
И все выше, все выше и скрылася,
Словно небо за ней затворилося.
Просыпается Иванъ Богуслаевичъ,
Протираетъ глаза соколиные.

II.

И сзываетъ дружину онъ вольную,
Удалыхъ стрѣльцовъ—добрыхъ молодцевъ,
И взываетъ къ нимъ зычнымъ голосомъ:
— Гой вы, други мои, сотоварищи,
Земляки, удалые ребятушки!
Далъ намъ Богъ силу не малую,
За нее намъ придется отвѣтъ держать
Въ страшный, судный день передъ Господомъ.
Чай слыхали про Кривду лукавую,
Что плодитъ на святой Руси
Лиходѣевъ, воровъ, злу споспѣшниковъ,
Дѣлу честному сопротивниковъ;
И поклялся я предъ иконою
Пресвятой-честной Богородицы
Заступиться за Правду истинную—
Одолѣть силу Кривды поганую,
Разорить и гнѣздо ея подлое,
Чтобъ и духу отъ ней не осталося...
Кто со мной, тотъ за мной, други милые,

А кто труситъ, пусть дома сидитъ,
На печи лежитъ—съ бабьемъ возится.

Тутъ дружина его призадумалась,
Какъ тутъ быть?—отвѣчать позамѣшкалась.
— Ой сильна стала Кривда лукавая,
А Кулакъ, ея сынъ, и того сильнѣй.
Вотъ одни изъ нихъ, повернувъ коней,
Почесали затылки—уѣхали,
А другіе другъ съ другомъ поспорили
И сказали Ивану Богуслаевичу:
— Твоя воля... пожалуй и мы съ тобой...
Остальные, что были моложе всѣхъ,
Всѣхъ моложе, смѣлѣй, неразумнѣе,
Разгорѣлись сердцами, воскликнули:
— Какъ за мѣсяцемъ звѣзды плывутъ,
За орлами орлята летятъ,
Такъ и мы за тобой на край свѣта пойдемъ!
И Иванъ богатырь, просіявъ лицомъ,
Осѣнилъ себя крестнымъ знаменьемъ.

III.

А лукавая Кривда, у кума въ гостяхъ,
Пировала весь день, вдоволь тѣшилася,
И, когда захмѣлѣла отъ фряжскихъ винъ,
Кумъ въ свѣтелкѣ велѣлъ ей постель постлать,
Самъ подушки ей взбилъ, самъ шелковую
Занавѣску отдернулъ—самъ спать уложилъ
Дорогую куму—гостью милую.
Вотъ лежитъ кума, Кривда лукавая,

Съ боку на бокъ ворочается;
Плохо спится ей—плохо можется,
Знать не даромъ у ней ноетъ все нутро;
Чуть закроетъ глаза—черти грезятся,
А откроетъ—въ углѣ шевелится, кряхтитъ
Домовой, въ сѣрой шубѣ навыворотъ.
Ночь прошла; занялась зорька ясная,
И пронесся церквей гулкій благовѣстъ.
Поднялася Кривда съ зѣвотою,
Пожимаясь, подсѣла къ окошечку
И на улицу стала поглядывать.
Видитъ Кривда ворота тесовыя,
Теремъ тотъ, гдѣ живетъ богатырь Иванъ,
Удалой боецъ—добрый молодецъ;
И дивится, зачѣмъ вдоль по улицѣ
Спозаранку къ воротомъ народъ бѣжитъ,
Добѣжавъ до воротъ, шапки скидываетъ.
Притаясь, смотритъ Кривда лукавая,
Навострила глаза, шею вытянула;
Слышитъ Кривда: подковы стучатъ,
И земля, и дома словно вздрагиваютъ,
А изъ тѣхъ ли воротъ, со двора со широкаго,
Выѣзжаетъ Иванъ Богуслаевичъ.
Его конь богатырскій похрапываетъ,
Золоченая сбруя позвякиваетъ;
На Иванѣ шишакъ словно колоколъ,
Боевая кольчуга подъ латами,
На боку-то виситъ его мечъ кла́денецъ,
За плечами-то стрѣлы побрякиваютъ,
А лицо у него такъ и свѣтится,
Словно Божья заря имъ любуется.
Выѣзжаетъ за нимъ и дружина его

И колышутся копья булатныя—
А за ними пошелъ по народу гулъ:
— Дай вамъ Богъ, ниспошли Богородица
Одолѣнье на Кривду лукавую!
И по праздничному звонитъ колоколъ:
По церквамъ за нихъ видно молятся.—
Мигомъ Кривда смекнула, провѣдала,
Что Иванъ богатырь со дружиною
Воевать съ ней идетъ, Богу клятву далъ
Извести ее, Кривду, живота лишить,
И все, что она нахватала, награбила,
По рукамъ раздать, аль на дымъ пустить,
Чтобъ и духу отъ ней не осталося.

IV.

Кривда сжала кулакъ, ногой топнула:
— Ишь невѣжа, мужикъ!.. Богатырь какой
Проявился!—туда-жъ захотѣлъ
Воевать со мной!—Сломя голову
Поскакалъ на край свѣта искать меня,
А того и не знаетъ—не вѣдаетъ,
Что я здѣсь, у него сижу подъ бокомъ!
Ишь дружину набралъ голоштанную,
Горы золота чай посулилъ онъ ей!
Да скорѣе Волга вспять побѣжитъ,
А пѣтухъ соловьемъ запоетъ,
Чѣмъ добромъ моимъ поживишься ты!
Не тебѣ, вахлаку, со мной вѣдаться!..
И наряженая, нарумяненая
Покатила она изъ дома въ домъ;

Горожанамъ, смѣясь, стала жаловаться
И такія имъ рѣчи подсказывать:
«Жить безъ Кривды нельзя, и не видано,
Чтобъ кто жилъ по закону, по совѣсти;
Эдакъ жить, все равно, что послѣднимъ быть.
Не намъ кланяются,—сами будемъ мы
Спину гнуть передъ тѣмъ, кто заважничаетъ».
И ругали Ивана Богуслаевича
На чемъ свѣтъ стоитъ—только трусили...
Да и Кривда лукавая струсила:
— А что, если Правда истинная,
Что куда-то слѣды свои спрятала,
Богатырскимъ-то духомъ надышется,
Да въ-очью на Руси вдругъ появится,
Чай не мало хлопотъ ей надѣлаетъ.

V.

И въ задоръ вошла Кривда лукавая,
И пошла, поплыла къ своему сынку—
Кулаку, по народному прозвищу,
И сказала ему: «не зѣвай, Кулакъ,
А возьми съ собой, что ни есть простой,
Что ни есть пасконный, пустой мѣшокъ,
И насыпь въ него денегъ семь горстей,
Пять-то горстей чиста серебра,
Да еще горсти двѣ красна золота;
Положи тотъ мѣшокъ ты за пазуху,
И гони, погоняй по слѣдамъ его—
По слѣдамъ Ивана Богуслаевича,
А догонишь его—поступай къ нему
Въ ту дружину его голоштанную,

Что поѣхала съ нимъ кличъ прокликати
По всѣмъ весямъ, по всѣмъ городамъ,
Чтобъ не вѣрили Кривдѣ—не слушалися,
А чтобъ слушалися Правды истинной—
Ей одной на вѣку поклонялися.
А какъ примутъ тебя въ сотоварищи,
Подкупи ты дружину,—повѣдай ей,
Что-де добрые люди изъ жалости
Слезно молятъ ихъ не губить себя,
А вернуться скорѣй ко дворамъ своимъ,
Не съ пустыми руками,—съ гостинцами.
А не то-де, въ пути позамѣшкавшись,
Во-свояси вернутся не въ добрый часъ,
На порогѣ-то Горе-злосчастіе
Они встрѣтятъ... усидчивое,
Привязчивое, неотвязчивое.
Кто жены не найдетъ—въ кабалу пошла,
Кто дѣтей не найдетъ—пошли по-міру.
Пусть Иванъ-богатырь ѣдетъ драться одинъ,
Да отъ скуки воронъ бьетъ—пострѣливаетъ.
Поклонился Кулакъ Кривдѣ-матушкѣ,
Повалился ей въ ноги и молвилъ ей:
— Радъ служить я тебѣ, государыня,
Да отколѣ-же я возьму тебѣ
Пять большихъ горстей чиста серебра,
Да еще горсти двѣ красна золота,
Не себя-же обидѣть—въ конецъ разорить.
Не обидь, государыня, смилуйся!
Разозлилася Кривда лукавая:
— Вотъ тебѣ деньги, собачій сынъ!
Вотъ и конь—осѣдлай его,
Да смотри не зѣвай—будешь плакаться.

VI.

Не успѣли Петровки пройти—утромъ въ Пятницу,
Прибѣжалъ Кулакъ къ Кривдѣ-матушкѣ,
Бухъ ей въ ноги и такъ голоситъ:
— Не кори ты меня... государыня, матушка,
Разорили меня—разобидѣли
Удалые стрѣльцы, содружинники
Лиходѣя твоево Богуслаевича:
Какъ пронюхали, да провѣдали,
Что за пазухой-то въ мошнѣ моей
Словно деньги лежатъ—чуть побрякиваютъ,
Навалились, и ну меня бить,
Били-били, трясли-трясли,
И казну твою всю повытрясли,
И забили-бъ они меня до смерти,
Кабы я не хитеръ, не увертливъ былъ;
Вотъ гляди: и рубаха разорвана,
Кафтанишка и тотъ еле держится...
Разозлилася Кривда лукавая
— Чтобъ ихъ прорвало, окаянные!
Нѣтъ изводу имъ—нѣтъ креста на нихъ!
Сами грабятъ, да сами и жалуются.
Да и ты дуракъ... Убирайся вонъ!..
Обманулъ Кулакъ Кривду лукавую
Онъ съ дороги свернулъ—плѣтку выхватилъ,
Стеганулъ коня по крутымъ бокамъ
И всю ночь пробирался болотами
До озеръ, до села разореннаго,
Гдѣ стояла изба его новая
Съ вырѣзными дубовыми ставнями,

Съ рыбной лавкой, съ клѣтями, амбарами;
Тамъ въ подполье свое пробрался Кулакъ
И въ сундукъ свой, желѣзомъ окованный,
Всыпалъ пять горстей чиста серебра,
Да пригоршни двѣ красна золота,
А конька велѣлъ въ свой табунъ угнать,—
Отгулялся-бъ конекъ въ заливныхъ лугахъ.

VII.

На закатъ ушло солнце красное,
На траву-мураву роса канула,
А у Кривды въ саду соловей поетъ;
А того и не знаетъ соловушекъ,
Что подъ кленами, подъ березами
Сама Кривда сидитъ, думу думаетъ.
По верхамъ темныхъ липъ, между яблоньками,
По шиповнику, по малиннику,
По тычинкамъ, куда хмѣль взбирается,
Теплый вѣтеръ тихонько похаживаетъ,
Вѣсти сказываетъ, приговариваетъ:
«Правда истинная! Правда истинная!»
А того и не знаетъ, не вѣдаетъ,
Что подъ кленами, подъ березами
Сама Кривда сидитъ—ночь подслушиваетъ.

И подслушала Кривда, что яблочко
Недалеко отъ яблоньки падаетъ,
Что Кулакъ, вражій сынъ, обманулъ ее—
Самъ припряталъ, пригрѣлъ ея денежки.
И подумала, пригорюнившись:

— Ну такъ что-жъ! Не чужой онъ,—пускай себѣ
Вволю ѣстъ, вволю пьетъ, вволю тѣшится:
Мнѣ-же скажетъ спасибо великое,
Да закажетъ и дѣтямъ, и внукамъ своимъ,
Какъ имъ жить поживать, да добро наживать,
Какъ молиться за Кривду-кормилицу,
За лукавую Кривду-поилицу.

Ночь темна и ни зги не видать,
Только листья кой-гдѣ тихо шепчутся,
Съ вѣтеркомъ потайную бесѣду ведутъ.
И подслушала Кривда лукавая,
Что не съ бою, не кровавымъ путемъ
Богатырь Иванъ со дружиною
До гнѣзда ея добирается,
Что онъ камни ворочаетъ, строитъ мосты,
Роетъ колодцы глубокіе
И, добра своего не жалѣючи,
На разживу даетъ даже висѣльникамъ,
Что споила она, отуманила,
Чьи гроши себѣ прикарманила,
Чтобъ имъ пить было нѣ на что,
Пропивать было нѣчего;
Чтобъ за это они поклонялись ей
Говорили: спасибо, родимая!
И подумала Кривда разгнѣванная:
Не боюсь я Ивана милостиваго,
Не боюсь я дружины юродивой;
И не страхъ разбираетъ меня—
Разбираетъ досада великая,
Что невѣжамъ такимъ будутъ кланяться,
Ихъ въ народные святцы записывать,

Имъ кадить, какъ святымъ иль угодникамъ—
Не бывать тому!—она вскрикнула:
Скорѣй свѣтъ наизнанку я выворучу!

И притихъ соловей, и испуганный
Прошумѣлъ вѣтерокъ, улетая въ степь.
А у Кривды глаза загорѣлися,
Какъ у дикаго звѣря, когтистаго,
Каленой стрѣлой оцарапаннаго.

VIII.

Не на пиръ-ли съ сынками боярскими,
Не на свадьбу-ли къ сыну купеческому
Собирается Кривда лукавая;
Затворилась она въ своемъ теремѣ,
Свои темныя кудри расчесываетъ,
Свои кольца—сережки примѣриваетъ...
Вдругъ вошло къ ней въ дверь что-то сѣрое,
Неприглядное, непричесанное,
А на тѣлѣ-то хоть бы ниточка—
Только лыкомъ оно подпоясано...
Испужалася Кривда лукавая,—
Видитъ въ теремъ къ ней затесалося
Злое, грязное Горе-злосчастіе.
— Какъ ты смѣло войти неодѣтое?
Не спросясь войти—бездокладочно!
Помеломъ я велю тебя вымести,
Натравить на тебя стаю злыхъ собакъ!..
Поклонилось ей Горе и молвило:
Ты тутъ кольца да серги примѣриваешь,

А бѣды надъ собой и не вѣдаешь.
Эхъ, не даромъ земля слухомъ полнится...
Какъ прослышало я, что какой-то шутъ,
По прозванью Иванъ Богуслаевичъ,
По святой Руси рыщетъ, путаетъ
И, добра своего не жалѣючи,
До гнѣзда твоего добирается,
Захотѣлось и мнѣ на него поглазѣть,
Позѣвать на Ивана—какой такой?
Забѣжало впередъ, да и встрѣтило
За лѣснымъ курганомъ, у большой рѣки:
Вижу, ѣдетъ Иванъ—семь пядей во лбу,
Промежъ плечъ-то косая сажень,
При бедрѣ-то виситъ его мечъ-кладенецъ,
За плечами-то стрѣлы побрякиваютъ...
Прочь съ дороги! кричитъ, какъ труба трубитъ.
Тутъ я, Горе, не вытерпѣло,
Подскочило и хвать за узду коня.
Захрипѣлъ его бѣлый косматый конь,
Замоталъ головой, поднялся на дыбы;
На ремянной уздѣ я повисnуло
И кричу: хоть убей... голыхъ любитъ Богъ,—
Сяду я въ раю между нищими,—
А ограбишь меня—ничего не возьмешь:
Ни одежи, ни шапки, ни обуви...
Провѣщалъ тутъ Иванъ таковы слова:
— Хоть и нѣтъ на тебѣ ни одежи, ни обуви,
Ты не нищее, ты проклятое
Богомъ зелье, ты горе народное,
Какъ привяжешься, не отвяжешься.
— Отвяжусь, говорю,—только ты меня

Угости. Сирота я бездомная,
Будь мнѣ братцемъ роднымъ, напои меня!
Стало звать я его во царевъ кабакъ;
Не поѣхалъ Иванъ во царевъ кабакъ.
Чтобъ унять его сердце гнѣвливое —
Ретивое—слезами разжалобить,
На тебя, Кривда, стало я плакаться.
— А поди, говоритъ,—ты, лукавое
Зелье, къ лукавой роднѣ своей:
Знаешь чай, гдѣ гнѣздо ея,
Да за ней походи, да поплачь, да повой,
А мы поглядимъ хоть однимъ глазкомъ,
Какъ слезами ее ты разжалобишь.
Тутъ дружина его понадвинулась,—
И, брани не брани, ослабѣло я,
Упустило уздечку ременную
Отшатнулось въ кусты,— путь очистило,
И побѣгло къ тебѣ, государыня.
Вотъ, бѣгу я лѣскомъ да оглядываюсь,—
Чую, скачутъ за мной—индо сучья трещатъ,
Индо гулъ идетъ—земля вздрагиваетъ,
По оврагамъ звѣрье разбѣгается.
Я въ село, и они въ село;
Я бѣгу слободой, и они слободой;
Я по рѣчкѣ плыву, и они плывутъ—
До гнѣзда твоего добираются.
Да, какъ видно, меня нагоняючи,
Пріустали маленько, замаялися,
У Капчай-рѣки станъ раскинули,
Недалече отсюда,—рукой подать...
Поблѣднѣла тутъ Кривда лукавая,
Такъ и быть, говоритъ,—я тебя напою,

На одну тебѣ ногу я лапоть дамъ,
На другую сапогъ—хоть и штопанный,
Да попробуй—авось и обуешься.
Только дай ты за это мнѣ лыко свое,
Да не бойся, тебѣ я верну его.
Повязалась тутъ лыкомъ Кривда лукавая,
Превратилась въ убогую старицу.

IX.

Близь опушки лѣсной рѣчка быстрая.
Бережокъ не высокъ, да трава зелена.
Тутъ съ коня слѣзалъ богатырь Иванъ,
Напоилъ его ключевой водой
И пустилъ на траву неразсѣдланнаго.
А стрѣльцы-удальцы, содружинники,
Нарубили дровъ, разложили костеръ
И, раскинувъ шатры полосатые,
Полегли,— отдыхаютъ, помалчиваютъ.
Далеко кругомъ мгла колышется,
За рѣкой заря, и въ рѣкѣ заря,
За рѣкою лѣсъ — и въ рѣкѣ дрожитъ
Та-жъ лѣсная темь съ тѣми-жъ просвѣтами.
Вдоль опушки кони похаживаютъ,
Травку-муравку похапываютъ,
Стременами тихонько позвякиваютъ;
У шатровъ торчатъ копья воткнутыя
И костеръ трещитъ — да невесело —
Изъ ума нейдетъ Горе сѣрое,
Горе встрѣчное.—Опершись на мечъ,
Говоритъ имъ Иванъ Богуслаевичъ:

— Горе-то ходитъ за Кривдой лукавою,
А вѣдь мы противъ Кривды за Истину —
Гдѣ-жъ ей насъ изловить, добрыхъ молодцевъ!
Говорятъ ему добры молодцы:
— Незамѣтно прошло лѣто красное,
Наступаютъ и ночи осеннія —
Ночи темныя, непроглядныя,
А мы Кривды еще и не видѣли.
Только видѣли, гдѣ прошла она,
Да какіе слѣды гдѣ оставила...
И ужъ многіе изъ насъ, бойцовъ,
По своимъ молодухамъ соскучилися:
Кто усталъ, а кого и недугъ сломилъ;
Легче намъ быть во честномъ бою,
Биться день и ночь съ супостатами —
Со врагами заклятыми,
Чѣмъ бороться намъ съ Кривдой лукавою,
Что насъ водитъ кругомъ да около,
Какъ лѣсная Кикимора.
Отвѣчаетъ Иванъ Богуслаевичъ:
— Не кручиньтесь, друзья, не печалуйтесь:
Половину мы Руси обрыскали
И вездѣ-то слѣды Кривды видѣли:
Кумовство, жидовство и кулачество,
И поджоги, и взятки, и нищенство,
И повальный развратъ, и разбой кругомъ.
Да не мало добра мы надѣлали,
И не мало чего мы настроили,
Насадили, вспахали, на умъ навели —
Правда истинная въ-очью помогала намъ.

X.

Въ это время Иванъ Богуслаевичъ
Увидалъ изъ-за лѣса дремучаго,
По травѣ шелестя, къ нимъ, какъ тѣнь, идетъ
Въ ветхомъ рубищѣ нѣкая старица,
Головой трясетъ и прихрамываетъ,
На кривую клюку опирается...
Подходя, въ поясъ кланяется,
Подойдя, таковы слова
Говоритъ на распѣвъ тихимъ голосомъ:
— Дай вамъ Богъ, ниспошли Богородица
Одолѣнье на Кривду лукавую!
Охъ, отцы мои, многомилостивцы!
Не калика я перехожая,
Не раба, а княжая дочь —
Кривдой лукавой обиженная.
Какъ была я молоденькая,
Безъ труда, безъ заботы, безъ горюшка
Между нянюшекъ, сѣнныхъ дѣвушекъ
Я у батюшки въ терему росла,
И не токмо умѣла шелками шить,
Вышивать полотенца узорчатыя,
А умѣла и книги священныя
Переписывать по церковному...
Такъ росла и цвѣла я, какъ маковъ цвѣтъ,
А какъ померъ родимый — осталась я
Сиротѣть съ вѣдьмой-мачихою,
Да съ ея сыновьями злодѣями.
Обобрали они меня до-чиста,
Долго гнали, корили, сутяжили,

По всему околотку безчестили,
Что-де я, молодая, съ нечистымъ вожусь,
Навожу на скотину падежъ —
На людей злую хворь навожу.—
И хотѣли они меня въ темный подвалъ
Засадить, чтобъ я свѣту не видѣла,—
Да старуха одна надоумила —
Принесла мнѣ одежду крестьянскую...
А, когда я сбѣжала — тайкомъ ушла,
Распустили молву, что нечистый унесъ...
Долго, долго по свѣту я маялася,
Рыбакамъ плела сѣти — неводы,
У хозяевъ, въ проѣзжихъ домахъ,
Словно дѣвка-чернавка, прислуживала,
Стариковъ, старухъ въ банькахъ парила,
Малыхъ дѣтокъ укачивала;
И узнала я отъ проѣзжихъ гостей,
Гдѣ живетъ проживаетъ та Кривда лукавая,
Что меня сироту обездолила...
И сказалъ ей Иванъ Богуслаевичъ:
— Коли знаешь гдѣ, такъ и намъ скажи.
— Охъ, отцы мои, многомилостивцы!
Что скажу я вамъ, что повѣдаю:
Согрѣшила я передъ Господомъ —
Молода была, малоопытна!
Тамъ на свѣтлыхъ горахъ, на раскатистыхъ,
Блестятъ маковками золочеными,
Въ голубыхъ озерахъ отражаются
Этой Кривды палаты стекольчатыя,—
На запорѣ ворота желѣзныя,
А крюки, и засовы серебряные,
— А велика ли стража? — Пять сотъ человѣкъ,

Съ бердышами, съ рогатинами,
День и ночь караулятъ гнѣздо ея,
Ну, да я... ахъ, отцы мои!
Я не силой, а лаской да подкупомъ
Въ тѣ палаты вошла,— и въ свѣтелку къ ней
Пробралась и ей въ ноги ударилась:
Такъ и такъ, говорю,— я такая-то...
Безъ призору брожу, чужой хлѣбъ жую.
Вороти ты меня, государыня,
Въ старый теремъ мой — къ сѣннымъ дѣвушкамъ,
Къ старымъ мамушкамъ, да усовѣсти,
Усмири какъ нибудь сводныхъ братцевъ моихъ —
Пусть воротятъ мнѣ хоть приданое,
Коли чести моей не хотятъ вернуть...
— Ахъ ты глупая, безтолковая,
Отвѣчала мнѣ Кривда лукавая.—
Да ступай ты къ купцу Парамонову,
Ко тому ли Ѳадею Демьяновичу,
Что гоняетъ все лѣто суденышки
По широкой рѣкѣ Волгѣ-матушкѣ,
Съ хлѣбомъ, солью, съ мѣшками рогожными,
Что торгуетъ смолой, промышляетъ и рыбою.
У него, говорятъ,— сундуки полны,
Серебра, жемчугу — непочатый край.
Околдуй его,— свою дѣвичью
Красоту продай,— а ужъ я о тебѣ
Такъ и быть позабочусь, красавица.
Будешь ты ходить, дѣвка, въ золотѣ,
На лебяжьемъ пуху спать-полеживать,
Душегрѣйку носить изъ цвѣтной камки,
А къ обѣднѣ пойдешь аль къ заутрени,
За меня будешь Богу молебны пѣть...

Охъ, отцы мои, многомилостивцы!
Соблазнила меня Кривда лукавая,
Продалась я купцу Парамонову,
Разорила его и семью его,
Загубила и душу его многогрѣшную:
Посреди рѣки, въ черной проруби
Утопился Ѳадей, свѣтъ Демьяновичъ.
Собрала я пожитки, поѣхала,
А меня на дорогѣ ограбили
Душегубцы, ночные разбойнички,
И побили они дроворубными
Топорами моихъ бѣдныхъ спутниковъ,
А меня безъ рубашки оставили,
Надо мной насмѣялись и въ лѣсъ ушли...
Съ той поры я по свѣту скиталася,
До сѣдыхъ волосъ побиралася.

XI.

Тутъ присѣла къ огню эта старица,
Попросила напиться — и, охая,
Нараспѣвъ, тѣмъ же ласковымъ голосомъ,
Повела дальше рѣчь свою:
— Охъ, чего-то, чего не видала я!
И чего-то, чего не наслушалася!
Разскажу вамъ про Кривду лукавую,
Про дѣла ея богомерзкія, срамныя,—
Только вы, братцы, старуху послушайте,
А послушаете — не укрыться ей
Отъ такихъ удальцовъ, добрыхъ молодцевъ,
Ни на днѣ рѣчномъ, ни въ морской глубинѣ.

На ладонь я всю правду вамъ выложу,
Покажу вамъ Кривду во всей красѣ.
И тутъ старица, пригорюнившись,
Стала всякія были имъ сказывать,
И причитывать, и размазывать
Таково красно, что заслушаешься.
То мутила ихъ души — томила ихъ,
Про дѣла потайныя, кровавыя,
Наводящія ужасъ, разсказывала,
То смѣшила ихъ, повѣряла имъ,
Какъ лукавая Кривда дурачила
И князей, и бояръ, и торговыхъ людей,
Какъ сводила ихъ женъ съ полюбовниками.
И во всей красѣ, во всей наготѣ
Рисовала имъ ночи бѣсовскія,
Сладострастныя ночи — похмѣльныя,
Поводила руками, расписывала,
Какъ голодный мякину пожевывалъ,
И какъ пьяница-безпропоица
Билъ-терзалъ жену неповинную,
И какъ блудный сынъ, сынъ купеческій,
Въ кабакѣ заложилъ душу дьяволу,
Какъ за это его бѣсы тѣшили.
И чудна же была эта старица!
Ужъ давно погасъ ихъ ночной костеръ,
Ужъ и мѣсяцъ зашелъ въ тучу темную,
Ужъ и звѣзды куда-то попрятались,
А они все сидѣли да слушали.
Къ утру сталъ дремать богатырь Иванъ,
А ребята его и не думали...
А чѣмъ больше они въ нее всматривалися,
Тѣмъ пригожѣй она становилася.

Кто поближе къ ней присосѣдился,
Тотъ ужъ чуялъ въ ней что-то знойное;
Сквозь морщины ея, такъ и чудилось,
Красотой и соблазномъ просвѣчиваетъ,
Темный глазъ горитъ молодымъ огнемъ,
А сѣдые, косматые волосы
Свѣтлорусой косой разсыпаются.

Вотъ, разсказы ея стали жалобнѣе,
И печальнѣе, и пѣвучѣе,
О неволѣ, невзгодѣ, тоскѣ-змѣѣ,
Что сосетъ ретивое, что давитъ грудь,
Какъ доска гробовая, тяжелая...
И чѣмъ дальше ночка подъ утро шла,
Чѣмъ тошнѣй на душѣ становилося
У Ивана свѣтъ Богуслаевича,
Тѣмъ сильнѣе клонилъ его тихій сонъ.
И все тише, все тише — плачевнѣе
Свою рѣчь вела Кривда лукавая,
Что прикинулась нищей-старицей,
Про себя безъ утайки разсказывая,
Про дѣлишки свои имъ докладывая,
Сиротой-горемыкой прикидываясь.
И, склонясь головой на широку грудь,
Выпуская изъ рукъ мечъ родительскій,
Заснулъ богатырь непробуднымъ сномъ,
А стрѣльцы-удальцы, добры молодцы,
Точно хмѣль сталъ бродить въ ихъ головушкахъ,
Разгорѣлись душой, распалилися:
Не старуха мелькала въ глазахъ у нихъ,
А красавица бѣлолицая,
Съ соболиною бровью, съ густой косой,

Съ лебединою грудью — забучею.
И, ревнуя другъ къ другу и злобствуя,
Другъ на друга они озиралися.

Да ловка была Кривда лукавая:
Одному въ ухо шепчетъ—приходи въ лѣсокъ...
Другому—у рѣчки меня подожди...
А иному—постой, погоди,
Уведу я тебя во свѣтлицу свою,
Уложу на кроватку тесовую,
А ревниваго мужа виномъ накачу,
Уведу въ чуланъ, на замокъ запру...
Такъ со всѣми она пошепталася,
Всѣхъ своей красотой подзадорила.
И казалось имъ, что ушла она
Не то въ темный лѣсъ, не то въ кустики,
Не то на дорогу проселочную,
Не то вдоль по рѣкѣ, по пѣсочку разсыпчатому,
И они въ темнотѣ расходилися,
Другъ отъ друга, какъ вороги, прятались.
Кто пошелъ вдоль рѣки, кто въ дремучій лѣсъ,
Кто, нащупавъ дорогу проселочную,
Увидалъ вдали—огонекъ горитъ,
Шевелится, лукаво подмигиваетъ,
На ночлегъ въ теплый теремъ заманиваетъ...
Кто въ болото зашелъ, съ Лихоманками
Повстрѣчался—молиться сталъ,
Обуянный невѣдомымъ ужасомъ...

XII.

Засмѣялася Кривда лукавая —
И такъ громко она засмѣялася,
Что отъ страха великаго
Богатырскіе кони осѣдланные
Сорвались,—кто куда разбѣжался;
Изъ насиженныхъ гнѣздъ, съ дикимъ карканьемъ,
Поднялось вороньё, а изъ темныхъ водъ,
Изъ рѣки что-то вынырнуло,
Забѣлѣлось какъ пѣна и поплыло —
Расплескало волну и зашлепало...
Подошла Кривда къ мечу-кладенцу,
Приподняла его и, натужившись,
Потащила въ кусты по сырой землѣ:
Борозда прошла по сырой землѣ—
Не по силамъ ей былъ богатырскій мечъ.
Не смогла она, Кривда лукавая,
Изъ ножонъ его вынуть-вытащить,
И пока надъ нимъ она маялася,
Свою женскую силу надсаживала,
На востокѣ заря зарумянилась.
Но Ивану, въ лицо его сонное,
Не одинъ день тоскливо заглядывалъ,
На него даже Кривда заглядывалась:
— Эхъ! Дѣтина, ты, глупый дѣтинушка!
Будь не глупый ты парень—покладистый,
Я-бъ охотно съ тобою слюбилася,
Былъ бы ты у меня въ большой чести,
Я дала бы тебѣ королевскій санъ,
Далеко бы по всѣмъ странамъ

Твою мощь, твою силу прославила.
А теперь, волчья снѣдь—травяной мѣшокъ,
Спи-лежи невидимкою,
Дожидайся второго пришествія!
Тутъ она лыкомъ его опоясала,
Чтобъ ему только Горе и снилося,
Чтобъ и сны его были нерадостны.
И пошла домой Кривда лукавая,
По камнямъ идетъ—спотыкается:
Непривычно ей по камнямъ ходить,
По тропинкѣ идетъ—оглядывается,
И мерещется ей, что за ней идетъ
Что-то голое, зябкое, сѣрое
И вопитъ умоляющимъ голосомъ:
— Ой, отдай ты мнѣ, Кривда, хоть лыко мое!

XIII.

За недѣлей недѣля — какъ трава ростетъ,
Годъ за годомъ — какъ рѣка течетъ,
Тяжко спитъ, бредитъ, вздрагиваетъ,
Святорусскій богатырь Иванъ Богуслаевичъ,
И земля подъ нимъ стала вздрагивать,
И мутилась вода, и рѣдѣли лѣса,
И шелъ моръ на людей, и травой-лебедой
Проростали посѣвы крестьянскіе,
А съ пожарищъ несло горькой копотью.
И взмолилася Правда истинная
Самому Христу, Сыну Божію:
— Ужъ пусти ты меня, Царь небесныхъ силъ...
Изъ Рая, изъ Царства небеснаго
Походить по землѣ, кровью политой,

Орошенной слезами горючими,
Всю насквозь гнилью труповъ упитанной
И къ тебѣ за спасеньемъ взывающей:
Спаси Господи люди Твоя!
И глаголетъ ей Сынъ Человѣческій:
— Не простыла, видно, любовь твоя
Къ людямъ, вѣчно меня распинающимъ...
Да возрадуется сердце твое!
Въ міръ гряди — искра мысли Моей,
Капля крови Моей — Правда истинная —
Да возрадуется сердце твое!
Какъ придешь въ міръ скорбей, повтори ему:
Гдѣ любовь, тамъ и свѣтъ, тамъ и Царство Мое —
Да возрадуется сердце твое!

И подвигнулись силы небесныя
Отъ божественныхъ словъ Искупителя,
Заиграли лучами и сладостными
Голосами запѣли: святъ, святъ, святъ Господь!
И на землю сошла Правда истинная
Въ бѣлоснѣжной одеждѣ, въ золотомъ вѣнцѣ,
И десницей она прикоснулася
Къ молодому бойцу, что состарѣлся,
Досыпая свой вѣкъ, подпоясанный
Лыкомъ стараго Горя-злосчастія.

И проснулся Иванъ Богуслаевичъ,
И протеръ глаза; сталъ искать меча —
Не нашелъ меча, сталъ дружину звать —
Никого не дозвался, не докликался.
И, шатаясь, пошелъ онъ на родину: —
Не узналъ богатырь милой родины.

XIV.

Помутился день, лѣсъ нахмурился,
Прогудѣлъ вдали перекатный громъ,
И вотъ слышитъ Иванъ Богуслаевичъ
Недалеко въ лѣсу шумъ и бабій крикъ.
Прибѣжалъ — видитъ сѣрое,
Непреглядное Горе-злосчастіе,
Какъ мужикъ съ бороденкой общипанной,
Въ рукопашномъ бою бьется-борется
Съ бѣлотѣлой растрепанной бабою.
Онъ вцѣпился ей въ косы длинныя,
Не жалѣетъ ея женскихъ прелестей —
А она его бьетъ, приговариваетъ:
— Знай, сверчекъ, свой шестокъ, не тебѣ меня
Повалить, мужику сиволапому.
— Ахъ ты... Ты, Кривда лукавая,
Продаешь ты врагамъ нашу отчину,
Да еще и пиры задаешь...
А меня, Горе хмѣльное, Горе вольное,
Въ кабалу хочешь взять, а не думаешь,
Что я чадо твое, чадо блудное,
Непрощенное, нелюбимое...
Тутъ увидѣло Горе-злосчастіе,
Что идетъ по дорогѣ Иванъ богатырь,
Закричало ему въ свою голову:
— Помоги мнѣ, родимый Иванушка,
Побороть эту Кривду лукавую,
Да постой — погляди на себя:
На тебѣ мое лыко мотается.
Ты сними это лыко поганое,

Ни въ какомъ бою непригодное,
Да бѣги поскорѣй за мечемъ своимъ!
Гдѣ ты спалъ въ лѣску,— подъ ракитою,
Онъ засыпанъ землей, онъ травой поросъ,
Да все тотъ же на немъ православный крестъ,
Та же сила въ немъ чудодѣйная...
Ты бѣги за мечемъ, а я Кривду лукавую
За виски придержу, пусть колотитъ меня
По лицу — по чему ей захочется.
— Ахъ, ты дьяволъ! змѣя подколодная,
Разъ попалась мнѣ въ лапы — не выпущу!
— А ты что стоишь? аль не видывалъ,
Какъ дерется бабье, какъ царапается!
Побѣжалъ Иванъ Богуслаевичъ
За мечемъ — и нашелъ свой мечъ...
— Уложу ихъ обѣихъ,— подумалъ онъ...
Но ни Кривды, ни Горя-злосчастія
Не нашелъ онъ на мѣстѣ томъ,
Гдѣ они такъ дрались, такъ ругалися,
Словно въ землю они провалилися,
Аль бѣду надъ собою почуяли,
Аль съ просонокъ ему померещились.

XV.

Поклонилась земля золотому тельцу,
Встало царство на царство, народъ на народъ...
Изъ-за синяго моря, изъ-за сизыхъ горъ
Не тяжелыя тучи грозу несутъ —
На святую Русь надвигаются,—
Надвигаются силы вражескія...

Отъ ихъ полчищъ вода замутилася,
Пошатнулись лѣса, почернѣли поля,
А сквозь паръ, что какъ дымъ потянуло вверхъ
Отъ походныхъ костровъ, отъ людей и коней,
Тускло свѣтитъ на Русь солнце красное.
Ужь не Кривда ли, что по всей землѣ
Разнесла свои рѣчи лукавыя,
Намъ такую бѣду вдругъ накликала?
Вотъ навстрѣчу бѣдѣ просыпаются,
Страшно-медленно собираются
Богатырскія силы родной земли
Съ Волги, съ Дону, съ Днѣпра крутояраго.
Сѣлъ Иванъ на коня богатырскаго,
И помчался онъ быстрѣй сокола
Въ ту сторонушку, гдѣ раскинулось,
Развернулося поле бранное,
Тамъ, гдѣ стрѣлы дождятъ, мечъ о мечъ звенитъ,
Гдѣ ломаются копья булатныя.
Бьется день и ночь богатырь Иванъ,
И дружина его рвется въ смертный бой —
Неотступчивая, неоглядчивая...
А что дѣлаетъ Кривда лукавая?
Отъ заботъ, отъ тоски, отъ безвременья
Плохо спится ей, плохо можется,
Ей такая война, вишь, не по-сердцу:
Много-де даромъ изводится
И добра, и всего, что ей дорого.
Похудѣла она, даже слезы льетъ
По боярскимъ сынкамъ, добрымъ молодцамъ,
Что несутъ свою силушку въ смертный бой,—
Какъ бы силушка та не сломилася...
И идетъ она въ церковь Божію,

Набеленая, нарумяненая,
Пудовую свѣчу ставитъ къ образу.
Она крестъ-то кладетъ по писаному,
Поклоны творитъ по ученому,
На колѣнкахъ въ полъ головой стучитъ,
Чтобъ всѣ видѣли, какъ она сокрушается
И какъ любитъ она Русь несчастную.
А что дѣлаетъ Горе-злосчастіе,
Кѣмъ и чѣмъ оно пробавляется?
Какъ услышало Горе—въ трубу трубятъ,
Какъ узнало отъ Кривды, что врагъ идетъ,
Покидаетъ оно голь кабацкую
И садится на клячу заѣзженную,
Дескать надо и мнѣ покуражиться,
Поглядѣть на кровавое пиршество.
Ѣдетъ голое Горе—мочальною
Погонялкой лѣниво помахиваетъ;
На одной ногѣ лапоть, на другой сапогъ,
То одна нога, то другая нога
Заморённую клячу подталкиваетъ,
Кляча шагомъ идетъ—спотыкается,
А, какъ рысью бѣжитъ, задыхается.
Охъ, ты Горе, Горе-гореваньеце!
Проспалось ты не скоро—поздно выѣхало,
Не догнало ты боевыхъ дружинъ,
На одни ихъ обозы наѣхало,
На возу съ винной бочкой усѣлося.
Долго, долго обозы тѣ ѣхали,
Но до мѣста того не доѣхали,
Гдѣ борцы за Русь, у большой рѣки,
На просторѣ шатры свои ставили,
Вспоминали убитыхъ товарищей,

Поджидали обозы скрипучіе,
Чтобъ имъ было чѣмъ за побѣду пить—
За Ивана свѣтъ Богуслаевича,
Что поставилъ свой стягъ на край земли,
Оберегъ нашу землю крестьянскую.

XVI.

А въ тѣ поры Иванъ богатырь
Покидалъ свой воинскій станъ,
И одинъ-одинёхонекъ
Ѣхалъ въ Кіевъ—во стольный градъ,
Не пиры пировать и не хвастаться
Своей силой, своимъ молодечествомъ,
А у мучениковъ, у сподвижниковъ
Божьей правды искать, себѣ помощи.
На его конѣ сбруя позвякиваетъ,
За его плечомъ стрѣлы побрякиваютъ,
Да одна-то рука перевязана,
Налокотники-то посѣчены,
Сердце-то инъ по убитымъ болитъ,
И своихъ ему жаль, и враговъ ему жаль,
И болятъ его раны тяжелыя.
Вдругъ въ глазахъ его замутилося:
Увидалъ онъ... Горе-злосчастіе
На возу сидитъ, бражку потягиваетъ,
А кругомъ лежатъ кони подохлые,
Мертвымъ сномъ спятъ обозники пьяные,
Бочка съ выбитымъ дномъ во рву лежитъ.—
Вскрикнулъ Иванъ зычнымъ голосомъ:
— Вотъ ты гдѣ, проклятый ты выродокъ!

Полно тебѣ слезить отцовъ—матерей,
Полно тебѣ вдовить женъ молодыхъ,
Сокрушать сиротъ—малыхъ дѣтушекъ...
Издыхай, какъ собака! прищелъ твой часъ—
Твой послѣдній часъ,—кайся Господу!..
И хотѣлъ Иванъ мечъ свой выхватить,
Да застрялъ въ ножнахъ его мечъ-кладенецъ.
Поблѣднѣлъ Иванъ Богуслаевичъ,
А Горе-то знать испужалося,
Соскочило на землю и ну бѣжать;
Потеряло свой лапоть, въ одномъ сапогѣ,
Словно заяцъ косой, улепетываетъ,
За осокой, во рву, ежась, прячется,
За кустами хоронится
И шипитъ, на дорогу выглядывая:
Мать твоя померла, и хоромы твои
Провалились, и дворъ твой бурьяномъ заросъ...
Смутенъ ѣдетъ Иванъ Богуслаевичъ.
Вотъ, и ночь пришла, свѣтелъ мѣсяцъ всталъ,
Звѣзды по небу стали разсаживаться.

На крутоярѣ стоитъ коренастый дубъ,
Распростеръ свои сучья, зоветъ его:
Отдохни прилягъ, добрый молодецъ,
Успокой ты свой сиротливый духъ,
Убаюкай сердце ретивое! —
И съ коня слѣзъ Иванъ Богуслаевичъ,
Снялъ съ головы свой тяжелый шеломъ,
Разстегнулъ свои латы кольчужныя,
На песокъ прилегъ и забылся сномъ.
Не простой то былъ сонъ, а пророческій.
Видитъ онъ: Кривда лукавая,

Черноокая, бѣлогрудая
Прилегаетъ къ нему и, приласчиваясь,
Сладко шепчетъ ему таковы слова:
— Полюбила я тебя, добрый молодецъ,
А ты клятву далъ извести меня...
Не изжить тебѣ Горя-злосчастія,
И твой мечъ-кладенецъ не убьетъ меня.
Только Правда одна — Правда истинная,
Поборовшись со мной, извела бы меня.
Да и той нѣтъ — ушла въ небеса...
Попалили-бъ меня только Ангелы,
Да и тѣхъ нѣтъ — поютъ славу Божію.—

— Я сойду съ небесъ,— словно Божій громъ.
Раздался вѣщій гласъ Правды истинной:
И предстала она, вся сіяющая
Въ бѣлоснѣжной одеждѣ, въ золотомъ вѣнцѣ,
И промолвила таковы слова:
— Ты права — права, Кривда крещеная,
Не мечъ — грѣшный мечъ, окровавленный,
Посѣчетъ твою голову,
И не палица богатырская
Сокрушитъ твое чадо блудное,
Чадо хмѣльное — Горе-злосчастіе;
Но, когда просіяетъ колючій тёрнъ
На челѣ Христа паче всѣхъ вѣнцовъ,
И когда вмѣстѣ съ нимъ я сойду съ небесъ,
Не одна я сойду, а со ангелы,
Возвеселится тогда и возрадуется
Тотъ, кто ни разу за сребрянники,
Какъ Іуда, не предалъ Спасителя —
Ты-жъ, лукавая Кривда, восплачешься

И въ смертельной тоскѣ воззовешь къ горамъ:
— Упадите вы, горы, на главу мою,
Раздавите меня, горы каменныя!
Разступись и ты, мать сыра-земля,
Разступись — поглоти меня!
Кто не вѣруетъ въ Правду истинную,
Не увидитъ тотъ Царства праведнаго...
И почудилось Ивану Богуслаевичу:
Оперлась Кривда цѣпкой рукой
На плечо его наболѣвшее,
Поднялась, и какъ желтый осиновъ листъ
На вѣтру, вся дрожа и едва дыша,
Тяжело говоритъ — выговариваетъ:
— Попустилъ меня Богъ жить неправдою
И живу я, пока попускаетъ Богъ,
Не пытай же меня, не томи,— дай пожить,
Дай пожить!.. уходи!.. И, закрывъ глаза,
Она стала отъ Правды отмахиваться...
И почудилось Ивану Богуслаевичу,
Будто Правда отъ Кривды лицо свое
Отвратила и съ нимъ обручилася,
И пошла-пошла, какъ по воздуху,
И все выше, все выше, и скрылася,
Словно небо за ней затворилося.

На востокѣ заря загоралася.
Пробуждался отъ сна богатырь Иванъ;
Всталъ онъ радостный и свой тяжкій мечъ,
Приподнявшись, повѣсилъ на верхній сукъ
Коренастаго дуба развѣсистаго
И, крестясь, онъ сказалъ дубу старому,
Заповѣдному дубу, нетронутому

Ни грозой, ни пилой, ни сѣкирою:
— Сбереги, старина, ты мой мечъ-кладенецъ,
Спрячь его, отъ лукаваго глаза — спрячь!
Не ровенъ часъ и Кривда лукавая
Соберетъ полки и пойдетъ на насъ...
Пригодится тогда мой могучій мечъ.—
Не отдай лишь его въ руки нечистыя,
А отдай тому, кто увѣруетъ,
Что спасетъ имъ отъ бѣдъ Русь великую
И землѣ принесетъ обновленіе,
Миръ и благоволеніе...

Поклонился тутъ Иванъ-богатырь
И дремучему дубу, и дѣдовскому
Мечу, на которомъ изсѣченъ былъ
Краснымъ золотомъ православный крестъ,
Желтымъ золотомъ были писаны
Не простыя слова — чудодѣйныя.

И пошелъ богатырь...
И до смерти своей
Безъ меча, безъ кольчуги, безъ лука и стрѣлъ
Въ простомъ одѣяньи — по всей Руси
Проходилъ онъ — и слово его
Было сильное слово — сильнѣе меча:
Въ его словѣ была Правда истинная.

Да воскреснетъ то слово и въ наши дни!

ФАНТАЗІЯ.

Natura nunquam facit saltum...
Св. Діонисій Ареопагитскій.

De la forme nait l'idée.
Flober.

То былъ во тьмѣ вѣковъ забытый нами вѣкъ...
Съ душой ребенка звѣрь двуногій — человѣкъ
Былъ существо косматое и злое;
Стрѣлою билъ онъ птицъ — орловъ и лебедей,
Зазубреннымъ копьемъ пещерныхъ билъ звѣрей;
Голодный, кости ихъ глодалъ и ѣлъ — сырое;
Отъ зимней стужи мѣхъ спасалъ его дѣтей,
Которыхъ нагота отъ солнечныхъ лучей
Казалась бронзовой, пеклась на лѣтнемъ зноѣ...

Проворно лазилъ онъ по скаламъ, по стволамъ
Деревъ, и вольная дикарка-дѣва, съ бою,
Имъ грубо смятая, шла по его слѣдамъ
Уже послушною рабою...
Кой-гдѣ гнѣздо его торчало изъ озеръ,
На сваяхъ, чтобъ къ нему не заползали звѣри;
Какъ норы, низменныя двери

Не замыкались на запоръ;
И каменный въ лѣсу стучалъ его топоръ...

Внимая гулу бурь, обваловъ — изверженій,
Огнями дышащихъ, колеблящихся горъ,
Или потоку водъ въ разливъ отъ наводненій,
Отважный звѣроловъ смиренно сознавалъ
Свое безсиліе, глазами силу мѣрялъ
Неодолимую,— чему-то смутно вѣрилъ;
Но не молился и не измышлялъ
Ни алтарей, ни жертвоприношеній.
А надъ землей носился вѣчный геній,
И небу, и землѣ родной,
Полуземной, полу-небесный,
Никѣмъ невидимый, неслышный, неизвѣстный:
Его удѣлъ былъ предопредѣленъ —
Сопровождать померкшую планету,
Все обреченное на бдѣніе и сонъ
Оберегать, и звать къ божественному свѣту
Того, кто свыше одаренъ.

* * *

Духъ унывалъ — молніеносной тучей
Прикрывъ главу свою, поникъ онъ надъ страной,
Гдѣ море синее размыло мѣловой
Надломленный утесъ, и плещется зыбучей
Своею пѣною въ песокъ береговой.
И видитъ духъ: на мысъ къ своимъ ладьямъ сбѣгаетъ
Народъ, въ лѣсу застигнутый грозой;
Гогочетъ, машетъ, завываетъ,
Какъ будто глядя на прибой,
Тамъ каждый каждую волну передовую
Жалѣетъ какъ волну, сѣтямъ его родную,

Гонимую въ грозѣ сверкающимъ дождемъ,
И тщетно молніи грозитъ своимъ копьемъ...
И, сжалясь надъ людьми и унимая громъ,
На аломъ рубежѣ земного дня и ночи
Духъ поднялъ къ небесамъ мерцающія очи.

* * *

Пронзая взорами горящій неба сводъ,
Онъ, въ глубинѣ глубинъ и въ высотѣ высотъ,
Съ благоговѣйнымъ напряженьемъ
Искалъ Того, Кого зовемъ мы Богъ.
Онъ ощущалъ Его, но созерцать не могъ;—
И, весь проникнутый блаженнымъ ощущеньемъ
Его любви, возопіялъ къ Нему —
Къ Отцу и Богу своему,
Какъ бы съ сыновнимъ сокрушеньемъ:
— Смотри, что создано Твоимъ прикосновеньемъ,—
Какихъ звѣрей Ты одарилъ душой!
Ужъ если я... я, присный ангелъ Твой,
Едва эфирною прикрытый оболочкой,
Блюститель сей земли, что въ безднѣ міровой,
Какъ въ вихрѣ движется едва замѣтной точкой...
Ужъ если я, который ликовалъ,
Когда Твоя любовь себя изобличала,
Не могъ постичь Тебя — предвѣчное начало —
— Начало всѣхъ началъ!..
Постигнетъ ли Творца природы злое чадо?!
На утрѣ бытія не я ли созерцалъ,
Какъ міріады солнцъ зажегъ Ты, какъ пылалъ
Вселенскій Твой пожаръ, какъ малая лампада
Въ Твоемъ дому! Не я ли трепеталъ,
Когда огонь ихъ гасъ и свѣтъ ихъ померкалъ!
Но духи свѣтлые изъ праха ихъ рождались,

И новые міры безъ дыма загорались,
И вновь несмѣтный хоръ безсмертныхъ ликовалъ.

Все видѣлъ я, все знаю; а они —
Тѣ, что влачатъ Тобой отмѣренные дни,
Переходя отъ хлада къ зною,
Отъ повседневнаго труда къ борьбѣ съ нуждою,
Что видѣли? Что знаютъ? Полузвѣрь,
Одной своей добычи запахъ чуя,
Повѣритъ ли, когда ему скажу я:
Несчастный! вѣрь! —

И вотъ, какъ тихій звонъ, благую вѣсть несущій,
Раздался Божій гласъ на гласъ его зовущій:
— Я шлю Фантазію. Прими ее, какъ дочь
Моей любви, она тебѣ поможетъ...
Пусть каждый вѣритъ Мнѣ, по мѣрѣ силъ, какъ можетъ.

* * *

Очнулся духъ земли и онѣмѣла ночь...
Небесное видѣнье появилось
На легкомъ облакѣ, и небо засвѣтилось:
Три радуги кольцомъ тройнымъ
Прошли по облакамъ воздушнымъ и перистымъ,
И, окружая дискъ ночной луны цвѣтистымъ
Великолѣпіемъ своимъ,
Затмили яркихъ звѣздъ далекое мерцанье;

А полная луна раскинула сіянье
На всѣ четыре стороны крестомъ:
На Сѣверъ, Югъ, Востокъ и Западъ. Мнилось,
Самой природѣ чудо снилось,
Когда Фантазія съ вѣнцами на челѣ

Сошла въ земную мглу...
Что грезилось землѣ
Въ ту мѣсячную ночь, когда въ ночномъ теплѣ
Дремали женщины и дѣти,
И не стучалъ топоръ, и праздно висли сѣти
Надъ темнымъ зеркаломъ озеръ?
Уже потухъ блестящій метеоръ...
Дикарь задумчиво глядѣлъ на тѣ плеяды,
Откуда брезжилъ свѣтъ и капала роса;
Впервые Божьи небеса,
И стрекотаніе цикады,
И соловьи, и скалы, и лѣса
Съ его душой заговорили
Про чудеса, какъ про такія были,
Которыя ихъ прадѣды забыли
И безъ которыхъ трудно жить.

* *
*

Пришла Фантазія и начала творить.

* *
*

И вѣкъ прошелъ, и та же вся природа,
И тотъ же духъ земли, дыша грозой, встаетъ
Надъ высотами горъ и тяжко вопіетъ:
— О Всемогущій! тамъ въ лощинѣ, возлѣ брода
Черезъ ручей, куда нерѣдко, всласть
Наѣвшись мяса, рванаго когтями,
Пятнистый барсъ свою макаетъ пасть
И локчетъ воду, тамъ, опутанный плющами,
Обломокъ каменный стоитъ, зарывъ въ песокъ
Свою пяту: онъ былъ отъ скалъ оторванъ
Въ ту ночь, когда былъ наводненьемъ прорванъ
Размытый горный кряжъ, и пролился потокъ,
Чтобъ дать твоимъ лѣсамъ дышать въ твоей пустынѣ.

Фантазія нашла тотъ камень — тотъ гранитъ,
И придала ему необычайный видъ:
Глаза — на лбу — тупой, по серединѣ
Свирѣпой морды, носъ торчитъ
Надъ зѣвомъ; но уродливаго тѣла
Фантазія, додѣлать не съумѣла,
— Оставила его безъ ногъ...
. . . . . .
И долго дикари на чудище косились...
Вдругъ, ужасомъ объятые, взмолились
И поползли къ нему — И взвыли: ты нашъ богъ!
— Помилуй насъ!.. толпа вообразила,
Что это онъ послалъ къ нимъ льва и крокодила,
И что когтистый барсъ былъ посланъ тоже имъ,
И въ жертву идолу несетъ, въ огонь и дымъ,
Несчастныхъ плѣнниковъ и свѣжую добычу.
Бездушной плоти поклонилась плоть,
Одушевленная!.. О! не внимай, Господь,
Ихъ суетной мольбѣ и дикому ихъ кличу;
Фантазію изъ міра отзови,
И праведный мой гнѣвъ благослови,
И на печаль мою откликнись, Всемогущій!..

* * *

И Богъ откликнулся на гласъ, его зовущій.
— Оставь Фантазію творить имъ образъ Мой.
Пусть камень говоритъ ихъ сердцу какъ живой.
Фантазія Мой даръ... Ее Мы не осудимъ...
Все, что творитъ она,— она творитъ по людямъ
Или по мѣрѣ ихъ ребяческихъ умовъ:
Ихъ мысль въ зародышѣ,—у нихъ немного словъ:—
. . . . . .
Ни звѣрь, ни гадъ, ни птица...

Ни насѣкомое не вѣрятъ въ чудеса,
Имъ не приснится то, что людямъ будетъ сниться,—
И будутъ далеки имъ наши небеса;
Природа къ самосохраненью
Укажетъ имъ пути, уча ихъ жизнь любить
И распложàться; но нехитрому умѣнью
Добытъ огонь — звѣрье кто можетъ научить!..
Лишь полу-звѣрь есть въ то же время
И полу-человѣкъ...
Лишь въ немъ иныхъ судебъ таится Божье сѣмя...
Вращаніе планетъ несетъ за вѣкомъ вѣкъ
И нанесетъ землѣ иныя наслоенья,
И возростутъ иныя поколѣнья,
И, водворяя власть любви, и красоты
И человѣчности, Фантазія страданью
Дастъ высшій смыслъ, и поведетъ
Отъ созерцанья къ міросозерцанью;
И воплотится духъ, и много разъ умретъ,
И будетъ воскресать, и человѣкъ воздвигнетъ
Иной алтарь, и Сущаго постигнетъ
Настолько же, *насколько — ты*...

Замолкъ... И, какъ лучи отъ солнца полосами
Проходятъ въ темнотѣ и свѣтятся въ пыли,
Такъ и Его глаголы перешли
Съ лица померкнувшей земли
Къ инымъ мірамъ — бесѣдовать съ духами.

26 ноября 1889 г.
Спб.

АННА ГАЛДИНА.

(ИЗЪ ПРЕДАНІЙ ОДНОГО УѢЗДНАГО ГОРОДКА).

РАЗСКАЗЪ ВЪ СТИХАХЪ.

Посвящается Д. А. Ровинскому.

Слава о немъ была такая, что онъ, когда въ невѣрной землѣ семь спящихъ дѣвъ отрывали, и тамъ онъ не лишній былъ — онъ старыхъ людей на молодыхъ передѣлывалъ....
Н. С. Лѣсковъ.

Ученье — свѣтъ, неученье — тьма...
Рус. послов.

I.

Безподобное мѣстечко, господа!
Не угодно-ли пожаловать сюда.—
Поглядите, что за чудо городокъ,—
Не Москвы-ль онъ отдаленный уголокъ?
Вотъ застава и, чтобъ каждый видѣть могъ,
Въ видѣ замка бѣлокаменный острогъ;
Вотъ общественная баня и кабакъ,
Вотъ базаръ, и судъ уѣздный, и баракъ,
Гдѣ идетъ теперь игра среди кулисъ
Доморощенныхъ актеровъ и актрисъ;
Есть и вывѣска подъ видомъ калача,
И полиція, и даже каланча,

И общественный есть садикъ, гдѣ сирень
На скамеечку отбрасываетъ тѣнь:
Тутъ и липа, и боярышникъ цвѣтетъ,
Когда лѣто людямъ пару поддаетъ;
И какія тутъ есть церкви, Боже мой!
Отъ фундумента до самаго креста
Всѣ раскрашены въ различные цвѣта,
Всѣ ихъ маковки съ чешуйчатой каймой
Ярко блещутъ золотой своей игрой;
Тутъ и женскій есть старинный монастырь
Съ колокольнею и съ видомъ на пустырь,
За стѣной его песчаный косогоръ
И дорога въ зеленѣющій просторъ.

Лѣтъ пятьсотъ тому назадъ изъ-за рѣки
Тутъ виднѣлись только вышки да коньки *)
Брусяныхъ съ однимъ окошечкомъ домовъ,
Да узорчатыя ставни теремовъ.
Племя грубое воинственныхъ мужей
Обитало тутъ подъ властію князей;
Вся одѣтая въ булатъ не разъ ихъ рать
Уходила на сосѣдей нападать—
На своихъ-ли, на татаръ-ли—все равно,
Лишь бы съ княжеской дружиной заодно.
А потомъ они, вернувшись на покой,
Въ баняхъ парились нерѣдко всей семьей,
Сохи ладили, ковали, пили медъ
Да по праздникамъ водили хороводъ.
И была ихъ жизнь сурова и проста:

*) Конекъ—гребень кровли, стыка двухъ скатовъ, князекъ.
Толков. словарь Даля.

Дѣвки шили имъ рубахи изъ холста,
Бабы вѣрили въ Ярилу и въ Христа.
И спасалъ ихъ отъ внезапныхъ бѣдъ и золъ
Кругомъ города высокій частоколъ.

Но прошла пора безплодныхъ передрягъ:
Надъ удѣлами повѣялъ царскій стягъ,
Воцарилась безпощадная Москва,
Двухсотлѣтняя притихла татарва;
Народившаяся власть была съ руки —
И на вѣчахъ прикусили языки.
За царями и Москвѣ пришла пора
Испытать всю мощь Великаго Петра:
Закаленный мятежами духъ возсталъ:
Дрогнулъ Западъ и Востокъ затрепеталъ.
Городокъ мой сталъ желѣзомъ торговать,
Да дворянъ своихъ на службу высылать,
Горажане же въ обычаи свои
Не ввели еще обычай пить чаи;
Занимали ихъ кулачные бои,
Да попойки, да разбои по лѣсамъ.
Въ это время городокъ, на страхъ врагамъ,
Для комплекта императорскихъ полковъ,
Далъ не мало силачей и удальцовъ,
Чтобъ на сѣверѣ Неву себѣ пригрѣть,
Чтобъ на югѣ Чернымъ моремъ овладѣть.

Новый вѣкъ кругомъ народы взволновалъ,
На Россію набѣжалъ девятый валъ,
Прогремѣлъ онъ на поляхъ Бородина,
И Москва была взята, но не сдана,
И, не сдавшись, запылала какъ костеръ

У подножія своихъ Кремлевскихъ горъ,
Гдѣ Успенскій и Архангельскій соборъ
И Ивана золотая голова.
Не успѣла опустѣлая Москва
Догорѣть, какъ вѣтеръ съ сѣвера подулъ —
Всѣ пути запорошилъ и затянулъ:
Проклиная свой воинственный азартъ,
*Растерялъ свои подвязки**) Бонапартъ.
Въ это время нашъ уѣздный городокъ
Отъ погрома и отъ славы былъ далекъ,
И попрежнему надъ нимъ витали сны
И невѣжества, и сѣрой старины;
Лишь корысть его почуяла просторъ:
По лѣсамъ его стучать пошелъ топоръ,
Вдоль по синей обезлѣсѣвшей рѣкѣ
Затянули свою пѣсню бурлаки,
Увидали зайцы, спрятавшись въ кусты,
Самодѣльные расшивы и плоты;
Обновлялась погорѣлая Москва,
Стали нужны ей желѣзо и дрова...

II.

Поглядите, какъ на горкѣ у купцовъ
Много всякихъ огородовъ и садовъ;
Но дома ихъ на запорѣ какъ тюрьма,
Ихъ свѣтелки—это тѣ же терема.

---

*) Бонапарту не до пляски,
Растерялъ свои подвязки.
Изъ народной русской пѣсни 1812 г.

На дворѣ собаки злыя, по ночамъ
Онѣ съ лаемъ припадаютъ къ воротамъ;
На сараяхъ голубятни; отъ воротъ
И по снѣгу, и по грязи поворотъ—
Это значитъ, что хозяинъ по утрамъ
Ѣздитъ въ церковь, или въ городъ по дѣламъ.
А въ хоромахъ, даже тамъ, гдѣ есть паркетъ,
Нѣтъ ни книги, ни картины, ни газетъ:
Всѣ искусства—въ заднихъ комнатахъ, лишь тамъ
Есть лубочныя картинки по стѣнамъ,
На лежанкѣ—съ пѣтушками изразецъ,
Въ темной нишѣ—изукрашенный ларецъ,
А, гдѣ дѣти шевелятся и пищатъ,
Тамъ валяется игрушечный солдатъ.
Тѣсны спальни, но кровати широки
И горой на нихъ лежатъ пуховики,
Одѣяла—въ клѣтку стеганный атласъ,
Пологъ ситцевый, въ углу иконостасъ—
Тамъ желтѣютъ складни дѣдовъ и отцовъ,
Блещутъ ризы потемнѣвшихъ образовъ;
И лампады въ каждой горницѣ горятъ,—
Все пропитано тутъ запахомъ лампадъ,
Постнымъ масломъ и лекарственной травой,
Мятнымъ квасомъ и семейной тишиной.

Но, покуда Титы Титычи сидятъ
За прилавкомъ или дома грузно спятъ,
Отъ параднаго крыльца до чердака
Въ душегрѣйкѣ ходитъ по дому тоска,
Ждетъ куму ей погадать на короля,
Или слушаетъ завзятаго враля,
Или свахѣ тараторкѣ смотритъ въ ротъ...

И—пока неволя пѣсенку поетъ,
Ждутъ обитые желѣзомъ сундуки,
Не помрутъ-ли самодуры-старики.
Тутъ читаютъ псалтыри, да часословъ,
Да сказанья про дѣянія отцовъ,
Соблюдаютъ всѣ обряды и посты,
Отъ науки ждутъ грѣха да суеты,
Вѣрятъ лѣшимъ, домовымъ и колдунамъ,
Не дадутъ прочесть романа дочерямъ,
Ненавидятъ даже музыку,— а тамъ
Ихъ потомство, ихъ тупая молодежь
Въ Нижній-Новгородъ стремится на кутежъ,
На неслыханное пьянство и развратъ,
Чтобъ не только люди ахнули — самъ адъ,
Пораженный наготой людскихъ страстей,
На потѣху выслалъ всѣхъ своихъ чертей.

Между этими тузами, господа,
Доживалъ свои послѣдніе года
И лабазникъ и почетный гражданинъ
Левъ Никитичъ, по фамиліи Галдинъ.
Вся богатая рѣчная сторона
Не безъ зависти хвалила Галдина:
И за то, что онъ держалъ мучной лабазъ
(Гдѣ муки былъ тысячъ на десять запасъ),
И за то, что былъ породистъ и богатъ,
И на дочери раскольника женатъ,
И приказчикамъ поблажки не давалъ,
И родительскій обычай соблюдалъ:
Въ зипунѣ ходилъ, въ высокихъ сапогахъ
И крахмалить не давалъ своихъ рубахъ.

Овдовѣлъ онъ, себѣ мѣсто откупилъ
На кладбищѣ и немного захандрилъ:
Сыновей ему Богъ не далъ — прокутить
Было некому добра его — какъ быть?
Мальчикъ померъ, у него осталась дочь
Дѣвка Анна — и онъ хмурился какъ ночь:
Легче вдвое на морозѣ блинъ испечь,
Чѣмъ балованную дѣвку уберечь:
Какъ мошну ея не спрячешь подъ замокъ,
А ужъ ей никакъ пятнадцатый годокъ.

III.

Анна въ людяхъ милой дѣвочкой слыла,
Но росла и расцвѣтала, какъ дичёкъ,—
Ее грамотѣ училъ кривой дьячёкъ,
Сказки сказывала Марѳа — и была
При отцѣ она тиха и несмѣла.
Онъ казался ей сердитымъ и больнымъ,
А она ему подросточкомъ, такимъ
Чѣмъ-то бѣленькимъ и свѣженькимъ на видъ,
Что современемъ любому угодитъ.
Вотъ онъ думалъ: скоро дѣвка подростетъ,
Сваха парня подходящаго найдетъ,
Коли будетъ намъ по нраву, по рукамъ —
А не будетъ — уходи ко всѣмъ чертямъ!
Я, примѣрно, нѣшто дочь свою отдамъ
За приказнаго, который носитъ фракъ,
Пишетъ ябеды и нюхаетъ табакъ?
Ну, пока еще Анютка не совсѣмъ
Округлилась, выдавать ее зачѣмъ?

Пусть покуда поливáетъ огородъ
Да капусту рубитъ съ дѣвками,— заботъ
Тутъ не мало — самому еще нужна
По хозяйству-то... А ну, коли она
Запроказитъ, шуры-муры заведетъ!
Не узнаешь — кругомъ пальца обведетъ.

Очевидно, подозрительный старикъ
Вѣрить женскому отродью не привыкъ.
Думалъ, думалъ и придумалъ невзначай:
У меня старухи-сестры живы, чай.
Гдѣ болтаются — не знаю. Говорятъ
То и дѣло у игуменьи торчатъ.
Для чего имъ у игуменьи торчать?—
У меня въ дому такая-жъ благодать:
Образа, горятъ лампадки, тишина...
Благолѣпіе... Покойница жена
Не любила ихъ — шпіонками звала —
Ишь, какую кличку баба прибрала!
Тѣ не поняли и встали на дыбы;
Но не вынесли же сора изъ избы:
Не пошли о насъ судачить...
И старикъ
Пишетъ грамоту (писать онъ не привыкъ),
Вызываетъ незамужнихъ двухъ сестеръ,
Дочку Анну отдаетъ имъ подъ надзоръ;
«Я-де старъ, а дочь невѣста — нуженъ глазъ,
Я же, грѣшный, то въ контору, то въ лабазъ».
Вотъ пріѣхали сестрицы, и Галдинъ
Имъ отводитъ невысокій мезонинъ:
Тамъ у Анны есть свѣтелка съ потолкомъ
Изъ дубовыхъ темныхъ брусьевъ; за окномъ

Виденъ садикъ; занавѣшена кровать;
Нѣтъ дивана, креселъ тоже не видать,
Только зеркальце, да съ шашечной доской
Старый столикъ, да подушка съ начатой
Тонкой медленной работой кружевной,
Гдѣ булавочныхъ головокъ сотни двѣ
Расположено узоромъ по канвѣ;
Стулъ и — только; но не мало образовъ,
Золоченыхъ густо-на-густо вѣнцовъ,
Яркихъ яхонтовъ и крупныхъ жемчуговъ,
Озаряемыхъ лампадкой въ уголкѣ,
Тамъ, гдѣ ночью свѣтлый кругъ на потолкѣ.
И немалое количество безъ рамъ
Тамъ примазано къ потресканнымъ стѣнамъ
Тѣхъ картинокъ, что офени за гроши
Продаютъ намъ въ назиданіе души.
Красной, желтой и зеленой, иногда
Синей краской безъ особаго труда
Ихъ мазнули и, глядите, господа,
Какъ изъ этихъ пестрыхъ пятенъ, что ползутъ
Во всѣ стороны, выходитъ «Страшный судъ»,
И выводятся народу на показъ
Тѣ застѣнки, гдѣ въ аду поджарятъ насъ.
Вотъ — «Антихристъ», вотъ вамъ «Блудная жена»,
Вотъ — «Кутузовъ у лафета и война
Съ казаками на игрушечныхъ коняхъ»;
Вотъ «Аѳонъ» — стоятъ престолы на горахъ,
Вотъ и мыши наши тащутъ на саняхъ
Хоронить кота-мурлыку и идутъ
Всѣ попарно и, хвосты задравъ, несутъ
Кто кутью, а кто и скляницу съ виномъ;
Вотъ—какая-то «Фортуна съ колесомъ»,

Вотъ—«*Колдунъ, который можетъ изъ сѣдыхъ,*
Дряхлыхъ барынь дѣлать барынь молодыхъ».
Но верхъ творчества народныхъ мастеровъ
Поглядите—возлѣ самыхъ образовъ
Есть гравюра: тутъ художникъ начерталъ
Чистой дѣвы душу—высшій идеалъ
Цѣломудрія—въ ногахъ у ней луна,
На челѣ ея корона; вся она
Съ головы до ногъ въ висонъ облечена,
Цѣпь желѣзная въ рукѣ, и желтый левъ
На цѣпи сидитъ, раскрывъ свой алчный зѣвъ,
А изъ устъ ея вверхъ лента и на ней
Возгласъ: Господи, спаси мя отъ сѣтей!

Значитъ, было что и Аннѣ созерцать,
Созерцая, сокрушаться и мечтать.
Эти старыя картинки безъ затѣй
Были школою для Анны съ раннихъ дней;
Эти надписи, что съ дѣтства разбирать
Ей пришлось и навсегда запоминать,
Говорили съ ея сердцемъ и умомъ,
Наполняли душу вѣрой и огнемъ:
Она вѣрила, что скоро страшный судъ,
Что Антихристъ недалеко, что придутъ
Съ нимъ и аггелы его, чтобъ налагать
На невѣрующихъ адскую печать.
И боялась, когда громъ мѣшалъ ей спать,
И крестилась всякій разъ, какъ бѣлый блескъ
На мгновенье озарялъ ея кровать
Иль гудѣлъ вдали разсыпавшійся трескъ.
Развѣ няня ей могла растолковать,
Что такое эта молнія и громъ?

Вотъ она на край подушки локоткомъ
Оперлась и на святые образа
Возвела свои пугливые глаза.
Громъ гремитъ, а вдохновенная слеза
Отягчаетъ ей рѣсницы и сильнѣй
Сердце бьется за себя и за людей.
Затаенный міръ души ея во всей
Красотѣ ея наивной, цѣликомъ,
Опирается на то, что дали ей
Эти стѣны, эта ночь и этотъ громъ...

IV.

Анна въ домѣ старыхъ тетокъ приняла
Какъ хозяйка, въ мезонинъ ихъ отвела,
Напоила чаемъ съ медомъ, принесла
Имъ варенья. Тетки чаю напились,
Разложили узелки свои, прошлись
По хоромамъ, отдохнули, за окномъ
Покормили голубей и вечеркомъ
Сѣли ужинать, и братецъ съ ними сѣлъ,
Выпилъ, крякнулъ и какъ бы повеселѣлъ.
Балагуритъ. Но сестра, что за столомъ
Сѣла рядомъ съ нимъ, съ наморщившимся лбомъ,
Говоритъ, что за трапезой возсѣдать
Надо молча, чтобъ бѣсамъ не потакать,
А не то они на столъ начнутъ скакать,
Станутъ гадить, а не то поднимутъ плясъ,
Коли какъ нибудь соврешь въ недобрый часъ,
Или выронишь нескромное словцо.
У хозяина нахмурилось лицо;

Но, повѣрилъ-ли онъ сестринымъ словамъ
Или думалъ, что онъ это знаетъ самъ —
Неизвѣстно, ничего онъ не сказалъ.

Ясный вечеръ за рѣкою потухалъ,
Въ домъ прокрадывались тѣни; принесла
Дѣвка свѣчи, и, крестясь, изъ-за стола
Всталъ Никитичъ и ушелъ на опочивъ;
Его дочка, двѣ лампадки засвѣтивъ,
Приказала Дунькѣ ставни запирать;
Ея тетки, помолившись, почивать
Улеглись въ свои перины; за стѣной
Смежной комнаты, вчера еще пустой,
Слышны шорохи.
Лежатъ, — не спятъ
Двѣ старухи, начинаютъ разсуждать,
Какъ бы въ руки имъ племянницу прибрать,
Чтобъ при нихъ она съ распущенной косой
Не ходила, какъ русалка, чтобъ собой
Не была она, какъ пава, занята,
Чтобъ и въ помыслахъ своихъ была чиста,
Чтобъ отмаливала материнскій грѣхъ: —
Та-де мужа возлюбила паче всѣхъ,
Паче Бога, паче всѣхъ святыхъ Его,
И губила свою душу — изъ чего!?
По какой такой причинѣ? Фу ты на!
Да и братъ грѣшилъ — была ему жена
Паче Бога, паче ангеловъ Его,
И подумать даже срамно, — изъ чего!..
Но потомъ онѣ мирились со своимъ
Милымъ братцемъ — оказалъ онъ милость имъ:
Далъ уютъ имъ, обезпечилъ ихъ покой.

На другое утро рано со свѣчей
Они встали, къ Аннѣ въ горницу вошли,
Разбудили и къ заутрени пошли.
Слышенъ благовѣстъ у Спаса на юру.
Разсвѣтаетъ—Анна дрогнетъ на вѣтру,
И, впервые, на порогѣ въ Божій храмъ
Говорятъ ей: не зѣвай по сторонамъ!

V.

Дни бѣгутъ, и вотъ Галдинъ совсѣмъ ужъ сѣдъ,
Скоро Аннѣ девятнадцать будетъ лѣтъ:
Тетки все еще при ней, не отстаютъ,
Наставляютъ, поучаютъ, берегутъ.
Ей велятъ читать акаѳисты, пока
Онѣ штопаютъ прорѣхи у носка
Или ткутъ на монастырь тѣ пояски,
За которые имъ платятъ пятаки.
Выше стала грудь у Анны, голосокъ
Сталъ пѣвучѣе, лазурный огонекъ
Свѣтлыхъ глазъ ея въ расширенныхъ зрачкахъ
Сталъ темнѣе, особливо при свѣчахъ,
Когда сумракъ, шевелясь по всѣмъ угламъ,
И пугаетъ насъ и нравится мечтамъ.

Какъ во время похоронъ честной народъ,
Не спѣша, за колесницею идетъ,—
Такъ для Анны проходилъ за годомъ годъ;
Какъ рѣка, что омываетъ городокъ,
Далеко течетъ отъ моря, такъ далекъ
Отъ нея былъ шумъ и свѣтъ, гдѣ мы живемъ,

И цѣлуемся, и плачемъ, и несемъ
На плечахъ своихъ тяжелые кресты
Страсти, горя, зла и нервной суеты.
Ея горенку, какъ теремъ при царяхъ,
Посѣщали: дальней пустыни монахъ,
Мать игуменья, два нищихъ, да слѣпой
Приходилъ къ ней за свинцовою водой,
Отъ которой проходила краснота
Гнойныхъ глазъ, коли не вовсе слѣпота;
Да еще ходилъ какой-то мужичекъ
За бальзамомъ отъ потрескавшихся ногъ;
Самъ отецъ ея ни разу не зашелъ:
Онъ страдалъ уже одышкой, избѣгалъ
Темныхъ лѣстницъ и брюжжалъ
Всякій разъ, когда садился съ ней за столъ.
Ея тетки: — былъ какой-то недосолъ
Въ организмѣ ихъ — прѣсна была ихъ кровь:
Имъ претила даже брачная любовь...
Были слухи, что онѣ во цвѣтѣ лѣтъ,
Чтобъ придать ихъ грубымъ лицамъ нѣжный цвѣтъ,
Извели румянъ не мало и бѣлилъ,
И рядились; но никто имъ не былъ милъ
И никто ихъ даже въ шутку не любилъ.
Онѣ были и судьбой обойдены,
И какъ бы самой природой лишены
Того женскаго, особаго чутья,
Безъ котораго немыслима семья.
Тайно тлѣющій страстей угарный чадъ
Рисовалъ имъ только ужасы и адъ.

Онѣ искренно вздыхали, говоря,
Что невѣстамъ лишь Небеснаго Царя

Будутъ райскія врата растворены!
Остальныя будутъ рая лишены,
Потому что ихъ поялъ земной женихъ
Для нечистыхъ, подлыхъ радостей земныхъ.
И не странно-ли, что этотъ идеалъ,
Чистый, дѣвственный, нисколько не мѣшалъ
Имъ судачить, враждовать между собой
Изъ-за тряпки, изъ-за каждаго куска.—
Такъ святая ихъ душа была мелка.
Мелкихъ душъ такихъ не мало на Руси,
И затрогивать ихъ — Боже упаси!
Не любила ихъ и Анна; но она
Имъ внимала, имъ была подчинена.
Та же въ ней была закваска, тотъ же взглядъ,
То же небо, тотъ же рай и тотъ же адъ.
Анна искренно увѣрена была,
Что всю душу она Богу отдала:
Анна строго соблюдала всѣ посты,
Откликалась на призывы нищеты,
Раздавала свои деньги, плодъ труда,
(Кружева ея цѣнили господа),
Не мечтала о замужствѣ; безъ стыда
Не могла подумать даже, что, любя
Выйдя замужъ, надо всю отдать себя,
По закону, ласкамъ мужа,— никогда!..
Нѣтъ, ужъ лучше въ монастырь куда нибудь,
Куда похоти не смѣютъ заглянуть.
Отчего же часто снилась ей любовь,
Какъ волну въ приливъ, ей грудь вздымала кровь,
И фантазія, сестра земныхъ страстей,
Не давала иногда покоя ей.
Разъ, ну точно на яву, а не во снѣ,

При лампадномъ тускломъ свѣтѣ, при лунѣ,
Что бросала серебро свое на дворъ,
На сады, и къ ней въ свѣтелку на коверъ,
Въ ночь іюньскую, когда вдали урчатъ
Соловьи и розы льютъ свой ароматъ,
На своей постели душной, въ тишинѣ,
Прислонясь ужь не къ подушкѣ, а къ стѣнѣ,
Она чуетъ, будто кто-то къ ней вошелъ,
Заглянулъ и складки полога отвелъ.
Смотритъ Анна — видитъ юноша, на немъ
Край одежды отливаетъ серебромъ,
Его кудри обвиваетъ золотой
Тонкій обручъ; непостижной красотой
Дышетъ томное, холодное лицо,—
Надѣваетъ онъ ей на руку кольцо,
Говоритъ ей: Анна, Анна, ты моя!
Развѣ можетъ быть красавица ничья?!
Нѣги, трепета и ужаса полна,
Съ торопливою стыдливостью она
И на плечи, и на дѣвственную грудь
Натянула покрывало, — отвернуть
Свою голову хотѣла, чтобъ зарыть
Въ пухъ подушекъ воспаленное лицо;
Но ей палецъ жжетъ волшебное кольцо,—
Но устами онъ прильнулъ къ ея устамъ...
Она силится, порывисто дыша,
Оттолкнуть его, но тѣло и душа —
Все въ ней замерло въ блаженномъ забытьи.
Разметавши руки голыя свои,
Она вскрикнула... очнулась — онъ исчезъ...
Былъ-ли это Божій ангелъ или бѣсъ?
Ничего она, проснувшись, не могла

Ни понять, ни объяснить себѣ; была
Такъ мучительно взволнована, что сонъ
Не пришелъ къ ней и тогда, когда ужъ звонъ
По церквамъ ей возвѣстилъ восходъ зари.
Слышитъ Анна, тетка кличетъ: отопри!
Отодвинулась задвижка,— та вошла:
— Для чего ты въ садъ окошко подняла?
И чего стонала? Что это съ тобой?
Не больна-ли? не душилъ-ли домовой?

— Я сама не знаю, тетя, что со мной?
Отвѣчала Анна, трепетной рукой
Прикрывая свою шею.— Страшный сонъ
Мнѣ привидѣлся... въ ушахъ былъ шумъ и звонъ,
Сердце маялось... Ахъ, тетя!..
Съ нами Богъ!
Съ нами сила Его крестная! Охъ, охъ!
Такъ заохала старуха, головой
Покачала, почесалась и ушла.
Анна стала на колѣна.
— Боже мой!
На яву или во снѣ — но я грѣшна!..
И не чуя, какъ ей вѣетъ изъ окна
Раннимъ утромъ, видитъ съ ужасомъ она,
Какъ погасъ въ ея лампадкѣ огонекъ,
Сѣрой струйкой извивая свой дымокъ.
— Это онъ мою лампаду погасилъ —
Ангелъ плачетъ и лицо отворотилъ!..
И челомъ своимъ лилейнымъ Анна ницъ
Преклонилася до самыхъ половицъ;
Подметая пыль ихъ русою косой,
Она плакала,—то билась головой

То казалась неподвижной. —
Господа!
Душу той, что можетъ поводъ намъ подать
Къ безсердечному глумленью — разсказать
Трудъ не малый, — въ этомъ вся моя бѣда...
Но къ заутрени зовутъ ее. Вода
Освѣжила ей горячее лицо,
И, одѣвшись, она вышла на крыльцо.
Черезъ три часа, изъ церкви воротясь,
Анна молча за хозяйство принялась.

VI.

Вотъ сидитъ старикъ за чайнымъ за столомъ,
Въ красной ситцевой рубахѣ, ремешкомъ
Подпоясанный, и самъ ямайскій ромъ
Подливаетъ въ чай китайскій; онъ въ поту;
Ему жарко, — духота не въ моготу.
Ужъ давно ему пора бы и уйти.
— (Не уходитъ что-то... Господи прости! —)
У него растегнутъ воротъ и видна
Шея красная; отмахивая мухъ
Онъ зѣваетъ. Изъ открытаго окна
Виденъ садикъ; тамъ въ тѣни летаетъ пухъ
Одуванчика, — тамъ въ утреннемъ пару
Пахнутъ розаны, — тамъ слышно, какъ пѣтухъ
Голоситъ, а тутъ старухи просфору
Доѣдаютъ, а старикъ своей лѣвшой
Гладитъ бороду сѣдую, да глядитъ,
Словно дѣвичьей любуясь красотой,
Какъ потупилась, съ прозрачной синевой

Подъ глазами, его Анна, какъ сидитъ,
Пригорюнясь—не спѣша допить свой чай.

— Слушай, дѣвка, вдругъ онъ началъ,—и вникай,
И вникай въ слова мои, и говори
Мнѣ «спасибо», и такъ глупо не смотри
На меня, какъ ты теперича глядишь.
Ты тихоня, ты воды не замутишь;—
Ну да тихонькимъ-то, мало вѣрю я,
Въ тихомъ омутѣ-то, милая моя,
Черти водятся;—чай въ дѣвкахъ-то сидѣть
Надоѣло. Чѣмъ на тетенекъ глазѣть
То-ли дѣло замужъ—мужа ублажать,
А Богъ дастъ, и малыхъ дѣтокъ пеленать.
Что-жъ! я долгу своего не позабылъ—
Я хорошее приданое сулилъ...
И попался мнѣ гусь важный; есть заводъ,—
Капиталы есть—по божески живетъ,—
По старинному—не нюхаетъ, не пьетъ
(Пьетъ, конечно, да не больше моего),
Именитый человѣкъ и доброты
Преотмѣнной, знаютъ всѣ его, и ты
Не глухая, чай, слыхала про него—
Савва Саввича, что старостою былъ
У Воздвиженья. Жену похоронилъ.
Девять лѣтъ никакъ вдовѣетъ,—поженилъ
Сына старшаго,—тепереча и самъ
Хочетъ въ бракъ вступить. Конечно, по лѣтамъ,
Онъ не пара... ну да что тутъ толковать!
Никому своей судьбы не миновать,—
Старъ-ли, молодъ-ли, а только, Боже мой!
Спитъ и бредитъ... «И къ медали золотой

Я за колоколъ представленъ», говоритъ...
«Ну да колоколъ меня не разоритъ —
Я сто тысячъ запишу ей», говоритъ.
Самъ вина мнѣ подливаетъ, самъ твердитъ:
«Ничего не пожалѣю», говоритъ,
«И приданаго не надо».—Что ты врешь—
Говорю ему: что дамъ, то и возьмешь.
Я не нищій, слава Богу! есть что дать.
Дочь послушна, не капризна—уломать
Ее можно. Можешь сваху присылать.
Что ты скажешь, Анна?
Анна ничего
Не сказала,—что она могла сказать?—
Только въ страхѣ поглядѣла на него.
За нее вступились тетки; но Галдинъ
Разозлился, зарычалъ, что онъ одинъ
Своей дочери отецъ и властелинъ...

Дочь должна повиноваться: каждый зналъ
Это съ дѣтства, и никто не возставалъ
Противъ стараго обычая; но духъ
Поселившихся у братца двухъ старухъ,
Аскетическій,—былъ такъ властолюбивъ,
Такъ упрямо-фанатиченъ и брезгливъ,
Что онѣ, какъ бы объѣвшись бѣлены,
Взбунтовались даже противъ старины.
. . . . . Какъ! у Бога отнимать
Нашу Анну!.. въ чужи руки отдавать!
Ахъ, негодникъ онъ треклятый! Нѣтъ-же, нѣтъ!
Ужъ скорѣе подъ началъ, да подъ запретъ,—
Въ монастырь ее запрятать.
Тотъ же духъ

Говорилъ и въ сердцѣ Анны—только вслухъ,
При родителѣ.
Отецъ не ждалъ
Супротивства. Онъ кричалъ и проклиналъ,
Даже билъ ее. Она перенесла
Брань, побои, но себя не продала,
И когда женихъ пріѣхалъ и внесли
Въ домъ подарки, Анны дома не нашли.

Тетки ахали, прислуга сбилась съ ногъ,
Заглянули и въ сарай, гдѣ былъ катокъ,
И въ чуланъ, и даже въ баню на полокъ,
Забѣжали въ огороды, всѣхъ собакъ
Взбудоражили, и что-жъ?—нигдѣ, никакъ
Не могли найти невѣсты.
Долго ждалъ
Бывшій староста церковный и женихъ,
Чѣмъ закончится неслыханный скандалъ.
«Это значитъ—прокатить на вороныхъ?»—
Онъ подумалъ, вдругъ надулся, покраснѣлъ,
Молча̀ всѣмъ поклонъ отвѣсилъ, въ бричку сѣлъ
И уѣхалъ.
Много было бы расправъ
Въ силу попранныхъ отцовскихъ древнихъ правъ,
Слѣдъ бѣглянки на другой бы день нашли,
Ее съ пѣснями на жертву-бъ принесли
Золоченому кумиру—расплели-бъ
Ея косу свѣтло-русую, ужомъ
Заплетенную по дѣвичьи,—потомъ,
Послѣ бани съ угощеньемъ, обвели-бъ
Вкругъ налоя непослушливую дочь;—
Но задержанная лѣтнимъ солнцемъ ночь

Не успѣла свои тѣни проволочь
По дворамъ и закоулкамъ городка,
Не успѣли ея тѣни съ чердака
Яснымъ звѣздочкамъ на небѣ кликнуть кличь,
Не успѣли даже гости Галдина
Разойтись и не успѣлъ стаканъ вина
Выпить съ горя самъ хозяинъ—параличъ
Половину его тѣла охватилъ:—
Полилось вино, упалъ онъ, отломилъ
Ручку креселъ и уже не говорилъ
Когда подняли его, а лопоталъ.
Черезъ сутки дочь вернулась, и узналъ
Городокъ, до слуховъ жадный, что она
Мать—игуменьей была привезена
Къ старымъ теткамъ и съ рукъ на руки сдана,
И что въ кельѣ провела она всю ночь.
Какъ на изверга взглянулъ отецъ на дочь;
Но не могъ уже ее ни проклинать,
Ни позорить, ни руки своей поднять.
На постели, причастившись, цѣлый годъ
Пролежалъ онъ. Продолжительный уходъ
И заботы бѣдной Анны, можетъ быть,
Подсказали его сердцу—все простить.
Но простилъ-ли онъ ее, хоть ради слезъ?
Эту тайну онъ во гробъ съ собой унесъ.

VII.

Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ (давно
Это было) я не помню,—можетъ быть
Лѣтъ пятнадцать;—но не все-ли вамъ равно...

Дѣло въ томъ, что (я боюсь васъ огорчить)...
Наши тетки приказали долго жить.
Анна Львовна имена ихъ занесла
Въ поминанье и—старалась позабыть.
Ихъ на масляной холера унесла
Во свояси, послѣ маслянныхъ блиновъ.
Анна видѣла кончину ихъ, тотъ страхъ,
Что мелькалъ въ ихъ потухающихъ глазахъ,
Она слышала въ бреду несвязныхъ словъ
Бормотанье: Анна... выгони бѣсовъ!!
Какъ всю жизнь онѣ боялись за себя,
Никого на этомъ свѣтѣ не любя,
И всю мудрость Божью видѣли въ бѣсахъ,
Такъ и въ смертный часъ, въ мучительной борьбѣ,
Онѣ думали лишь только о себѣ
И боялись только ада... Поняла-ль
Это Анна?
Ей чего-то было жаль,
И, признаться, недолга была печаль.
Красотѣ своей на вѣкъ сказавъ: прости!
Анна Львовна не хотѣла завести
Себѣ мужа.—Знала нравы той среды,
Что оставила на ней свои слѣды;
Въ деньги вѣрила,—не вѣрила въ мужей,
И боялась ихъ назойливыхъ цѣпей.
Она дѣтски отдалась своей судьбѣ
И о счастіи не думала. Въ борьбѣ
Съ наглымъ бѣсомъ, что подчасъ являлся ей,
Въ тишинѣ и мглѣ томительныхъ ночей,
Въ видѣ юноши и—сонную будилъ
И какую-то ей тайну говорилъ,—
Она вся изнемогала... и не разъ

Просыпàлась... но ни разу не погасъ
Огонекъ въ ея лампадкѣ,—онъ свѣтилъ
Ей попрежнему; а попъ ей толковалъ
На духу, что это все бунтуетъ кровь—
Просто сонное мечтанье,—наставлялъ,
Какъ вести себя, потомъ благословлялъ.

Можетъ быть, она читала про любовь
У Загоскина въ романахъ (счетомъ пять-
Шесть романовъ удалось ей прочитать),
Но, мечтая, не вздыхала ни по комъ,—
Ея сердце было словно подъ замкомъ.
Да и не было досуга ей вздыхать:
Оставался при лабазѣ цѣлый домъ
На рукахъ у ней;—она его въ наемъ
Отдала—
И вотъ уже крещеный міръ
Въ нижнихъ комнатахъ у ней завелъ трактиръ;
И такое чаепитіе пошло,
Что трактирщику замѣтно повезло,
И такой тамъ Ерофеичъ былъ тогда,
И такіе растегаи, что туда
Забирались не одни лишь бурлаки,
Не одни съ большой дороги ямщики,
Иль гуляки въ картузахъ и всѣ въ пуху,
Но и франты, на всѣ руки молодцы,
И подрядчики, солидные дѣльцы.
Анна часто затыкала наверху
Свои уши, чтобъ не слышать какъ шумятъ
Голоса внизу, какъ двери тамъ стучатъ,
Какъ тамъ пѣсню вдругъ затянетъ кто-нибудь...
Только за полночь забыться и заснуть

Удавалось ей.
Внизу кромѣшный адъ
Ей мерещился, а тутъ — огни лампадъ,
И иконы золоченыя въ вѣнцахъ,
Въ алыхъ яхотнахъ и крупныхъ жемчугахъ,
Пахнетъ ладаномъ и вѣетъ тишиной.
Ей въ своемъ раю хотѣлось быть одной;
Но дѣла, дѣла!.. и поневолѣ ей
Приходилось у себя встрѣчать гостей
И выслушивать совѣты ихъ.
Скромна,
Сердобольна, Божьей церкви предана,
Она въ гнѣвѣ только вспыльчива была,
И въ народѣ недотрогою слыла.
Всѣ мы рады, хоть немножко осмѣять
То, что намъ не удается замарать:
И купеческія дочки въ городкѣ
Ее прозвали: невинностью въ мѣшкѣ.

Въ Рождество, и въ Новый годъ, и на Святой,
И въ другіе дни, попы святой водой
Окропляли ей свѣтелку, «Страшный судъ»
На картинкѣ и ея обычный трудъ —
Кружевной станокъ и пяльцы...
Становой,
Городничій, членъ уѣзднаго суда,
Даже франтъ одинъ уѣздный съ хохолкомъ,
Всѣми прозванный всесвѣтнымъ женишкомъ,
Къ ней по лѣсенкѣ взбирались иногда —
Выпить водки, — поболтать за пирогомъ:
Говорлива не была она, смѣшить
Не умѣла, но умѣла угостить.

Отъ нея себѣ подачки на вино
Ждали будочники, дворники, рыбакъ,
Трубочисты и какой-то старый дьякъ,
Что волосъ не стригъ, а лѣтомъ, ей въ окно
Глядя съ поднятой шаршавой головой,
Голосилъ ей: «Со святыми упокой»...
Но вѣдь это ужь давно заведено,
Что по праздникамъ мы всѣ подачки ждемъ,
Хоть и важными, и гордыми слывемъ.

Аккуратна, но не очень смышлена,
Не злопамятна, довѣрчива, честна,
Анна всѣмъ была угодна;—но за то
И ума у ней не требовалъ никто.
Вдругъ созвѣздія надъ темной головой
Бѣдной Анны такъ сложились, что бѣда
Налетѣла на нее, какъ вихорь въ зной.
Что такое? Не пришла ли череда
Ей споткнуться (что бываетъ иногда)?..
Дайте съ духомъ мнѣ собраться, господа!..

VIII.

Воцарился Николай.—Изъ края въ край
Всѣмъ послышалось: не спи и не зѣвай!
Городку же моему хотѣлось спать...
Но онъ могъ свою судьбу благословлять:
Ни въ двадцатыхъ, ни въ тридцатыхъ онъ годахъ
Не замѣшанъ былъ въ безпутныхъ мятежахъ;
Что такое декабристы!..—не слыхалъ,
А узналъ про нихъ—руками замахалъ—

— Ну ихъ къ бѣсу!.. И тридцатые года
Для него прошли не даромъ, господа;
Пять-шесть домиковъ кирпичныхъ, магазинъ
Дамскихъ модъ, четыре будки, мостъ одинъ
Черезъ лужу, три скворешни и балконъ
На углу Казанской улицы — вотъ онъ
Что воздвигъ и чѣмъ гордился.
Ревизоръ,
Сюда посланный, орлиный бросивъ взоръ
На уѣздный судъ, управу и острогъ,
Ничего найти серьезнаго не могъ.
Знаменитый Дмухановскій мирно жилъ
У себя въ своей деревнѣ и тужилъ
О блаженствѣ тѣхъ годовъ, часовъ, минутъ,
За которые онъ отданъ былъ подъ судъ.
Ну, а новый городничій говорилъ,
Что не даромъ онъ отечеству служилъ,
Нюхалъ порохъ и читалъ Карамзина,
Понимаетъ, что съ подобнымъ городкомъ
Ничего нельзя подѣлать кулакомъ;
Безурядица давно заведена,
И что, стало быть, порядки заводить
Все равно, что обывателей мутить;
Что предшественникъ его и полетѣлъ
Оттого, что слишкомъ многаго хотѣлъ;
Что на плутни, на торговые вѣсы,
На неряшество, и даже на усы
Писарей, сквозь пальцы смотритъ онъ;
Но спокойствіе, въ особенности сонъ
Горожанъ и горожанокъ онъ блюдетъ;
Шатуновъ ночныхъ въ полицію беретъ,
И, хотя бы чортъ аптекаря надулъ,

Если вздумаетъ кто крикнуть «караулъ!»
Тотъ не жди себѣ пощады — отдеретъ.
Не дозволитъ онъ и шлюхѣ, будь она
Вся въ шелку или вся въ пухъ разряжена,
Въ городскомъ саду компанію водить —
Нѣтъ! ужъ больше не намѣренъ онъ шутить!
Ну, а если заведется кумовство,
То да сё — или пустое колдовство,
Отъ котораго ни пользы, ни вреда,
То — какая же отъ этого бѣда!

На какое колдовство онъ намекалъ,
Разумѣется, не всякій понималъ,
Но — хотите-ли разгадки, господа?..
А! Хотите?! Такъ пожалуйте сюда.
Вотъ, за булочной съ висячимъ калачомъ
Вмѣсто вывѣски, за узенькимъ дворомъ
Вы, идя за мной вдвоемъ или втроемъ,
Непремѣнно натолкнетесь животомъ
На калитку. — За калиткой — огородъ,
И тамъ много всякой всячины ростетъ:
И подсолнечники тамъ, и резеда,
И морковь, и лукъ, и хрѣнъ, и лебеда;
И тропинка прямо къ домику ведетъ,
Гдѣ Мартынъ Мартынычъ Ижигинъ живетъ;—

Домикъ старенькій, на кровлѣ сѣрый тёсъ,
У крылечка пара жиденькихъ березъ,
Дверь, обитая рогожей, изнутри
Запирается засовомъ до зари.
Къ этой двери и проходу нѣтъ зимой,
Когда снѣгъ лежитъ глубокой пеленой

Отъ крылечка вплоть до самаго двора;
Но и въ зиму — въ алыхъ сумеркахъ утра,
Точно такъ же, какъ и лѣтомъ, вѣтерокъ
Надъ трубой его вертитъ сѣдой дымокъ.

Старый Ижигинъ прислуги не держалъ,
Самъ у ставней утромъ болты отмыкалъ,
Самъ дрова кололъ и печь свою топилъ,
Самъ варилъ себѣ похлебку,—словомъ, жилъ
Какъ отшельникъ; но, когда за нимъ коньковъ
Присылали изъ окрестныхъ хуторковъ,
Онъ садился,—и коньки его везли,
Зарываясь въ вечерѣющей дали.
Были слухи: могъ онъ зубъ заговорить,
Кровь унять или кликушу исцѣлить,
Злыхъ собакъ вилять хвостами заставлялъ,
Были слухи, что какой-то либералъ
И помѣщикъ его выжигой назвалъ,
И за это онъ его приколдовалъ
Къ поломойкѣ, лично высѣченной имъ,
Чтобъ раба его натѣшилась надъ нимъ.

Но навѣрное никто не могъ сказать:
Кто онъ, что онъ — мѣщанинъ или купецъ,
И откуда появился, наконецъ?
Подозрительность напуганныхъ властей,
Что стоитъ какъ бы на стражѣ нашихъ дней,
Въ оны дни не безпокоила людей:
Безъ свидѣтельства могъ всякій Хлестаковъ
Побывать въ любомъ изъ русскихъ городковъ...
И Мартынъ благополучно проживалъ,
Потому что нашъ уѣздный персоналъ

Полицейскій и не слыхивалъ о томъ,
Что возможно быть общественнымъ врагомъ,
Не воруя и не грабя никого,
Да и кто-бъ могъ ждать ущерба отъ того,
Кто нерѣдко самъ въ полицію ходилъ,
Про кого самъ городничій говорилъ,
Что ему Мартынъ Мартынычъ удружилъ:
Погадалъ ему и сразу отгадалъ,
Кто съ наливкою бутыль его укралъ
Съ подоконника:—немедленно пошли
И бутыль его у сторожа нашли.

Старый Ижигинъ былъ рѣдкій экземпляръ
Человѣка, наводящаго угаръ;
Онъ былъ грамотенъ, зѣло замысловатъ,
Любопытенъ и — въ уѣздѣ нарасхватъ.

Черезъ булочницу часто вечеркомъ
Вызывали его въ булочну тайкомъ:
Тамъ особенная горенка была,
Въ этой горенкѣ не разъ его ждала
То подъ капоромъ сѣдая голова,
То головка въ шелковистыхъ завиткахъ,
Молодая, съ робкой вѣрою въ глазахъ.
Но Мартынычъ выходить къ нимъ не спѣшилъ:
Онъ и стряпчаго жену заставилъ ждать —
Онъ умѣлъ къ себѣ почтеніе внушать...
Разумѣется, онъ карты приносилъ
И гадалъ имъ,—кому милаго сулилъ,
Кому свадьбу—обручальное кольцо,
Кому просто изъ деревни письмецо,
А иной кой-что такое открывалъ,

Чего въ городѣ никто еще не зналъ. —
Бились барынь суевѣрныя сердца,
На иныхъ такъ просто не было лица,
И, цѣлковый покидая на столѣ,
Уходили онѣ съ думой на челѣ.
Что мудренаго! Отцы ихъ и мужья,
Старики и недоучки сыновья
Пассовали, и сдавали, и мѣлокъ
Въ ходъ пускали — словомъ, каждый былъ игрокъ.
Лишь игра была источникомъ ихъ ссоръ,
Заводила между ними разговоръ,
Занимала ихъ умы и безъ конца
Наполняла ихъ досуги и сердца.
Такъ не разъ они, проигрывая сонъ,
Утромъ шли дремать на службѣ; а для женъ —
Что такое былъ Вольтеръ или Руссо?
Кантъ иль Байронъ? Гете или Шамиссо?
Всѣ поэты, всѣ мыслители?..

одинъ

Всѣхъ ихъ стоилъ удивительный Мартынъ;
Онъ одинъ былъ имъ по мѣркѣ, — шевелилъ
Ихъ мозгами, страхъ внушалъ имъ и дивилъ.
Какъ предметъ ихъ праздныхъ мыслей и рѣчей,
Былъ онъ вдвое интереснѣе мужей,
Кухни, тряпокъ, а, быть можетъ, и ребятъ
Надоѣдливыхъ, пока не заболятъ.

IX.

И межъ ними слухъ прошелъ на Ѳоминой,
Что Мартынъ Мартынычъ знахарь не простой
(Слухъ, надѣлавшій большую кутерьму)—
Слухъ, что будто бы въ субботу, на Святой
(Люди видѣли), пріѣхала къ нему
Барыня одна—старуха, изъ старухъ
Старушенція, разряженная въ пухъ,
Сѣдовласая, съ морщинистымъ лицомъ,
Осторожно проплелась къ нему дворомъ,
И (всѣ слышали), часокъ побывши съ нимъ,
За ворота вышла дамочкой, съ такимъ
Милымъ личикомъ, что весь честной народъ,
Тотъ, что яица каталъ вблизи воротъ,
Увидавъ ее, разинулъ только ротъ.
По откинутымъ ступенькамъ, мотылькомъ
Она сѣла въ экипажъ и вѣткомъ
Освѣжаемая, свѣжая какъ май,
Оглянулась, крикнувъ кучеру: ступай!

Кто такая? — неизвѣстно — слѣдъ простылъ.
И объ этомъ цѣлый городъ говорилъ.
Разумѣется, исправникъ возражалъ,
Разумѣется, повытчикъ хохоталъ,
Городничій же задумался, хотя
И не вѣрилось ему, но не шутя
Онъ дознаніе велѣлъ произвести,
Чтобъ объ этомъ по начальству донести.

И къ Мартыну въ домикъ, топая, вошелъ
Держи-Морда; у Мартына онъ нашелъ

Безпорядокъ: книги старыя, котелъ,
Кошку, медъ въ горшкѣ, солонку и крахмалъ;
Но ему Мартынъ Мартыничъ объяснилъ,
Что въ котлѣ онъ только щелокъ и варилъ,
Такъ какъ самъ подчасъ бѣлье свое стиралъ,
И при этомъ на корыто указалъ
И на бочку, гдѣ была одна вода.
А чтобъ не было какихъ-нибудь крючковъ
Иль придирокъ, онъ досталъ зеленый штофъ
Изъ-подъ лавки.
Ну! сказалъ ему тогда
Держи-Морда,—жаль, что это дѣло дрянь...
(Нѣтъ-ли штопора?—пожалуйста достань)...
А вѣдь я, Мартынъ, хотѣлъ тебя просить
Мою Мавру Николавну подновить,
То есть, знаешь, эдакъ, кое-что придать,
Чтобы было что обнять и приласкать.
Ну, прощай, Мартынъ!
— Помилуй, господинъ!
На прощаніе сказалъ ему Мартынъ:
Самъ, чай, знаешь, каково у насъ бабьё!
Вѣдь проходу-бъ мнѣ не стало отъ старухъ,
Еслибъ только былъ правдивъ подобный слухъ!
. . . . . .
Только женщинамъ Мартынъ не возражалъ,
Онъ пугалъ ихъ и молчать ихъ заставлялъ,
Говоря имъ: вѣдь за это и туда
Угодишь...
— Куда Мартыничъ?
А куда
И Макаръ своихъ телятъ не загонялъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Явно было, что Мартынъ былъ выше всѣхъ
Головой и у невѣждъ имѣлъ успѣхъ
Соблазнительный!.. Мартынычъ же красно
Говоритъ умѣлъ (немножечко на «о»)
И у барынь слылъ великимъ знатокомъ
Тайнъ природы...
Аннѣ былъ онъ не знакомъ,
Но догадливъ былъ и зналъ, что слухъ о немъ
Волновалъ ее... Подхо́дчивый обманъ,
Презирая нищихъ, любитъ сторожить
Тѣхъ богатыхъ, что, боясь сердечныхъ ранъ,
Такъ изныли, что готовы полюбить
Сатану и—смѣло деньгами сорить...
. . . . . .
Вотъ, я вижу, какъ сквозь дымку иль туманъ,
Нашу булочну: туда слащавый духъ
Теплыхъ булокъ привлекаетъ сотни мухъ,
И тамъ пахнетъ раскаленнымъ очагомъ.
Въ задней горенкѣ съ завѣшаннымъ окномъ
Анна Львовна и знакомый намъ старикъ
Затворились и бесѣдуютъ вдвоемъ.
У стола сидитъ Мартынычъ, онъ поникъ,—
Въ карты смотритъ и—высокій морщитъ лобъ;
Анну Львовну въ жаръ бросаетъ и въ ознобъ;
Она слушаетъ,—Мартынычъ говоритъ:
— У тебя, мой свѣтъ, сердечушко болитъ:
Вся забота, вся печаль твоя по немъ,

И хоша съ тобой недавно онъ знакомъ,
И моложе, и, какъ вижу я, живетъ
Гдѣ-то близко.... словно подъ бокомъ.... а все-жъ
Близокъ локоть, да зубами не проймешь.
Вотъ, я вижу—онъ румянъ, черноволосъ,
Очи сѣрыя, продолговатый носъ...
И гляжу—совсѣмъ особенный.
— А что
Въ немъ особеннаго?
— Словно онъ не то
Ученикъ... не то ученый... не тобой
Увлеченъ онъ, а твоею добротой.
И любилъ бы, да трудненько полюбить...
— Отчего такъ? покраснѣвъ, какъ маковъ цвѣтъ,
Шепчетъ Анна.
— Какъ тутъ солнышку свѣтить,
Коли тученьки дневной закрыли свѣтъ.
Эти тученьки—года твои, а онъ
Еще юностью своей превознесенъ,
И горитъ, какъ самовидная свѣча.
Ты видала-ли, какъ, крыльями плеща,
Голубочекъ на разсвѣтѣ подъ окно
Прилетаетъ и клюетъ твое зерно;
А голубка—росу ночи отряхнетъ,
И сама его въ гнѣздо свое зоветъ?
Они—ровня. Такъ-то милая моя!
Ты сперва помолодѣй, и, какъ змѣя
Чешую свою старается совлечь
Для того, чтобъ обновиться, такъ и ты
Обновись, и вся въ руманцѣ красоты
Появись ему—другая будетъ рѣчь,—
И забудетъ онъ тогда твои лѣта.

Анна слушала его, раскрывъ уста.
— Что такое говоритъ онъ? Какъ понять?
Да и какъ онъ могъ по картамъ отгадать,—
Въ чемъ, не только людямъ, Богу самому
Было стыдно мнѣ признаться!.. Кто ему
Могъ повѣдать? Ахъ! онъ страшный чародѣй!..
Анна встала, и хотѣлось ей скорѣй
Убѣжать, чтобъ онъ пророчить ей не смѣлъ;
Но онъ пристально въ глаза ей поглядѣлъ
И сказалъ ей:—не гнѣвись—пришли за мной,
Коли вздумаешь своею красотой
Приманить его, какъ цвѣтикъ полевой
Манитъ пчелку сладкимъ запахомъ... Постой!
Дай мнѣ руку твою лѣвую....
— Нѣтъ, нѣтъ!
— Ну, такъ значитъ, не судьба твоя, мой свѣтъ.
Анна вынула монету; онъ рукой
Отстранилъ ее.—Не надо, можетъ быть,
Мнѣ придется тебѣ службу сослужить,
И тогда ты расквитаешься со мной.

Анна старую служанку позвала,
Повязалася платочкомъ и ушла.
И фантазіи скорѣе, чѣмъ уму,
Повинуясь, долго думала она:
Не Мартынъ-ли онъ Задека?— тотъ, кому
Соломонова печать была дана?
Тотъ Мартынъ Задека сѣрый, что съ пеленъ
Ей знакомъ былъ, няньками превознесенъ
Какъ оракулъ, другъ старухъ и другъ дѣтей,—
Тѣнь печатная давно минувшихъ дней.

X.

Или сонное мечтанье перешло
Вьявь, и сердце Анны Львовны обожгло?
Иль мистическій сорвался съ цѣпи звѣрь?
Или попросту: гони природу въ дверь —
Рано-ль, поздно-ли она влетитъ въ окно?
То-ли, это-ли, — не все-ли вамъ равно?
Дѣло въ томъ, что Анна Львовна, хоть она
И постилась, и молилась, — влюблена,
И не только ея сердце — умъ смущенъ,
Поколебленъ, новымъ свѣтомъ удрученъ,
Новой вѣрой. Для души ея возросъ,
Въ видѣ тернія колючаго, вопросъ:
Правда-ль это, что земля съ морями—шаръ!..
Облака же — поднимающійся паръ!
Все летитъ и все кружится! Ничего
Неподвижнаго! и міру нѣтъ конца!
Гдѣ же рай цвѣтетъ и гдѣ престолъ Творца?
Правда это или ложь? но изъ чего
Будетъ лгать онъ?
Очевидно, въ первый разъ
Съ той минуты, какъ на свѣтѣ родилась,
Анна слышитъ эти новости, — и кто-жъ,
Кто занесъ къ ней эту правду — эту ложь?
Кто огонь страстей ей въ сердце заронилъ
И сомнѣньемъ ея душу омрачилъ?
Перестроитъ-ли она на новый ладъ
Этотъ міръ, и этотъ рай, и этотъ адъ?

Перемѣтьевъ юнъ былъ сердцемъ и умомъ,
Ни съ соблазнами, ни съ горемъ не знакомъ.

Онъ пріѣхалъ въ городокъ нашъ потому,
Что профессоръ (не Погодинъ-ли?) ему
Посовѣтовалъ, чтобъ заслужить дипломъ,
Монастырскіе архивы покопать,
Рукописныхъ разныхъ свитковъ поискать,
И сказалъ ему, что въ нашемъ городкѣ
Есть кой-что...
И Перемѣтьевъ налегкѣ
Съ чемоданчикомъ, въ измятомъ сюртукѣ
И фуражкѣ съ запыленнымъ козырькомъ,
И съ великими надеждами притомъ,
Прикатилъ. И что же? цѣлый день пѣшкомъ
Все искалъ себѣ ночлега и нигдѣ
Отыскать не могъ, — разспрашивалъ, — вездѣ
Отвѣчали: не слоняйтесь, нѣтъ такихъ
Тутъ порядковъ, чтобъ непрошенныхъ жильцовъ
Принимали, и квартиръ нѣтъ никакихъ...
А гостинница была (гдѣ Хлестаковъ
Одурачилъ цѣлый городъ) да сплыла —
Погорѣла.
Онъ усталъ — жара пекла,
Пыль по улицамъ столбомъ неслась — и вотъ,
На скамеечку, сваливши у воротъ
Свою ношу, забѣжалъ онъ съ пятакомъ
Въ нашу булочну — съ Мартыномъ-старикомъ
Повстрѣчался тамъ, калачъ себѣ купилъ,
И у стойки: — нѣтъ-ли квасу? попросилъ.
Вотъ, Мартынъ пошелъ за квасомъ, и затѣмъ
Сталъ разспрашивать — куда онъ и зачѣмъ?
Наконецъ, съ нимъ вмѣстѣ выйдя на крыльцо,
Поглядѣлъ въ его румяное лицо,
И сказалъ ему: гляди — на горкѣ той

Видишь домикъ съ красной крышей и трубой?
Тамъ, я чаю, тамъ найдешь ты уголокъ...
Анну Львовну Галдину спроси, дружокъ,
Анну Львовну... Коли дома, да не спитъ,
Чего добраго она и пріютитъ.
Тамъ же есть внизу трактиръ для бурлаковъ:
Тамъ и раковъ, и соленыхъ огурцовъ,
И ботвинью, и горячихъ постныхъ щей
Подадутъ тебѣ тарелку — ѣшь и пей.
— Ну спасибо! я пойду, пока свѣтло...
Очевидно, что Мартынычу везло.

XI.

Солнце медленно спускалось на закатъ:
Ужъ коровъ и доморощенныхъ телятъ,
И барановъ съ поля гнали въ городокъ,
Было слышно, какъ пастухъ игралъ въ рожокъ,
Выговаривалъ безъ словъ напѣвъ родной:
Ты поди, моя коровушка, домой!
Эй вы, дѣвки!—продолжалъ рожокъ играть—
Выходите вы скотину загонять!
И, пыля, все стадо тихо шло вразбродъ,
Только быкъ мычалъ, завидя огородъ.

Въ золотой пыли на солнцѣ у воротъ
Анна милая своей буренки ждетъ.
Вотъ она ее загнала въ ворота
И заслушалась, какъ въ рубищѣ пастухъ
Хорошо въ рожокъ играетъ, не спроста
Выговариваетъ . . . .

. . . . . Вдругъ
Она слышитъ — ей сосѣдушка кричитъ:
— Галдину здѣсь кто-то ищетъ.
— Боже мой!
Кто-бы могъ!?. И вотъ, какъ листъ передъ травой,
Передъ нею съ нощей юноша стоитъ.
Воротникъ мучнисто-синій, козырекъ
Запыленный, смуглота румяныхъ щекъ,
И загаръ, и бѣлый лобъ, и завитокъ
Темной пряди влажныхъ, вьющихся волосъ,
— Завитокъ, прилипшій ко лбу, — и вопросъ,
Гдѣ она ему прикажетъ ночевать.
Все смѣшно ей.
— Я не знаю, говоритъ.
И отчаянный тогда онъ принялъ видъ:
Говоря, что онъ присягу можетъ дать,
Что не воръ онъ, не разбойникъ и не татъ,
Что онъ будетъ, какъ убитый, смирно спать,
Что на улицѣ прилечь онъ былъ бы радъ,
Да боится, что собаки заѣдятъ;
Что московскій онъ студентъ, а не щенокъ...
И ужели православный городокъ
Такъ безбоженъ, такъ безжалостно жестокъ,
Что никто его не пуститъ, и его
Растерзаютъ!?.
Но по счастью для него
Возлѣ кухонки съ окошечкомъ на дворъ
Отыскалася коморка.
Съ этихъ поръ
Начались тревоги Анны: въ ту же ночь
Ей приснился бѣсъ лукавый и—точь въ точь
Постоялецъ, съ тѣмъ же влажнымъ, бѣлымъ лбомъ,

Съ тѣмъ же взглядомъ, даже съ тѣмъ же завиткомъ
Темно-кудрыхъ и взъерошенныхъ волосъ.
На другую ночь ей вовсе не спалось:
Ей хотѣлось ощутить такой же смѣхъ,
Услыхать такой же голосъ.
Какъ на грѣхъ,
Онъ взобрался къ ней на лѣстницу—узнать,
Сколько Анна пожелаетъ съ него взять
За коморочку, за столъ и за кровать.
Долго долго колебалась выходить
Наша Анна, и—не знала, какъ ей быть,..
Но рѣшилась, наконецъ, и торопясь,
И волнуясь, даже мысленно крестясь,
Гордо вышла за порогъ своихъ дверей
И, конечно, вся краснѣя, отреклась
Отъ задатка и сказала: нѣтъ у насъ
И обычая такого, чтобъ съ гостей
Брать уплату.—Не хотите-ли чего?
Водки?
— Нѣтъ.
— Икры, селедки?
— Нѣтъ.
— Чайку
Или кофею?
— Отлично! — И его
Угощала Анна Львовна. Кофейку
Ей самой сварить, казалось бы, не лѣнь;
Но его сварила Марѳа.
— Каждый день
Приходите къ намъ обѣдать.
— Очень радъ —
Отвѣчалъ студентъ.

Онъ былъ отмѣнно милъ,
Говорливъ и откровененъ, не измятъ
Ни нуждою, ни развратомъ, не кутилъ,
Хотя постничать, конечно, не любилъ.
Анна Львовна поняла, что онъ простой
И нехитрый, не хотѣла, чтобъ такой
Молодой еще ходилъ въ трактиръ, чтобъ тамъ
Не прибрали его лѣшіе къ рукамъ,
Тѣ картузники, что любятъ къ новичкамъ
Навязаться въ просвѣтители.
Онъ самъ
Не желалъ того; но — онъ ужъ не смѣшилъ
Анну Львовну — нѣтъ, онъ съ ней заговорилъ
О возвышенныхъ предметахъ: и о томъ,
Что добро всегда господствуетъ надъ зломъ,
И о томъ, что есть наука, что она
Высока, угодна Богу и сильна,
Такъ сильна, что цѣлый міръ перевернетъ;
И о томъ, что есть искусство,—что у насъ
Есть Жуковскій, и что Пушкинъ создаетъ
Чудеса, — и много-много громкихъ фразъ
Съ увлеченьемъ говорилъ онъ.
Анна глазъ
Не спускала съ гостя, слушала его,
— Понимаю, говорила, — ничего
Или мало понимала. Въ первый разъ
Она слышала не тотъ языкъ, какимъ
Говорили горожане и купцы,
И приказчики, и всякіе дѣльцы.
Иногда, когда трунилъ онъ, было съ нимъ
Ей и радостно, и жутко,—иногда
Ей хотѣлось горько плакать.... Никогда

И представить не могла она, чтобъ такъ
Гордо-счастливъ и безпеченъ былъ бѣднякъ.
Сколько разъ среди полуночи она,
Точно дѣвочка пугливая, одна
Съ темной лѣстницы спускалась, чтобъ тайкомъ
Встать у ветхаго забора и глядѣть—
Любоваться, какъ онъ пишетъ за окномъ,
Видѣть профиль наклоненный, огонькомъ
Сальной свѣчки освѣщенный, тихо млѣть,
Замирать и горячо благоговѣть,
И, съ горячимъ зудомъ въ сердцѣ и въ глазахъ,
Уходить въ свою свѣтелку. Тамъ въ вѣнцахъ
На нее глядѣли лики образовъ,
Тамъ, въ тѣни кой-гдѣ пестрѣющихъ угловъ,
Шевелились тѣни тетокъ.

Иногда
Перемѣтьевъ рано утромъ нанималъ
Таратайку и куда-то пропадалъ
На два, на три дня въ окрестностяхъ, тогда
Анна день и ночь боялась за него,
Какъ за малаго ребенка своего:
Рано утромъ посылала узнавать
Свою ключницу—пріѣхалъ-ли? Какъ знать,
Что случилось? Онъ могъ въ рѣчкѣ утонуть,
Заболѣть и слечь въ избушкѣ гдѣ-нибудь,—
Гдѣ въ дни жатвы мужикамъ не до него.

Но—ни этого волненья своего,
Ни той радости, что малодушный сонъ
Не сбылся, и что домой вернулся онъ
Весь въ пыли, но здравъ и цѣлъ, и невредимъ—
Выражать она не смѣла,—нѣтъ, слегка

Только вспыхивалъ румянецъ, да рука
Холодѣла, пожимаемая имъ
На порогѣ. Онъ за нею не желалъ
Наблюдать и—ничего не замѣчалъ.

Анна знала, что она уже не та,
Чѣмъ была во дни разсвѣта, что у ней
То, что было на лицѣ зари свѣжѣй
И нѣжнѣе свѣжихъ лилій,—красота
Полиняла и поблекла;—никакой
И надежды нѣтъ ей быть его женой!
Тщетно Анна предъ лампадкою своей,
Къ Богу помыслы и очи устремя,
Била въ грудь свою съ мольбой: помилуй мя,
Боже, по великой милости Твоей
И по множеству щедротъ Твоихъ!—Мечта,
Та же грѣшная мечта твердила ей:
Анна, Анна! ты у Бога отнята
Жаждой счастія земного, повита
Терніями страсти, тайный ядъ,
Отъ котораго глаза безъ слезъ горятъ,
Заразилъ тебя,—душа твоя болитъ.
Слушай то, что Перемѣтьевъ говоритъ,
Вспомни то, что онъ намедни говорилъ:
Говорилъ онъ, что, кто въ жизни не любилъ
Беззавѣтно, тотъ ничтожный пустоцвѣтъ,
Эгоистъ, который самъ себѣ лишь милъ,
И что будь-ка ей не слишкомъ тридцать лѣтъ,
А осьмнадцать—чортъ возьми! не сдобровать
И ему бы... Такъ изволилъ онъ болтать,—
Выражая болтовней своей, что нѣтъ
Въ немъ ни горя, ни заботы...,—какъ вчера

Такъ и нынче. О, блаженная пора!
Когда сердце не страдаетъ и полно,
Когда плакать и досадовать смѣшно,
Когда цѣли никакой, а жадный взоръ
Привлекаютъ идеалы и—просторъ,
Когда глупо стулья школьные ломать,
А ломаешь—потому что былъ герой
Македонскій или кто-нибудь иной.

Вотъ и августъ, и позднѣй восходъ зари,
И вакаціямъ конецъ—того смотри,
Онъ уѣдетъ, и—какъ нѣкій метеоръ,
Что внезапно освѣтилъ дремливый взоръ,
Для нея навѣкъ исчезнетъ, пропадетъ
Въ темной безднѣ, гдѣ отчаянье живетъ.
Сталъ нашептывать ей бѣсъ, уча ее
Въ колдовствѣ найти спасеніе свое.
Что ей деньги?—сколько-бъ онъ ни запросилъ,
Онъ, Мартынъ, что всѣмъ—рѣшительно всѣмъ милъ
(Не обидѣлъ и не выдалъ никого).
Анна Львовна ищетъ помощи его
И, что хочетъ онъ—клянется дать впередъ,
Если только онъ ей молодость вернетъ.

XII.

Вотъ и мѣсяцъ ясный по небу плыветъ.
Все, что ѣстъ и пьетъ, и не оретъ,
Все, что пахнетъ русскимъ праздникомъ, идетъ,
Усладивши свое зрѣнье и, мечтамъ
Давъ поболѣе простору—по домамъ.

Всюду толки о жонглерахъ: Дункель былъ
Восхитителенъ, когда онъ выходилъ
Весь въ трико, и поднимался, и взлеталъ,
И спускался на натянутый канатъ...
Говорятъ, онъ на Розаліи женатъ,
А амуръ съ колчаномъ—это ихъ сынокъ.
А Розалія? каковъ ея скачекъ
Сквозь три обруча?!! и какъ это опять—
Чортъ возьми! она успѣла на сѣдло
Шлепнуться и—снова поскакать!
Такъ изволилъ городокъ нашъ, такъ сказать,
Въ эстетическомъ восторгѣ утопать.
Да и ужинъ, господа, недалеко!...
Дункель снялъ уже и шлемъ свой, и трико;
Лошадей его по стойламъ развели
И Розалія съ амуромъ спать пошли.
Незамѣтно время къ ночи подошло:
Пыль осѣла,—глухо, тихо и тепло.
Все, что въ нашемъ городкѣ теперь не спитъ,
Козыряетъ или ноетъ... (зубъ болитъ).
Опустѣлъ публичный садикъ, опустѣлъ
Рыбный рынокъ, на балконѣ ни души,
Ставни заперты, лишь мѣсяцъ подглядѣлъ
Въ этой уличной, полуночной глуши
Чью-то блѣдную и трепетную тѣнь.
Никогда ему подглядывать не лѣнь!
Какъ поэту, ему, право, господа,
Въ темномъ небѣ скучновато иногда!
Какъ и мы, онъ видитъ звѣзды, но далекъ
Отъ него, какъ и отъ насъ, ихъ огонекъ,
Какъ и мы, къ землѣ онъ ближе, чѣмъ къ звѣздамъ—
Дразнитъ страсти и колдуетъ по ночамъ.

И не даромъ въ этотъ поздній сонный часъ
Только мѣсяца серебрянаго глазъ
Ищетъ щели, чтобъ въ закрытое окно
Заглянуть къ Мартыну Ижигину;—но
Болты замкнуты, и нѣтъ такихъ щелей.
И не только мѣсяцъ,—будочникъ, и тотъ
Не постигнетъ: что такое другъ чертей,
Всему городу извѣстный чародѣй,
Затѣваетъ? и зачѣмъ дымокъ идетъ
Изъ трубы его?—блины-ли онъ печетъ,
Или вѣдьма прилетѣла на метлѣ,—
И съ нимъ варитъ кошку черную въ котлѣ?

Вотъ, глядите, какъ коптятся кирпичи
Очага его, какъ сгорбившись сидитъ
На скамьѣ Мартынъ Мартынычъ и варитъ
Что-то въ мѣдномъ котелкѣ своемъ; лучи
Красноватые отъ угольевъ скользятъ
По рукѣ, что ущѣпилась за ухватъ,
И по лысинѣ его, и—даже тамъ
Тускло бродятъ, гдѣ поближе къ образамъ
Одинокая свѣча горитъ, плыветъ,
Освѣщая въ рыжихъ пятнахъ переплетъ
Старый, кожаный съ застежкой и съ каймой
Полинялою, когда-то золотой.
Что за книга! и зачѣмъ Мартынъ кота
Пріурочилъ?...это знаетъ лишь одинъ
Велемудрый, все смекающій Мартынъ.
Посреди его жилища не спроста
Полосатою попоной повита
Бочка старая;—надъ нею вьется паръ,
Застилая потемнѣвшій потолокъ,

И какъ будто подогрѣтый самоваръ
Закипаетъ,—тянетъ ноту котелокъ.—
— Чу, за дверью, что выходитъ на крыльцо,
Легкій шорохъ и условленный толчекъ.
Озабоченное знахаря лицо
Шевельнуло рядъ морщинъ своихъ, и тотъ,
Кто бы видѣлъ въ это время этотъ ротъ
Съ желтымъ зубомъ, эти выгибы морщинъ,
Ни за что̀ съ нимъ не остался бы одинъ,—
Такъ злорадна и насмѣшлива была
Эта мрачная усмѣшка.
Вотъ вошла
Къ нему въ горницу, споткнувшись о порогъ,
Горожанка, вотъ сняла съ себя платокъ,
Мягкій, шелковый, который до бровей
Закрывалъ ей косу русую и лобъ
И закутывалъ ей плечи,—и никто-бъ
Не призналъ въ ней нашей Анны,—такъ у ней
Лихорадоченъ былъ взоръ, и такъ она
Похудѣла вдругъ и такъ была блѣдна.

— Здравствуй, милая! Мартынычъ ей сказалъ:
Хорошо, что я тебя недаромъ ждалъ.—
Не дождись я—подшутилъ бы надъ тобой
Бѣсъ лукавый, ты проснулась бы сѣдой.
— Страшно мнѣ, Мартынъ Мартынычъ!
— Богъ съ тобой!
Человѣкъ я не мудреный, а простой:
И не бѣсы—книги, люди древнихъ лѣтъ
Мнѣ открыли чудодѣйный свой секретъ.
И чего тебѣ бояться?—я ужъ сѣдъ,—
Тебѣ въ дѣдушки гожусь я. Хочешь стать

Молодою—буду годы заклинать;
А не хочешь—тотчасъ можешь уходить,
Самъ пойду я до калитки проводить
И на улицу самъ выведу.—Теперь,
Продолжалъ онъ, запирая въ сѣни дверь,—
Раздѣвайся и влѣзай, пока вода
Не простыла.
Анна вспыхнула,—стыда
Краска пятнами покрыла блѣдность щекъ,
Даже дрогнулъ подбородокъ.—Какъ онъ могъ,
Какъ онъ смѣлъ подумать!
— И не жди,
И не жди, Мартынъ Мартынычъ!..
— Уходи,
Только послѣ не пеняй!
Она платокъ
Свой накинула поспѣшно, подошла
Къ грязной двери, ухватилась за крючекъ—
За желѣзную щеколду.—Боже мой!
Прошептала и застыла. Мысль о *немъ*....
Ужасъ, смѣшанный съ позоромъ и стыдомъ,
Страхъ придти домой старухою сѣдой...
О, какой хаосъ кипѣлъ и бушевалъ
Въ сердцѣ Анны и разсудокъ колебалъ!

А Мартынъ глядѣлъ спокойно, молча ждалъ:
Что терялъ онъ?—ничего онъ не терялъ...
Еслибъ даже и ушла она—пущай!
Завтра рано онъ уѣдетъ—и прощай
Глупый городъ! Очень нужно рисковать,
Коли вывезла кривая! Тысячъ пять
Получилъ онъ наканунѣ,—такъ сказать,

На расходы чрезвычайные,... и вдругъ
По уѣзду пронесется темный слухъ...
И потянутъ на расправу колдуна...
Нѣтъ, ужъ лучше, коли вздумаетъ она
Привередничать, аль тягу дать.... — Пущай!
На себя тогда, голубушка, пеняй....
И сидѣлъ онъ неподвижно какъ мѣшокъ
И, прищурившись, глядѣлъ на огонекъ:
Котелокъ его на угольяхъ ворчалъ,
Его руки были сложены—онъ ждалъ...

XIII.

Пять минутъ стояла Анна, какъ мертвецъ,
Прислоненный къ двери склепа, наконецъ,
Пошатнулась!—На Мартына не глядя,
И въ привычное движенье приводя
Свои руки, начала она снимать
Свое платье. Ей казалось, кошемаръ
Ее душитъ и мѣшаетъ ей дышать.
Вотъ раздѣлась... Ароматный легкій паръ
Ей на грудь дохнулъ изъ бочки—и, платкомъ
Спеленавъ себя, какъ въ новую купель
Окунулась Анна... Легкимъ холодкомъ
Пробѣжало по спинѣ у ней...
Ужель
Анна вѣрила, что будетъ молода?
Несомнѣнно она вѣрила.—Вода
Пахла медомъ и гвоздикой, и травой,
Почему-то называемой Зарей;
Поднимались на поверхность пузырьки—

Щекотали ея ноги; и руки
Оба сгиба, и подъемъ ея грудей,
Поблѣднѣвшихъ, какъ холмистый снѣгъ полей,
Разрыхляемый дыханіемъ весны,
Въ заколдованный растворъ погружены,
Покрываться стали пѣной, какъ росой
Или жемчугомъ.
Очнувшись, наблюдать
Стала Анна и, конечно, надъ собой
Наблюдать, чтобъ не глядѣть и не видать,
Что онъ дѣлаетъ—сѣдой колдунъ. И вотъ,
Печь, и стѣны, и скамья, и черный котъ,
Все, кругомъ ея, какъ бы въ туманъ ушло—
Отодвинулось куда-то. Лишь сверчокъ
Надоѣдливый, какъ будто ей на зло
Сталъ скрипѣть надъ самымъ ухомъ то и знай,
И такъ рѣзко, что хоть уши затыкай.

Вотъ, ей стало представляться, что она
Лѣтъ пяти-шести ребенокъ, и что мать
Въ передбанникъ привела ее купать;
Мамки голосъ она слышитъ: не балуй!
Баловница ты! ну, полно... поцѣлуй!
И сиди, сиди смирнѣе... Боже! Ей
Развѣ можно быть послушнѣй и смирнѣй?
Отъ воды же, какъ отъ хмельнаго вина,
Кружитъ голову и всю ее мутитъ.
Постепенно Анна Львовна Галдина,
Какъ ребенокъ, забываетъ всякій стыдъ.

Вотъ, подходитъ къ ней старикъ. Его лѣвша
Поливаетъ изъ желѣзнаго ковша

Воду мыльную. Въ лицо ей горячо
Паръ клубится; зарумянилось плечо...
Вотъ бормочетъ онъ заклятья—заклинать
Началъ годы; сталъ руками помавать,
И уставился—въ глаза глядитъ (какъ знать,
Былъ ли это гипнотизмъ, извѣстный намъ,
Неизвѣстный нашимъ дѣдамъ и отцамъ,
Или что нибудь иное?) По стѣнамъ
Въ это время разстилался пеленой
Дымъ смолистый, и сползалъ, и льнулъ къ дверямъ,
Точно выхода искалъ онъ.
— Боже мой!
Отпустите, задыхаюсь я. И вотъ,
Онъ ей гребень деревянный подаетъ,
И послушно обнаженною рукой
Она чешетъ свои волосы, и ей
Пряди косъ ея ужъ кажутся длиннѣй,
Шелковистѣе и гуще. Наконецъ
Этой пыткѣ и терпѣнію конецъ...
Вотъ и зеркало... Но—вѣрить-ли глазамъ?!
Ахъ! не лжетъ-ли ей коварное стекло?
Рдѣютъ розы на устахъ и на щекахъ,
Блѣдно-мраморное лоснится чело,
Все въ ней дышетъ ея прежней полнотой,
Вѣетъ свѣжестью и знойно-молодой
Красотою,—остается, такъ сказать,
Ликовать и одѣваться.
Тутъ отдать
Справедливость не мѣшаетъ, господа,—
Старый грѣшникъ отвернулся.
Безъ труда
Она вышла и одѣлась, а платокъ,

Мягкій, шелковый, который такъ промокъ,
Что хоть выжми, онъ ей высушить помогъ:
И просохъ онъ,—только запахи воды
Въ немъ остались, какъ неясные слѣды
Этой ночи (этой плутни, господа...)
— Ну, прощай, Мартынъ Мартынычъ! Никогда
Не забуду я услуги,—ты всегда
Первый гость мой!—И Мартынычъ, въ первый разъ
Ухмыльнувшись, молвилъ ей такую рѣчь:
— Хороша ты, но боюсь—въ недобрый часъ
Похвалить тебя. Постой! предостеречь
Я хочу тебя, голубка: девять дней,
Или ровно девять сутокъ, ты не смѣй
И подумать, какъ зовутъ тебя!—своей
Ты фамиліи иль имени, дружокъ,
Никому не говори. Ну, этотъ срокъ
Не великъ и ты придержишь язычекъ.
— Что же будетъ, если?..
— Боже упаси!
Все вернется и тогда все колдовство
Пропадетъ—и не ходи и не проси—
Не поможетъ никакое мастерство!

XIV.

Анна вышла. На дорожкѣ передъ ней
Очутилась дочка булочницы; ей
Отперла она калитку, до воротъ
Проводила... Кто послалъ ее!.. Но вотъ,
Анна весело по улицѣ идетъ,
Ночька тихая и теплая въ звѣздахъ;

Мѣсяцъ прячется въ перистыхъ облакахъ,
Словно жаль ему серебряныхъ лучей,
Или стыдно показаться передъ ней
Все такимъ же старымъ мѣсяцемъ. Дома
И заборы покрываетъ полутьма —
Полусвѣтъ. А вотъ и садикъ городской
Съ пріютившейся подъ липою скамьей.

— Не зайти ли въ этотъ садикъ посидѣть,
Помечтать, на Божьи звѣзды поглядѣть —
Подышать росой небесной? — И она,
Чѣмъ-то радостнымъ мучительно полна,
Въ тихомъ садикѣ садится на скамью,
То въ раздумье, то въ мечты погружена.
И никто бы Анну, милую мою,
Въ эту ночь понять не могъ бы, потому,
Что свершилось непонятное уму.
Эта дѣвушка, все въ жертву принесла —
Страхъ и стыдъ и, какъ казалось ей, пошла
Въ сѣти къ дьяволу — за тѣмъ, чтобъ только быть
Хоть рабой *его* — отдаться и служить....
Что такое Перемѣтьевъ? — Сирота —
Горемыка, — у него одна мечта
Быть учителемъ, — орломъ ему не быть,—
Про него, быть можетъ, будутъ говорить:
«Дѣльный малый», «честный малый!» и слегка
Подвигать его, давать за чиномъ чинъ,
Чтобъ недаромъ гнулъ онъ спину до сѣдинъ,
Чтобъ онъ чванился собой,— не велика
Значитъ птица.— Но скажи онъ ей теперь:
— Полетимъ, моя родная! — полетитъ,
Не боясь ни пересудовъ, ни потерь. —

То ей радостно, то за сердце щемитъ...
Какъ явиться вдругъ такою молодой
На глаза своей прислуги! (знаетъ все
Только Марѳа, собесѣдница ее
Въ дни тоски, или невзгоды). Боже мой!
— Вѣдь и онъ еще молоденькой такой
Не видалъ ея ни разу! — Что какъ вдругъ
Вмѣсто радости и счастья, да испугъ,
Иль насмѣшка — старый счетъ ея годамъ!
Что какъ если и взаправду чудесамъ
Онъ не вѣритъ? Какъ ему ей доказать,
Что на свѣтѣ много всяческихъ чудесъ.
Промолчать ли, или все ему сказать? —
Самъ пойметъ ли онъ, что не лукавый бѣсъ
Запятналъ грѣхомъ ей душу — а любовь...
И разсѣянно она крестила грудь,
И молилась: Господи! наставь на путь,
И очисти мою душу! — или вновь
Съ легкой дрожью, какъ осенній лепестокъ
Вѣтромъ сорванный, и въ бѣшеный потокъ
Занесенный и отдавшійся волнамъ,
Отдавалась Анна пламеннымъ мечтамъ:
То мечталось ей: она, рука съ рукой,
Съ нимъ идетъ вокругъ налоя,— то въ одной
Съ нимъ кибиткѣ... по невѣдомымъ степямъ
Тройка мчитъ ихъ... колокольчикъ подъ дугой
Заливается. Онъ ей въ глаза глядитъ,
Руку жметъ ей... припадаетъ головой...
Ночь нахлынула, вдали огонь блеститъ
И, подмигивая, манитъ ихъ въ ту даль,—
Въ тотъ предѣлъ благословенный, гдѣ не жаль

Ни богатства, ни свободы, ни себя...
Гдѣ такъ мало ей всю жизнь отдать, любя!..
Анна грезитъ и невѣдомаго ждетъ,
Позабылась и не видитъ, кто идетъ.

XV.

Вотъ идутъ они — ночные шатуны,
Что не ради звѣздъ и золотой луны,
Не мечтаній ради,— въ поздній часъ ночной
Забираются въ нашъ садикъ городской.
Вотъ подвыпившій, въ поддевкѣ паренекъ
И въ рубахѣ подъ жилеткой; съ нимъ другой,
Сынъ дворянки-приживалки, отставной
Прапорщикъ, завѣдомый игрокъ —
Что недавно, за заставой, проигралъ
Двумъ приказчикамъ часы свои — застрялъ —
И у свахи въ огородѣ ночевалъ...
Оба въ садъ они нечаянно зашли,
Оба рѣчи несуразныя вели —
И увидѣли, что въ сумрачной тѣни
Чье-то личико бѣлѣется. Они,
Разумѣется, за долгъ почли подсѣсть,
Чтобъ съ особенной пріятностью провесть
Свое время. Не жива и не мертва
Наша Анна...— Непотребныя слова...
Запахъ водки... издѣвательство...
— Идемъ,
Говорятъ они: — Не кисни, это мы.
Денегъ куча — чорта за поясъ заткнемъ...
Квартируемъ у Иванихи кумы...

И сегодня пьемъ шампанское въ кредитъ...
Поблѣднѣла Анна Львовна, говоритъ:
— Уходите, я васъ слушать не хочу —
Хочетъ встать — не можетъ — держатъ.— Закричу!
Говоритъ она.
Вдругъ, видитъ: подбочась,
Передъ нею возникаетъ третья тѣнь
Человѣка въ смятой шляпѣ на бекрень;
Какъ изъ бочки, издаетъ онъ сиплый басъ:
— Это ты, Дуняша! Бей по мордѣ ихъ!
Я не дамъ тебя въ обиду
— Прочь!
— Молчать!
Растакіе вы сякіе!! Я женихъ
И моя она —
— Ну, можешь подождать!
А сегодня...
— Ахъ вы черти!
И пошла
Потасовка. Анна бросилась бѣжать.
Слышитъ визгъ — кого-то душатъ... Господа,
Не угодно ли пожаловать сюда!
Поглядите, какъ полиція у насъ
Расторопна и спасительна подчасъ,
Какъ блюдетъ она и сонъ и тишину.
Держи-Морда самъ явился вдругъ, и ну
Всѣхъ дубасить. Разбѣжались всѣ. Одна
Перепугана, взволнована, блѣдна,
Анна Львовна не успѣла убѣжать.
Передъ нею мѣсяцъ тучками закрытъ
А за нею кто-то гонится и — хвать
Ее за руку! — Попалась! говоритъ.

— Я-те дамъ въ саду, подъ самымъ подъ окномъ,
Городничаго компанію водить!
Въ городскомъ саду безчинство заводить!
— Но вы знаете, конечно, гдѣ мой домъ?..
Задыхаясь, говоритъ она съ трудомъ...
— Посиди сперва на съѣзжей.
— Боже мой!
Или вы не узнаете? Галдина...
Галдина я... Анна Львовна.
— Вотъ-те на!
Заглянувши ей въ лицо, воскликнулъ онъ,
Этой новостью, какъ громомъ пораженъ.
— Анна Львовна! Вы-ли это? не могу
И опомниться!.. Помилуйте! — бѣгу,
Вижу — драка — караулъ кричатъ — хочу
Ихъ на съѣзжую — за шиворотъ тащу;
Но ихъ трое... я одинъ... и вдругъ, вы тутъ —
Какъ могло сіе случиться?
— Не спалось...
Угорѣла — вышла на десять минутъ...
Шла, шла, шла, и вижу садикъ... не безъ слезъ.
Солгала она впервые.
Не признать
Онъ не могъ такой особы. Въ двадцать пять
Ассигнацію привыкъ онъ получать
И на Пасху отъ нея, и въ Новый годъ.
И почтительно онъ подъ руку ведетъ
Анну Львовну, извиняется, клянетъ
Глупый случай и доводитъ до воротъ...

XVI.

Всю дорогу Анна думала: увы!
Все пропало! — и тяжелой головы,
Полной горя и досадныхъ жгучихъ слезъ,
Не могла поднять. И что ей говорилъ
Полицейскій, какъ прощенье онъ просилъ, —
Не слыхала Анна Львовна. Ей пришлось
Поневолѣ свое имя произнесть,
Защищая свое имя, свою честь.
Вѣдь въ полицію на съѣзжую попасть,
Ночевать тамъ, гдѣ сѣкутъ...
Какая страсть!..
Анна Львовна! тяжела твоя судьба!
Вотъ куда вела тебя твоя борьба
Съ чистой совѣстью и дѣвственнымъ стыдомъ.
Все погибло!..
И проснулась ты съ лицомъ
Смятымъ, съ пятнами на лбу и на щекахъ,
Съ чуть замѣтной сѣдиною въ волосахъ,
Съ пересохшими губами. Никого
Принимать не приказала ты. Его,—
Перемѣтьева, и видѣть не могла...
Ты ходила по свѣтелкѣ, твой платокъ,
Пахнулъ ночью ненавистною, сверчекъ
Какъ на зло тебѣ всю ночь скрипѣлъ, что ты,
Какъ блудница, не стыдилась наготы.
Ты ходила по свѣтелкѣ, не спала,
Не молилась, и на третій день слегла...
Перемѣтьевъ удивился: въ первый разъ
Услыхалъ онъ, что хозяйка заперлась,

Не пускаетъ, и,— конечно, онъ не зналъ,
Что случилось, и, конечно, горевалъ:
Анна Львовна до него была добра,
И добра не какъ чужая, какъ сестра...
Разъ, проснувшись, не успѣлъ онъ глазъ промыть,
Слышитъ: Анна приказала долго жить;—
Раннимъ утромъ посылала за попомъ,
Причастилась и — забылась вѣчнымъ сномъ.
Перемѣтьевъ испугался — поблѣднѣлъ...
Слишкомъ явно жалкій смертнаго удѣлъ
Возмутилъ его.—Давно-ли руку ей
Цѣловалъ онъ? И сгорѣть — сгорѣть въ пять дней!..
Развѣ можно такъ нелѣпо умереть!
Не проститься съ нимъ — ни слова не сказать,
Улетучиться — и поминай, какъ звать!..

Ужъ разносится далеко тихій звонъ
Колокольный, вѣстникъ новыхъ похоронъ;
Собирается оборванцевъ толпа
У воротъ и ждетъ приходскаго попа;
На дворѣ стоитъ съ косматой головой
Дьякъ-юродивый и жалобно поетъ—
Завываетъ: Со святыми упокой!
Держи-Морда съ земляками водку пьетъ.
Что же городъ — городокъ любимый мой!
Что толкуетъ онъ объ этомъ? — ничего.
О Мартынѣ толки заняли его: —
Спорный и животрепещущій вопросъ!
Гдѣ пропалъ онъ? и зачѣмъ съ собой увезъ
Старой булочницы дочку? Старый песъ!
Неужели въ эти годы у него
Шуры-муры были? Чортъ его возьми!

Жены, матери, съ прислугой и дѣтьми,
Тоже думали — гадали, ничего
Не дознались и рѣшили, что по немъ
Горевать едва ли стоитъ. Безъ слѣда
Все проходитъ, и—какъ день бѣжи́тъ за сномъ,
Такъ и сонъ бѣжитъ за каждымъ днемъ.
Но пока еще не сплю я,— иногда
Призываю мою музу, господа,—
Эту музу звали Марѳой въ тѣ года,
Когда жили-были Анна и Мартынъ.
Повязавшися платкомъ поверхъ сѣдинъ,
Помню я, она бывало въ шушунѣ
Забиралась въ мою дѣтскую, со мной
Поболтать о захолустной старинѣ —
О Мартынѣ и объ Аннѣ Галдиной...'

10 декабря 1888 г.

РАЗГОВОРЪ.

ГОСТЬ.

Надняхъ сынокъ мой былъ у васъ;
Да, кажется, не въ добрый часъ...
Не смѣлъ войти... Неглупый малый,
А принялся писать стихи,
Боится, нѣтъ ли чепухи.
И ждетъ, во что бы то ни стало,
Пока еще не вышелъ въ свѣтъ,
Узнать — поэтъ онъ или нѣтъ.
Пріятельскими похвалами
Хоть онъ и былъ уже польщенъ,
Но, вашъ большой поклонникъ, онъ
Желаетъ быть польщенъ и вами...
Всѣ знаютъ, что у васъ есть вкусъ
И нѣтъ наклонности къ нападкамъ.

КРИТИКЪ.

Ей-ей, судить я не берусь
По ученическимъ тетрадкамъ...

ГОСТЬ.

Я, знаете, плохой судья...
Всѣ нынче пишутъ, кто не грѣшенъ!
Онъ на стихахъ давно помѣшанъ,
И проситъ денегъ у меня,
Чтобъ въ свѣтъ издать свои творенья;
Что-жъ! Коли есть талантъ, то я,
Пожалуй, дамъ благословенье.
Но будетъ ли въ изданьи прокъ?
И буду-ль я хоть тѣмъ утѣшенъ,
Что онъ поэтъ?

КРИТИКЪ.

That is the question!..
Не знаю-съ, я плохой пророкъ...

ГОСТЬ.

Ну нѣтъ-съ!.. все это... извините...
Отъ васъ зависитъ: если есть
Задатки... стоитъ вамъ прочесть...

КРИТИКЪ.

Ужъ я читалъ...

ГОСТЬ.

Еще прочтите,
И вы сейчасъ же отличите
Изрядное отъ чепухи.

КРИТИКЪ.

Писать изрядные стихи —
Еще не значитъ быть поэтомъ,

Конечно, упражняться въ этомъ
Не безполезно иногда;
Узнаешь метрику...

ГОСТЬ.

Да, да...
Ну-съ, а какое ваше мнѣнье?..
Чего намъ ждать?..

КРИТИКЪ.

Отъ всей души
Сказалъ бы... но одно сравненье
Я приведу вамъ въ поясненье:
Положимъ, всходы хороши;
Но, если это только всходы,
То изобиліе плодовъ
Земныхъ зависитъ отъ погоды,—
Дождей, тепла и холодовъ —
Такъ, чтобъ созрѣлъ талантъ поэта,
Какъ зрѣетъ хлѣбъ—дождитесь лѣта;
И, если Богъ благословитъ—
На ниву градъ не налетитъ,
И даже гессенская муха
Не сядетъ и не съѣстъ зерна,
Все обойдется превосходно,
Окажется — земля доходна,
И родина не голодна.
Но ваши всходы не поспѣли;
И если вашъ сынокъ въ апрѣлѣ
Пойдетъ свои посѣвы жать,
Ему придется голодать,
И вы поспѣшность проклянете...

ГОСТЬ.

Comparaison n'est pas raison...

КРИТИКЪ.

Мнѣ эта фраза не законъ...
Я думалъ — вы меня поймете...

ГОСТЬ.

Я думаю — гдѣ нѣтъ зимы,
Иль тамъ, гдѣ свѣтитъ солнце юга,
Тамъ раньше жнутъ.

КРИТИКЪ.

— Что дѣлать — мы
Не азіаты — зрѣемъ туго...
И Байронъ, вспомните, хотѣлъ
Вдругъ выскочить, но былъ не зрѣлъ,
И первый блинъ «Часы досуга»
Успѣха въ свѣтѣ не имѣлъ...

ГОСТЬ.

Ну-съ, а на что-жъ оранжереи,
Гдѣ круглый годъ цвѣтутъ цвѣты?

КРИТИКЪ.

Тѣ, что годятся на затѣи
Великосвѣтской суеты —
Увы, не прочны — вянутъ скоро,
И, вынутые изъ фарфора,
Иль надышавшись нѣгой тѣхъ,
Къ которымъ были ближе всѣхъ,
Вдругъ попадаютъ въ кучу сора;

И тѣ лакеи, что метутъ
Полы, ихъ даромъ не берутъ.
По счастью, на словесной нивѣ,
Лишь то и плодъ даетъ землѣ,
Что не нуждается въ поливѣ,
Или въ искусственномъ теплѣ.

ГОСТЬ.

Не все же нива!.. Думать надо,
Что и сады должны цвѣсти;
Нельзя же, Господи прости!
Не думать о любимцахъ сада—
Не холить ихъ... Какой женихъ
Не привезетъ цвѣтовъ невѣстѣ?
Жизнь не обходится безъ нихъ.

КРИТИКЪ (про себя).

Однако... спорщикъ!..

ГОСТЬ.

Такъ и стихъ,
Коли хорошъ—вездѣ на мѣстѣ.

КРИТИКЪ.

Нѣтъ-съ! Ленты, кружево, духи
И пудра,—только не стихи!
Всѣ наши ямбы и хореи
Какую даму привлекутъ!
У нихъ давно свои затѣи...
Онѣ за музыкой бѣгутъ,
Какъ уличные ротозѣи
За маршируюшимъ полкомъ;

Онѣ за оперным пѣвцомъ
Пойдутъ, куда хотите, руки
Чуть не цѣлуютъ тѣмъ, кто имъ
Напомнитъ голосомъ своимъ
Смычекъ... Случается отъ скуки
Еще романы иногда
Почитывать; но никогда
Онѣ стиховъ читать не станутъ;
Ихъ пышный станъ въ корсетъ затянутъ
Такъ ловко, что—какая стать
Имъ поэтически страдать
Наивнымъ разочарованьемъ,
Или плачевнымъ отрицаньемъ?!

ГОСТЬ.

Всѣ эти ваши наблюденья
Односторонни... то есть вы
Не наблюдали, каковы
Иныя дамы: просвѣщенья
Вы не отнимите у нихъ...
Онѣ и Фауста читаютъ,
И Байрона, и Коппе знаютъ,
И знаютъ множество другихъ,
И даже сами сочиняютъ...

КРИТИКЪ.

Стихи про мѣсячную ночь
И ландыши?.. я это знаю...
Я нѣкоторыхъ уважаю
За это... только ваша дочь
Ихъ бреда повторять не станетъ
Ни у себя, ни на балахъ,

Гдѣ каждый котильеномъ занятъ,
И гдѣ, ей-Богу, *«семь въ червяхъ»*
Гораздо болѣе заботитъ
Играющихъ въ картишки, чѣмъ
Собранье пѣсенъ и поэмъ.
Повѣрьте, кто зимой заплатитъ
Садовнику за розы, тотъ
За книгой въ лавку не зайдетъ,—
Ужъ это будьте вы покойны!
Мы такъ умно-благопристойны,
Такъ понимаемъ жизнь и свѣтъ,
Что знаемъ—русскіе поэты
Не такъ пріятны, какъ конфеты
Или какой нибудь букетъ.

ГОСТЬ.

Ба! вы пускаетесь въ сатиру
На наше общество... Ну, что-жъ!
Положимъ такъ; — а все же лиру
Поэтовъ любитъ молодежь:
Вчера ей Надсонъ былъ по нраву,
Сегодня Фофановъ, а тамъ
Кто знаетъ...

КРИТИКЪ.

И такимъ пѣвцамъ,
Какъ сынъ вашъ, дастъ почетъ и славу!
О, да, кто знаетъ!..
Я и самъ
Подчасъ готовъ повѣрить чуду;
Но передъ вами лгать не буду:

Всѣ ваши хлопоты—едва-ль
Окупятся...

ГОСТЬ.

Жаль, очень жаль!
Но развѣ не отъ рецензентовъ
Зависитъ въ публикѣ успѣхъ?
Какъ раздаватели патентовъ,
Они одни волнуютъ всѣхъ
Литературныхъ претендентовъ.
А вы, почтенный, какъ на грѣхъ,
Меня приводите въ смущенье.

КРИТИКЪ.

Успѣхъ зависитъ отъ умѣнья
Его добиться...

ГОСТЬ.

Это какъ??

КРИТИКЪ.

У насъ замѣтятъ и писаку,
Коли полезетъ онъ на драку,
Какъ патентованный пошлякъ.
Пусть отличится на дуели,
И, не шутя, на самомъ дѣлѣ,
Чужую увезетъ жену,
Или свою другимъ уступитъ,
Или безъ денегъ землю купитъ
И выгодно продастъ въ казну;
Пусть угодитъ всѣмъ шелопаямъ,
А честнымъ людямъ насолитъ,—

Навѣрно будетъ знаменитъ...
И всѣ мы нехотя узнаемъ
Его таланты.—Да, тогда
Успѣхъ и слава! Вѣдь безстыдство
Во всѣхъ внушаетъ любопытство—
Всѣ любятъ ахать. Иногда
И мы способствуемъ успѣху:
Начнемъ писаку пробирать
Да такъ, что всѣ помрутъ со смѣху,
И книгу станутъ раскупать.
По моему, такая слава
Не стоитъ мѣднаго гроша...

ГОСТЬ.

Какой, вы злой, однако, право!..

КРИТИКЪ.

И злость бываетъ хороша,
Когда она умна и кстати.
Помилуйте, едва съ кровати
Успѣешь встать, едва халатъ
Накинешь, какъ уже звонятъ...
И вѣрите ли? въ двѣ недѣли
Поэтовъ около осьми
Перебывало...

ГОСТЬ.

Чортъ возьми!
Они и мнѣ бы надоѣли...
Недаромъ сынъ мой такъ робѣлъ...

КРИТИКЪ.

Да-съ, незавидѣнъ нашъ удѣлъ.
Не принимать—нельзя—не знаешь,
Гдѣ что найдешь, что потеряешь.
И какъ-то жутко принимать:
Иной такъ слезно умоляетъ
Прочесть стиховъ его тетрадь,
Что просто духу не хватаетъ—
Не отбояришься никакъ...
Другой читать начнетъ, дуракъ,
Читаетъ плохо, завываетъ:
«Впередъ, сограждане, впередъ!»
Бранитъ и власти, и народъ;
Но вѣритъ, что людей пороки
Исправятъ новые пророки,
И что онъ самъ одинъ изъ тѣхъ,
Которыхъ въ мірѣ ждетъ успѣхъ.
Подумаешь—какая вѣра!
Стихи же плохи: нѣтъ размѣра,
Нѣтъ вкуса, грамотности нѣтъ...
А скажешь, что таланта нѣтъ,
Глядишь—пророкъ мой чуть не плачетъ,
Стоитъ съ убитою душой,
Не довѣряетъ мнѣ... Иной
Притащитъ цѣлый томъ, такой,
Что хоть кого такъ озадачитъ!
И видно по лицу—добрякъ,
Быть можетъ, даже весельчакъ
Войдетъ и скажетъ: выбирайте
Что вамъ по вкусу... Помѣщайте
Все, что хотите,—только, знайте,

Нельзя мнѣ даромъ помѣщать:
О гонорарѣ не забудьте.
Пожалуйста, не обезсудьте...
Вѣдь у меня жена и мать,
Да имъ въ придачу два ребенка.
На службѣ я, но мнѣ даютъ
Сто сорокъ въ годъ (дороже конка....)
Ей-Богу,—если не спасутъ
Стихи,—повѣшусь. Трудно стало
Хлѣбъ добывать... Жена пристала:
Давай ей деньги на расходъ...
Ну, думаю, сперва помучу,
Потомъ обрадую—и вотъ,
Вотъ-съ, написалъ какую кучу!
— Смѣшно и жалостно!
Иной
Придетъ, на видъ совсѣмъ больной.
Какъ жертва жалкаго бездѣлья,
Влюбленный, онъ чего-то ждетъ,
И вдохновенье, какъ похмѣлье
Къ нему приходитъ; онъ поетъ
И ласки дѣвы въ часъ свиданья
На лонѣ царственной весны,
И дивной страсти обаянье,
И упоительные сны,
Зарю, улыбки и рыданья.
И ужъ, конечно, своего
Тутъ не найдете ничего:
Все это пѣто, перепѣто,
Все это пахнетъ музой Фета,
Иль музой Тютчева... Иной
Поклонникъ пламенной природы,

Живописуетъ горы, воды,
Ночныя бури, хороводы
Далекихъ звѣздъ, волны прибой,
Зарю и тишь передъ грозой.
Но явно умъ пѣвца не ладитъ
Съ воображеньемъ — не даетъ
Себѣ отчета. Безъ хлопотъ
Иной природу такъ нарядитъ
Въ янтарь и въ фольгу, и въ атласъ,
Что кажется: прищуря глазъ,
Поэтъ взялъ призму и наводитъ
На все граненое стекло.
И все такъ радужно, свѣтло,
И все пестро такъ, что походитъ
То на ручной калейдоскопъ,
То на мозаику: — вникаешь
И трешь глаза, и морщишь лобъ
И ничего не понимаешь...
Есть форма, но она пуста —
Красиво, но — не красота.
Спросите: гдѣ эти лилеи,
Нарцисы, лавры, купы розъ,
Чинары, темныя аллеи,
И капли жемчуга и слезъ,
Въ какомъ такомъ подлунномъ мірѣ —
Въ Россіи или въ Кашемирѣ?!
Не спрашивайте! — Самъ поэтъ
Вамъ затруднится дать отвѣтъ.
Онъ только тонко улыбнется
И скажетъ: это зря поется
По вдохновенью — такъ, пришла
Фантазія и создала...

Извольте тутъ имѣть терпѣнье
И предъявлять свои права
На критику... Слова, слова.
Потеря времени...

ГОСТЬ.

Намѣренъ
Я васъ спросить... ну да, спросить:
Что надо вамъ, чтобъ угодить —
Чего хотите вы?

КРИТИКЪ.

Увѣренъ,
Что народившійся поэтъ,
Тотъ, кто въ душѣ задатки носитъ,
Къ намъ не придетъ и насъ не спроситъ:
Есть у него талантъ иль нѣтъ.
Орелъ не спроситъ у кукушки,
Орелъ онъ или воробей...
И соловей — пой хоть въ избушкѣ
У нищаго — все соловей.
Кто можетъ дать ему совѣты
Какъ пѣть? — Никто... Такъ и поэты.

ГОСТЬ (про себя).

Иной орла отъ воробья
Не отличитъ, а поучаетъ!

КРИТИКЪ.

Вы думаете про меня:
— Онъ всѣ таланты распугаетъ —
Нѣтъ, знаете, — не такъ легко

Пугнуть того, кто далеко
Глядитъ и высоко летаетъ,—
Повѣрьте.

ГОСТЬ.

Это въ утѣшенье
Вы говорите мнѣ?

КРИТИКЪ.

Ну, нѣтъ!
Разочаруйтесь: нѣтъ сомнѣнья,
Что сынъ вашъ вовсе не поэтъ.
Придетъ поэтъ и трезво взглянетъ
На жизнь, и воспѣвать не станетъ
Того, что грезится глупцамъ
Или влюбленнымъ гимназистамъ,
Не станетъ вторить эгоистамъ:
«Отдайтесь нѣгѣ». Нѣтъ, онъ самъ,
Какъ свыше одаренный властью
И жаждой истины томимъ,
Пойметъ, что онъ владѣетъ страстью,
А не она владѣетъ имъ.
Вѣдь что такое эти страсти,
Восторги, думы, гнетъ напасти,
И все, что въ насъ волнуетъ кровь —
Надежда, ненависть, любовь —
Для мысли или для искусства?
Не больше, какъ матеріалъ,—
Но — не лоскутья, а металлъ,
Что вынесетъ любой закалъ,—
Та сила, что творитъ на свѣтѣ

Не мало всяческихъ чудесъ;
Вотъ что заложено въ поэтѣ
И что даетъ таланту вѣсъ.
Бездушенъ, кто не понимаетъ,
Насколько тотъ богатъ душой,
Кто дерзновенною рукой
Намъ перлы творчества бросаетъ.
Онъ свѣтъ не скоро удивитъ.
Никто вначалѣ не рѣшитъ —
Въ годъ или два поэтъ истратитъ
Свои сокровища, иль хватитъ
Даровъ его на много лѣтъ.
Лукавый недовѣрчивъ свѣтъ...
Но, если чуетъ онъ богатство
Неистощимое, тогда
Безплодны зависть и вражда:
Поэтъ богачъ, не знаетъ рабства
И внѣ обычнаго суда.

ГОСТЬ.

Я кой-чего не понимаю...
Вы увлеклись,— я не слыхалъ,
Чтобъ кто нибудь такъ разсуждалъ
По поводу стиховъ... но знаю,
Что мой сынокъ не безъ огня,
И это радуетъ меня.
Присядетъ и стихотворенье
Уже готово — вдохновенье
И риѳмы гонятся за нимъ —
Онъ ими точно одержимъ...

КРИТИКЪ.

Коли матеріалъ не дорогъ
И слишкомъ ёмокъ — трудъ не дологъ:
Изъ воску или изъ тафты
Не долго смастерить цвѣты,
Но взять алмазъ въ корѣ и сразу
И грань, и блескъ придать алмазу,
Или изъ мрамора изсѣчь
Огонь лица и холодъ плечъ,—
Увы! нельзя... Тутъ нужно время,
И что же!.. Молодое племя
Поэтовъ мыслитъ не шутя,
Что можно, рукава спустя,
Создать *шедёвры*...
Мы скоро цѣлые вагоны
Стихами будемъ нагружать,
Чтобъ ихъ въ журналы посылать.
Поэты цѣлыми толпами
Идутъ на русскій Геликонъ,
И я боюсь, что рухнетъ онъ —
Провалится подъ ихъ ногами.

ГОСТЬ.

Ну что вы бредите, Богъ съ вами!

КРИТИКЪ.

Вѣнки и рѣчи похоронъ,
Парадъ и тосты юбилеевъ,
Некрасовъ, Алексѣй Плещеевъ,
И Фетъ, и Майковъ Аполлонъ,
И прочіе изъ той же свиты

У насъ прошли не безъ вреда...
Такъ разгорѣлись аппетиты,
Что злобы дня почти забыты,
И молодость не молода —
Хандритъ, мечтаетъ дома сидя,
И, гула славы не предвидя,
Стыдится честнаго труда.

ГОСТЬ.

Чортъ знаетъ, что вы говорите!

КРИТИКЪ.

А думайте, какъ вы хотите!..
Я боленъ — стихотворный бредъ
Меня до тошноты, до боли
Преслѣдуетъ... Я поневолѣ
Самъ глупо брежу, какъ поэтъ,
И думаю — не оттого ли
Все это (Боже упаси!).
Что сотни тысячъ на Руси
Сидитъ безъ дѣла, что трудиться
Одинъ лѣнивъ, другой боится...
Недаромъ, точно за грѣхи,
Осуждены одни на карты,
— На *винтъ*, другіе — на стихи?
. . . . . .

ГОСТЬ.

Прощайте!

(Въ передней).

Чортъ васъ побери!

Какое гнусное презрѣнье
Питаютъ эти господа
Къ роднымъ поэтамъ... Никогда
Не заходилъ бы я сюда—
Спасать карманъ отъ разоренья...
Какое недоразумѣнье!!

1889.

NN.

Мудрость ему обѣщала свой плодъ,—
Ложь поднесла ему грибъ,
Старый — но сладкій и липкій; — къ нему
Бѣдный, какъ муха, прилипъ!..

ПЕРЕДЪ КАМИНОМЪ.

Вотъ головня,—ни пламени не видно,
Ни дыму,—но она еще горитъ,
И, раскаленная, изъ-подъ золы, ехидно
И какъ бы вкрадчиво чадитъ...
Открой трубу — вооружись терпѣньемъ,
Дай пищу скрытому огню...
Обугленную головню
Воспламени усерднымъ дуновеньемъ:
Дай догорѣть ей, милый братъ:
Пусть въ наши сумерки, къ намъ въ комнату ворвется
Ея румяный лучъ и съ дымомъ унесется
Головоломный этотъ чадъ...
Она не мы — лишь мы не догораемъ
И догорать другъ другу не даемъ
Своимъ завистливымъ умомъ;
Лишь мы въ теплѣ отъ жизни угораемъ
И отъ своихъ къ чужимъ бѣжимъ,
Иль какъ рабы трусливые скрываемъ
Въ душѣ свой пламень и — чадимъ.

1890.

КАССАНДРА.

То не вѣтеръ — вздохъ Авроры
Всколыхнулъ морской туманъ;
Обозначилися горы
И во мглѣ Данаевъ станъ...
Многобашенная Троя
Чутко дремлетъ: здѣсь и тамъ
Жаждутъ мести, — жаждутъ боя...
— Жаждетъ отдыха Пріамъ...

Лишь Кассандра легче тѣни,
Не спѣша будить отца,
Проскользнула на ступени
Златоверхаго дворца;
И въ семьѣ никто не знаетъ —
Кто проснулся, чей хитонъ
Бѣлымъ призракомъ мелькаетъ
Въ сонномъ сумракѣ колоннъ...

Ей въ лицо прохлада дышетъ,
Ночи темь въ ея очахъ;
Складки длинныя колышетъ
Удаляющійся шагъ...

Глухи Гектора чертоги,—
Только храмы настежь — тамъ
Только мраморные боги
Предвкушаютъ ѳиміамъ.

Аполлона жрецъ суровый
Не вчера ли ей предрекъ,
Что, едва зарею новой
Зарумянится востокъ,
Къ ней — царевнѣ, въ тѣнь священной
Рощи, гдѣ царитъ Эротъ,
Новой страстью вдохновенный
Аполлонъ сойдетъ съ высотъ.

Въ этомъ видѣлъ онъ спасенье
Трои, замкнутой врагомъ,
И ей далъ благословенье
Сочетаться съ божествомъ:
Скрывъ свое негодованье
Къ назиданіямъ жреца,
Дочь Пріама на свиданье
Шла изъ отчаго дворца.

Вотъ ужъ видны ей: могила —
Съ новой урной саркофагъ,
Даль залива и вѣтрила,
И костры, и дымъ въ горахъ...
Вотъ и холмъ — за нимъ высоко
Блѣдно-розовая мгла...
И Кассандра одиноко
Въ роковую сѣнь вошла.

Въ дни счастливые — бывало,
Жрица бога своего,
Дочь царя не разъ лобзала
Ноги идола его,
Нынѣ сердце дѣвы чистой
Въ жизнь увлекъ иной потокъ...
Замерла она въ тѣнистой
Рощѣ, глядя на востокъ.—

Алый блескъ зари струится...
Это онъ идетъ — не сонъ...
На яву Кассандрѣ снится
Свѣтозарный Аполлонъ.
Руки — сила, ноги — крылья,
Голосъ — лиры сладкій звонъ.
— «Никого такъ не любилъ я»,
Говоритъ ей Аполлонъ.

«Къ жизни, къ творчеству зову я
Тукъ земли, моря и — кровь:
Вѣчный свѣтъ тебѣ несу я,
Этотъ свѣтъ — моя любовь.
Неземное полюби ты,
О, земная красота!»
Дѣвы вспыхнули ланиты,
И дрожатъ ея уста.

— «Въ мірѣ вѣчныхъ ликованій,
Посреди воздушныхъ странъ,
Ты не вѣдаешь страданій,
Ты не знаешь нашихъ ранъ...

Слезъ твои не знаютъ очи,
И тебѣ невѣдомъ страхъ;
Ни одной безсонной ночи
Не провелъ ты въ небесахъ...»

Ей не внемлетъ богъ влюбленный —
Страстью дышетъ свѣтлый ликъ;
Но Кассандры непреклонной
Руки сжаты, — взоръ поникъ.
«Полюбила-бъ я, быть можетъ,
Да любви мѣшаетъ стыдъ,
Участь родины тревожитъ,
Неизвѣстность тяготитъ.

«Ты стрѣлой сразилъ Ахилла,
Но Зевесъ, отецъ твой, намъ
За Ахилла мститъ, и сила
Напираетъ на Пергамъ.
Я устала ненавидѣть —
Я любить хочу, но знай,
Я, любя, хочу предвидѣть —
Даръ предвидѣнья мнѣ дай...»

Омраченный богъ очами
Зорко въ очи глянулъ ей
И вѣщалъ, встряхнувъ волнами
Золотыхъ своихъ кудрей:
«Смертной дѣвы не могу я
Сопричислить къ божествамъ,
Но за нѣгу поцѣлуя
Страшный даръ тебѣ я дамъ.

«Ты — цвѣтокъ живой природы
Мнѣ милѣй моихъ богинь...
Я покинулъ неба своды —
Ты — родной свой край покинь.
Позабудь порывы мщенья,
Рядъ могилъ, отца, семью...
Да врачуетъ даръ прозрѣнья
Душу скорбную твою!

«Отъ мечей, огня и дыма,
Отъ цѣпей позорныхъ я
Унесу тебя незримо
Въ благодатныя края.
Тамъ, роясь, витаютъ Грезы,
Тамъ, красавица, пророчь,
Гдѣ любовью дышутъ розы,
Соловьи поютъ всю ночь!..»

Ароматный, знойно-сладкій
Не зефиръ ли опахнулъ
Грудь и плечи ей, и складкой
Бѣлой ткани шевельнулъ...
Лучъ блуждающей надежды
Озарилъ ея черты,
Красота склонила вѣжды,
Устыдясь своей мечты.

Но волшебной рѣчи сила
Разливала жаръ въ крови,
И ужъ все готово было
Къ торжеству его любви...

Вдругъ Кассандра оглянулась
И — очами повела,
Съ дикимъ воплемъ отшатнулась,
Вскинувъ руки, замерла.

Обезумѣвъ, оборвала
Шнуръ повязки головной,
И, какъ жертва, простонала:
«Боги, боги! что со мной?!!
Если я тобой любима,
Не къ добру твоя любовь?!
Вижу я сквозь клубы дыма
Блескъ мечей, рѣзню и кровь...

«Пирръ на стогнахъ Иліона,
Вопли женъ,— насилье,— плѣнъ,
Бой на рынкѣ, бой у трона,
Бой среди родныхъ мнѣ стѣнъ!..
Не спасаютъ и Пенаты
Утварь стараго дворца:
Грабятъ пышныя палаты
Скиптроноснаго отца!

Или это сновидѣнье?
Или это на яву?!..
Трупъ царя безъ погребенья,
Обезглавленный, во рву...
Тщетны вопли и молитвы...
Даже храмъ твой, Аполлонъ,
Вижу я — въ разгарѣ битвы
Закопченъ и осквернен...

Даже гибель Иліона
Не разжалобитъ Судьбы...
Даже смерть Агамемнона
Не спасетъ его рабы...
Ахъ! Предчувствуя позоръ свой,
Мнѣ-ль прильнуть къ твоей груди?
Уходи, въ глухой просторъ свой —
Отъ проклятій уходи!..»

И въ одно мгновенье ока
Гнѣвный ликъ его погасъ —
Изступленной издалека
Онъ воззвалъ въ послѣдній разъ.
Громъ... И пыль пошла столбами...
Чу! не Фуріи ли тамъ
Погнались, свистя бичами,
За Кассандрой по слѣдамъ?

Вѣютъ бѣлыя одежды...
Слышенъ вой: въ конѣ... въ конѣ...
Гибель Трои...— Нѣтъ надежды...
Или мнѣ внимайте — мнѣ!
Прибѣжала... ноги босы,
Грудь, лицо, глаза въ огнѣ,
Растрепавшіяся косы
Разметались по спинѣ.

Слыша дочери стенанье,
Просыпается Пріамъ,
Но напрасны предреканья —
Вѣры нѣтъ ея рѣчамъ.

Ей рыдать даютъ свободу,
Ничего не говоря,
— Обезумѣла! — народу
Шепчутъ ближніе царя.

Дни бѣгутъ... Врагамъ повѣривъ,
Троя въ праздничныхъ цвѣтахъ;
Лишь она одна, измѣривъ
Бездну зла, внушаетъ страхъ...
Одичала... на оградѣ
Сѣла и — глядитъ, стеня,
Какъ встрѣчаетъ царь Палладѣ
Посвященнаго коня.

12-го февраля 1890 г.

Примѣчаніе. Это стихотвореніе, вслѣдствіе кое-какихъ недоразумѣній со стороны читателей, заставило меня обратиться къ справкамъ, такъ сказать, провѣрить свою память и свою фантазію.

Пришлось снова перечитать переводъ А. Н. Майкова сценъ изъ трагедіи Эсхила: *Агамемнонъ*. И вотъ что въ этихъ сценахъ говоритъ Кассандра:

КАССАНДРА.

Мнѣ даръ всевѣденья данъ Аполлономъ...

ХОРЪ.

Онъ благосклоненъ былъ къ тебѣ — любилъ?

КАССАНДРА.

До нынѣ, стыдъ мнѣ былъ бы въ томъ сознаться!
. . . . . .
Любилъ и требовалъ моей любви!

ХОРЪ.

И ты его порывамъ уступила?

КАССАНДРА.

Дала обѣтъ и — не сдержала слова!

ХОРЪ.

Ужъ получивъ сперва даръ прорицанья?

КАССАНДРА.

Ужъ гибель я предсказывала Троѣ!

ХОРЪ.

И гнѣвъ его тебя не поразилъ?

КАССАНДРА.

Ужасный гнѣвъ: никто не сталъ мнѣ вѣрить.—

Здѣсь изъ словъ Кассандры не видно, чтобъ она сама пожелала получить отъ Аполлона даръ прорицанія; но, по моему соображенію, это вѣроятнѣе.—Зачѣмъ нужно было Аполлону давать ей даръ, который былъ бы роковымъ для его любви! Еще вѣроятнѣе (т. е. логичнѣе), что онъ уступилъ ея желанью—стать пророчицей не иначе какъ при первомъ свиданіи,—въ страстномъ увлеченіи красотой ея.

Нѣкоторые замѣтили мнѣ, что слово *«одичала»* слишкомъ вѣско или грубо по отношенію къ Кассандрѣ, но въ тѣхъ же сценахъ вотъ что говоритъ Кассандра о своемъ прошломъ:

Безумные! — Свои же насмѣхались!
Ругали какъ врага: — ехидной нищей,
Обманщицей — голодную меня,
Несчастную, отвергнутую всѣми!

т. е. и отцомъ, и семьей, и народомъ.—Мудрено ли послѣ этого отъ всѣхъ удаляться, и какъ бы одичать...

О томъ, какую роль игралъ деревянный конь, коварно посвя-

щенный греками троянамъ, — конь, торжественно ввезенный въ Трою, и въ ту же ночь ставшій причиною ея страшной гибели, видно изъ девятой рапсодіи Иліады, или изъ 2-й главы Энеиды Вергилія. Въ этой главѣ о Кассандрѣ говорится только, что ее— Пріамову дѣву, съ распущенной косой, повлекли отъ храма Минервы, и что она могла только возводить свои горящія очи, такъ какъ нѣжныя руки ея были уже скованы.

НЕОТВЯЗНАЯ.

О! что хочешь говори!
Я не дамъ себя въ обиду.—
Я вѣрна тебѣ,— и я
Отъ тебя живой не выйду.

Пусть бранятъ меня,— зовутъ
Невозможной, неотвязной!
Для меня — любовь,— клянусь!
Не была забавой праздной;

Я повѣрила твоей
Клятвѣ вѣчной, непритворной,
И соперницѣ не дамъ
Разорвать союзъ нашъ кровный...

Закаленная нуждой,
Отрицаемая свѣтомъ,
Я къ распутнымъ не пойду
За спасительнымъ совѣтомъ.

Пусть **разсчетъ** ихъ вѣренъ — пусть
Имъ потворствуютъ **законы**,
Никому твоей любви
Не продамъ за милліоны!

Бей меня или — убей!
Я твоя — твоей умру я,
Съ вѣчной жаждою любви,
Нѣжныхъ ласкъ и поцѣлуя.

Гдѣ бы ты ни пропадалъ,
Съ кѣмъ бы ни былъ,— на порогѣ
Будетъ тѣнь моя стоять —
Не сойдетъ съ твоей дороги.

Сколько-бъ ты ни измѣнялъ,
Что̀-бъ ни дѣлалъ — другъ мой милый!
До могилы ты былъ *«мой»*,
Будешь «мой» и за могилой...

ЧЕРНОГОРСКІЙ КЛЮЧЪ.

Теки, славянскій ключъ,— теки! Уже немного
Такихъ нетронутыхъ ключей,
Въ которыхъ бы ни галлъ, ни хитрый швабъ, ни турокъ
Не напоилъ своихъ коней.
Горами, какъ щитомъ, прикрытый Всемогущимъ
Отъ жадныхъ вражескихъ очей,
Ліясь, ты омывалъ зіяющія раны
Тобой вспоенныхъ сыновей.
Къ родному очагу любовью распаляя
Сердца ихъ наканунѣ битвъ,
Невѣстъ ихъ, матерей и вдовъ видалъ ты слезы,
Слыхалъ и шопотъ ихъ молитвъ.
Когда-то, въ дни борьбы, врагамъ иноплеменнымъ,
Разбитымъ, сдавшимся въ бою,
Ты, гордый, предлагалъ, какъ бы изъ состраданья,
Свою цѣлебную струю.
Теперь ты странника поишь, когда идетъ онъ,
Какъ другъ славянъ, къ твоимъ сынамъ,
Чтобъ почерпнуть въ тебѣ надежду или съ вѣрой
Припасть къ живымъ твоимъ струямъ.

Кто жажду утолилъ въ твоихъ струяхъ, ни разу
Еще измѣной не дышалъ;
Не даромъ бережетъ и князь твой вѣнценосный
Истокъ твой, чистый какъ кристалъ.
Теки, со всѣхъ сторонъ охваченный врагами,
Загородившими твой путь:
Они грозой тебя пугаютъ, но — могуча
Грозой насыщенная грудь!..
Ты разольешься, какъ рѣка, въ грозу и въ ливень,
И потечешь съ безплодныхъ горъ,
Чтобъ смыть и разметать наносную преграду
И къ морю выйти на просторъ.

ВЪ ОСЕННЮЮ ТЕМЬ.

Отрывокъ.

. . . . . .

. . . . . .

Вечера настали мглистые,—
Отсырѣли камни мшистые;
И не цвѣтиками розовыми,
Не листочками березовыми,
Не черемухой въ ночно́мъ пару,
Па́хнетъ, вѣетъ во сыро́мъ бору,—
Вѣетъ тучами сгустившимися,
Пахнетъ липами—свалившимися,
Или мокрыхъ листьевъ во́рохомъ;
Тишина пугаетъ шо́рохомъ....
Только тамъ, за рѣчкой тинистою,
Что-то злое и порывистое
Съ гуломъ по лѣсу промчалося,
Словно смерти испугалося...
Что со мной!.. Чего спасительнаго
Или—хоть бы утѣшительнаго
Ожидать отъ лѣсу темнаго,
Въ сонъ и холодъ погруженнаго?

Пусть другой тутъ съ горя топится!..
Сердце жить еще торопится...
Чувство тайное, весеннее,
Будь смѣлѣй и откровеннѣе,—
Выручай свою возлюбленную,
Злыми сплетнями погубленную!
Пусть ее — мою красавицу,
Сироту и безприданницу,
Силой выдали за пьяницу...
Знаю я тебя, піявицу,—
Моего лихого вòрога!!
Ты купилъ ее недорого —
Только я возьму не дешево -
Ничего не жди хорошаго!....

1890.

ЖИВАЯ СТАТУЯ.

Распорядителемъ земныхъ судебъ
Мнѣ не дано играть на сценѣ свѣта
Ваятеля зависимую роль:
Перо — плохой рѣзецъ; а между тѣмъ
Есть образы, которые, волнуя
Воображенье, тяжелы какъ мраморъ,
Какъ мѣдь литая,— холодны какъ проза,
Какъ аллегорія...
Гляди,— мнѣ говоритъ,
Какъ бы сквозь сонъ, тревожная моя
Фантазія: — Идетъ или стоитъ
Та женщина?.. Гляди... не молода...
Но красота и страсти роковыя,
И мысль, и скорбь, а, можетъ быть, и пытка
Оставили на ней свои слѣды...
Ея лицо и взглядъ, и поступь — все внушаетъ
Любовь и ненависть, и сожалѣнье,
И затаенный ужасъ...
Задыхаясь,
Она идетъ и поражаетъ странной
Необычайностью своей одежды...
На головѣ ея сіяетъ діадема
Изъ драгоцѣнныхъ камней и терновый

Вѣнокъ съ Голгоѳы, перевитый хмѣлемъ
И вѣковыми лаврами; богатства
Всѣхъ странъ подлунныхъ отягчаютъ
Ей грудь и плечи; — перлы и алмазы,
Мелькаютъ въ роскоши ея волосъ
И бѣлую опутываютъ шею,
И прячутся подъ нитями узора
Пожелкнувшихъ венеціанскихъ кружевъ.
На ней повисла мантія съ гербами
Монархій и республикъ; бархатъ смятъ
Порывомъ пролетѣвшей бури;— ниже
Простой ременный поясъ, — ниже — складки
Рабочаго передника, затѣмъ — заплаты,
Лахмотья, наконецъ,—босыя ноги
Въ пыли и язвахъ...
Женщина согнулась
Подъ страшной ношей: на ея спинѣ,
Какъ на спинѣ носильщика, желѣзо
И золото,— и брони изъ булата
(Судовъ и башенъ хрупкіе щиты),
И ружья, и съ патронами мѣшки,
И на лафетахъ пушки, и кули,
Готовые прорваться, изъ которыхъ
Чиненыя выглядываютъ бомбы.
Все это ей по росту (колоссальный,
Могучій ростъ!!)... Но сгорбилась она
Подъ этой страшной ношей,— осторожно
Ступаетъ,— опирается на мечъ —
Имъ щупаетъ дорогу;—улыбаясь,
Съ надменнымъ недовѣріемъ она
Усталыми глазами, изъподлобья,
Глядитъ впередъ, не замѣчая,

Какъ на ея широкомъ пьедесталѣ
Несмѣтный рой пигмеевъ, копошась
И суетясь, ей подъ ноги бросаетъ
Свои мишурныя издѣлья: — кипы
Нотъ, никому невѣдомыхъ, романы,
Забытые стихи, картины, моды,
Фальшивые цвѣты и статуетки,
И милліонъ пудовъ листовъ печатныхъ,
Прочитанныхъ сегодня, завтра—рваныхъ...
Они кричатъ ей: «Дай намъ славу!
Дай золота!!» Они грозятъ ей
И проклинаютъ или умиленно
Глядятъ наверхъ, на блескъ ея вѣнцовъ.
Они надъ лаврами смѣются и вѣнчаютъ
Ложь и развратъ, кощунствуя—хохочутъ,
Или косятся съ ужасомъ на мечъ,
Въ дни мира извлеченный изъ ноженъ,
Отточенный, какъ наканунѣ боя,
Косятся и на бомбы, отъ которыхъ
Кули трещатъ и рвутся на спинѣ
Босой владычицы,—рабы и королевы.
Она идетъ, обдуманно скрывая
Загаданную цѣль;—ей нипочемъ
Провозглашать любовь, права, свободу,
И сокрушать, давить своей пятой
Великодушныя надежды и мечты...
Ей и самой мучительно подъ грузомъ
Желѣза, поѣдающаго хлѣбъ,
И золота, питающаго роскошь
Иль суету страстей; а между тѣмъ
Она гордится ношей, какъ послѣднимъ
Плодомъ ея усилій, какъ залогомъ

Грядущей славы.—Ей, согбенной
И устарѣлой, снится, что у ней
Въ десницѣ Божій громъ, и что она
Несетъ грозу на всѣхъ, кто смѣетъ
Ей помѣшать идти; вліять и—грабить.
Ей тяжело... Ни головы поднять
Она не можетъ, ни нагнуться ниже:
Она уже не видитъ неба и
Предчувствуетъ, что все, что̀ соскользнетъ
Съ наклона головы ея, она
Поднять не будетъ въ силахъ, не рискуя
Нарушить равновѣсіе свое
Или упасть... Не дай ей Богъ, ступая
По слякоти, споткнуться на своихъ же
Пигмеевъ,— быть раздавленной своимъ же
Въ желѣзный вѣкъ желѣзной волей
Сколоченнымъ добромъ!..
Какой тяжелый,
Не всѣмъ понятный образъ! Для чего ты
Возникъ и отпечатался въ очахъ
Души моей!? Зачѣмъ мое перо,
Какъ бы на зло мнѣ, изваяло
Такую статую? Какъ будто въ ней —
Нашъ идеалъ! Какъ будто всѣ должны мы
Брести, согнувшись подъ ярмомъ желѣза
И золота?! И кто изъ благодушныхъ
Ея поклонниковъ не отвернется
Отъ пораженнаго своимъ видѣньемъ
Мечтателя, и кто изъ нихъ не скажетъ
Съ негодованьемъ: Нѣтъ, не такова
Европа, на пути къ двадцатому столѣтью?

1890. Апрѣля 30-го.

ВЪ ГОСТЯХЪ У А. А. Ш.

I.

Тщетно сторою оконной
Ты ночлегъ мой занавѣсилъ—
Новый день, румянъ и веселъ,
Заглянулъ въ мой уголъ сонный.

Вижу утренняго блеска
Разгорѣвшіяся краски,—
И не спрячетъ солнца ласки
Никакая занавѣска...

Уголъ мой для сновъ не тѣсенъ
(Еслибъ даже снились боги).
Чу! меня въ свои чертоги
Кличетъ Муза птичьихъ пѣсенъ.

Но, какъ рабъ иной привычки,
Жаждущій иного счастья,
Врядъ ли я приму участье
Въ этой птичьей перекличкѣ!..

II.

Зной,—и все въ томительномъ покоѣ:
Въ пятнахъ свѣта тѣни спятъ въ аллеѣ;
Только чуткой чудится лилеѣ,
Что гроза таится въ этомъ зноѣ.

Блѣдная поникла у балкона—
Ждетъ грозы, — и грезится ей, бѣдной,
Что далекой бури призракъ блѣдный
Сталъ темнѣть въ лазури небосклона...

Грёзы лѣта кажутся ей былью—
Грозъ и бурь она еще не знаетъ,
Ждетъ... зоветъ... и жутко замираетъ
Золотой осыпанная пылью...

д. Воробьевка, 1890.

Вѣрь, не зиму любимъ мы, а любимъ
Мы зимой искусственное лѣто:
Ранней ночи мракъ глядитъ къ намъ въ окна,
А мы дома щуримся отъ свѣта.

Надъ сугробами садовъ и рощей
Никнутъ обезлиственныя сѣни;
А у насъ тропическихъ растеній
Вѣтви къ потолку бросаютъ тѣни.

На дворѣ метётъ и воетъ вьюга;
А у насъ веселый смѣхъ и—рѣчи,
И подъ звуки вальса наши дамы
Кажутъ намъ свои нагія плечи.

Торжество̀ въ борьбѣ съ лихой природой
Въ городахъ зимой намъ очевиднѣй;
Но и въ снѣжномъ полѣ теплой хаты
Ничего не можетъ быть завиднѣй...

Такъ ли намъ легко бороться съ лѣтомъ,—
Съ бурными разливами, съ засухой,
Съ духотой, съ грозой, съ трескучимъ градомъ,
Съ пылью, даже—съ комаромъ и мухой!..

Далеко не такъ побѣдоносны
Мы въ борьбѣ съ неукротимымъ лѣтомъ,
Хоть оно и вѣетъ ароматомъ,
Золотя лѣса вечернимъ свѣтомъ...

Всѣ мы любимъ розъ благоуханье,
Шумъ прибоя волнъ на знойномъ югѣ, —
Шорохъ ночи, жатвы колыханье,
И дѣтей веселые досуги...

1890.

Не то мучительно, что вѣчно страшной тайной
Въ недоумѣнье повергаетъ умъ, —
Не то, что можетъ дать просторъ для вдохновенья
И пищу для крылатыхъ думъ,

А то мучительно, что́ и въ потёмкахъ ясно,
Что̀ съ дѣтскихъ лѣтъ знакомо намъ, о чемъ
Мы судимъ сердцемъ такъ любовно, такъ пристрастно,
И такъ безжалостно умомъ...

Не миріады звѣздъ, что̀ увлекаютъ духъ мой
Въ просторъ небесъ, холодный и нѣмой,
А искры жгутся и—одной изъ нихъ довольно,
Чтобъ я простылъ, сгорѣвъ душой...

1890.

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ.

На всѣ призывы безъ отзыва
Идетъ къ концу мой сѣрый день:
И дрогну я, и терпѣливо
Жду... Приходи святая тѣнь!

Я къ ночи сердцемъ легковѣрнѣй,
Я буду вѣрить какъ нибудь,
Что ночь, гася мой свѣтъ вечерній,
Укажешь мнѣ на звѣздный путь.

Чу! колоколъ... Душа поэта,
Благослови вечерній звонъ! —
Похожъ ли онъ на крики свѣта,
Спугнувшіе мой лучшій сонъ!?

Вечерній звонъ... и въ отдаленьи,
Сквозь гулъ тревоги городской,
Пророчь мнѣ къ ночи вдохновенье
Или могилу и покой.

Но жизнь и смерти призракъ міру
О чемъ-то вѣчномъ говорятъ; —
И какъ ни громко пой ты,—лиру
Колокола перезвонятъ.

Безъ нихъ, въ пыли руинъ забытыхъ,
Исчезнутъ геніи вѣковъ...
То будетъ адъ звѣрей несытыхъ,
Или эдемъ полубоговъ...*).

1890.

*) Привожу (въ видѣ варіанта) это же стихотвореніе, какъ оно было напечатано въ журн. «Русскій Вѣстникъ»:

Вечерній звонъ... не жди разсвѣта;
Но и въ туманахъ декабря,
Порой мнѣ шлетъ улыбку лѣта
Похолодѣвшая заря...

На всѣ призывы безъ отвѣта
Уходишь ты, мой сѣрый день!
Одинъ закатъ не безъ привѣта...
И не безъ смысла — эта тѣнь...

Вечерній звонъ — душа поэта,
Благослови ты этотъ звонъ...
Онъ не похожъ на крики свѣта,
Спугнувшаго мой лучшій сонъ.

Вечерній звонъ... И въ отдаленьи,
Сквозь гулъ тревоги городской,
Ты мнѣ пророчишь вдохновенье
Или могилу и покой.

Но жизнь и смерти призракъ міру
О чемъ-то вѣчномъ говорятъ,
И какъ ни громко пой ты, — лиру
Колокола перезвонятъ.

Безъ нихъ, быть можетъ, даже геній
Людьми забудется какъ сонъ, —
И будетъ міръ иныхъ явленій,
Иныхъ торжествъ и похоронъ.

12 мая 1890 г.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	Слѣдуетъ:
Стихотвор. «Эротъ», стр. 12, стих. 10	Потѣшится	Тѣшится
Стихотвор. «Стансы», стр. 39, стих. 3	Одна	Одно
Стихотвор. «Фантазія», стр. 92, стих. 8	мѣрялъ	мѣрилъ
Стихотвор. «Анна Галдина», стр. 119, стих. 7	охватилъ	отхватилъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Дѣтство нѣжное	1
Орелъ и голубка	3
Н. И. Лорану	5
Любви не боялась ты...	7
А. А. Фетъ	8
Въ засуху	10
Эротъ	12
У двери	13
Лебедь	18
Золотой телецъ	20
Свѣтлое воскресенье	24
Памяти В. М. Гаршина	26
Они	29
На снѣжной равнинѣ...	31
Въ хвойномъ лѣсу	33
Завѣтъ	37
Стансы	39
Для сердца нѣжнаго...	40
Въ день пятидесятилѣтняго юбилея А. А. Фета	41
Зимой, въ каретѣ	43
Пугливъ и чуткъ зайка сѣрый...	45
Я врагами богатъ и друзьями...	46
Люблю, цѣню твои сомнѣнья...	47
На мотивъ одной старой французской легенды	49
Подросла	52

	стр.
Повѣсть о правдѣ истинной и о кривдѣ лукавой	55
Фантазія	91
Анна Галдина	98
Разговоръ	159
NN	177
Передъ каминомъ	178
Кассандра	179
Неотвязная	189
Черногорскій ключъ	191
Въ осеннюю темь	193
Живая статуя	195
Въ гостяхъ у А. А. Ш.	199
Вѣрь, не зиму любимъ мы...	201
Не то мучительно...	203
Вечерній звонъ	204

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6753
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

APR 15 1991

Д-76-77

UCRL 580 580 (15)

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY

B000210473

17-50
020712
97